

Тамара Создемир

Остаться в тебе

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тамара Создемир

Остаться в тебе

<https://litres.ru/74531269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она шумит.

Станками. Голосом. Смехом. Стуком. Она делает мебель. Одна. В доме, который купила сама. Она говорит прямо. Требуется ответа. Не умеет молчать.

Я не умею так. Я принимаю решения. У меня был план: жена, дети, семья — к сорока пяти. Я не верил в любовь. Просто не сталкивался.

Мы встретились.

Она спросила меня однажды: где она в моей жизни. Я не знал, что ответить.

Тамара Создемир

Остаться в тебе

I

ЭПИЗОД 1

В четыре двадцать семь Тара выключила рейсмус.

Три доски так и остались лежать у стены.

Она посмотрела на них, потом на часы.

— Завтра.

В мастерской сразу стало оглушительно тихо. Ещё несколько секунд звенело в ушах, а потом стали проступать обычные звуки дома: вода где-то в стояке, хлопнувшая наверху дверь, далёкий телевизор. В воздухе медленно оседала мелкая древесная пыль. Тара сняла защитные очки и провела запястьем по лбу. Комод у дальней стены был почти готов. Оставались верхний ящик, финишная шлифовка и покрытие. Верхний ящик Таре не нравился. Она выдвинула его.

На последних трёх сантиметрах направляющая едва заметно цепляла.

— Завтра, — повторила она.

Задвинула.

Через двадцать минут направляющая стояла заново.

Тара проверила ящик ещё четыре раза, удовлетворённо кивнула и только после этого заметила занозу в мизинце.

— Прекрасно.

Пинцет лежал там, где и должен был лежать. В отличие от карандаша, который она искала с обеда и обнаружила во время уборки возле циркулярной пилы.

Подвал когда-то казался огромным.

Теперь вдоль одной стены выстроились станки, а вдоль другой — стеллажи с инструментом и банками, под потолком лежали длинные заготовки, а пространство возле окна занимали обрезки, которые Тара регулярно собиралась выбросить и столь же регулярно использовала через неделю. Струбцины висели на отдельной панели.

Когда-то она считала, что трёх будет достаточно.

Это было до того, как она начала понимать жизнь.

Тара собрала стружку, прошла пылесосом возле верстака и убрала инструменты.

На полке осталась небольшая резная деталь, которую никто не заказывал. Просто однажды вечером ей захотелось попробовать

1 / 1064

рисунк. Рядом стояла коробка с крышкой, испорченной дважды и ожидавшей третьей попытки.

Первым был детский стульчик.

Он получился тяжёлым, немного кривым и с одной ногой короче остальных. Тара тогда подклеила снизу кусочек фетра и объявила проблему решённой.

Стульчик, к её некоторому удивлению, был жив до сих пор. Тогда дерево было просто хобби. Работа была другая,

нормальная, с зарплатой по расписанию и совершенно другими проблемами. Потом появился лобзик. Потом торцовка. Потом фрезер и тысяча просмотренных видеоуроков на YouTube. Тогда, как она помнила, она даже не пожадничала на подписку.

Потом были полки. Шахматный столик, который она переставляла столько раз, что в какой-то момент проще было начать сначала. Шкаф для родителей, после которого отец ещё месяца три находил повод сообщить кому-нибудь, что его дочь сделала его сама.

А потом появился первый человек, который не был родственником или другом и спросил:

«Сколько будет стоить, если вы сделаете такое для меня?»

Тара тогда минут пять смотрела на сообщение.

С тех пор прошло восемь лет.

Профессионалом она себя до сих пор не называла. Настоящие профессионалы, как ей казалось, наверняка знали значительно больше и гораздо реже портили дорогой орех.

Но получалось у неё хорошо.

Иногда очень хорошо.

С этим спорить было уже глупо.

Она выключила свет и поднялась наверх.

На пятом этаже возле лифта встретился мистер Ларсен. В одной руке у него был пакет с продуктами, во второй — упаковка воды. — Работали?

Тара посмотрела на свою футболку.

Серая ткань спереди была почти белой.

— Немного.

Он улыбнулся.

— Сегодня слышал вас.

Тара перестала улыбаться.

— Сильно?

— Нет-нет. Низкий такой звук. Минут десять, наверное.

2 / 1064

— В котором часу?

— Около четырёх.

— Простите.

— Я не жалуюсь.

— Я знаю.

Он действительно не жаловался.

Тара забрала у него воду.

— Давайте помогу.

— Я ещё способен донести шесть бутылок.

— Я в этом и не сомневаюсь.

Он посмотрел на неё и улыбнулся, смешно оттопыривая седые кустистые усы.

— С вами невозможно спорить, юная леди.

— Это неправда. Просто сейчас у вас невыгодная позиция. Лифт приехал.

На их этаже за одной из дверей плакал ребёнок, а за другой кто-то говорил по телефону так громко, будто собесед-

ник находился не в телефоне, а на соседнем континенте без связи.

Тара донесла воду до двери Ларсена, отказалась от предложенной шоколадки и ушла к себе.

После душа вода на дне ванны ещё несколько секунд оставалась серой.

Она вытерла волосы, натянула домашние брюки и футболку и босиком прошла на кухню.

Квартира была небольшой и уютной. Светлые стены контрастировали с тёмным деревянным полом, у стены стоял глубокий серый диван. Книжный шкаф во всю стену был её гордостью, но повторить Тара бы не решилась. В процессе его создания она говорила, что он вымотал ей всю душу. Как будто шкаф это умеет.

И всё же большая часть мебели была покупной — жить внутри собственного каталога ей никогда не хотелось. Из своего были только тот шкаф, низкий столик возле дивана и несколько кухонных досок, которыми она пользовалась без всякого уважения к авторской работе.

На подоконнике рос базилик.

Отношения у них складывались сложно, но пока оба держались. Телефон завибрировал.

Тара открыла сообщение.

На фотографии возле большого деревянного корабля стоял

незнакомый мужчина и широко улыбался в камеру.

Следом пришло:

«Двадцать седьмой».

Тара рассмеялась.

«Сам попросил?»

Ответ появился почти сразу.

«Клянусь».

«Двадцать семь человек случайно захотели сфотографироваться с кораблём?»

«У моих гостей хороший вкус».

«На тридцатом открываем шампанское».

«Договорились».

Тара ещё раз посмотрела на фотографию.

Корабль она закончила почти год назад.

Делала долго. Дважды перебирала почти готовую корму, а потом злилась на себя за идиотизм.

Тара бросила телефон на диван и пошла на кухню.

В холодильнике обнаружились сыр, помидоры, половина лимона, банка оливок и бутылка вина. Мог получиться достойный ужин. Приготовив, она поставила тарелку на стол.

Напротив стоял второй стул.

Когда-то за этим столом сидели двое.

Они с Адамом долго были хороши вместе. Потом оказалось, что дружить друг с другом у них получается лучше, чем быть мужем и женой. И они развелись.

С детьми тоже не случилось. Когда-то было больно, теперь

нет. И назад ей не хотелось, а вот вперёд — да.

Она хотела снова влюбиться. Хотела детей. Человека, рядом с которым однажды можно будет обнаружить, что прошло двадцать лет.

Пока такого человека не было, и жизнь от этого хуже не становилась.

Телефон снова завибрировал.

Эмма:

«Суббота у меня».

Клэр ответила первой:

«Буду, mon petit général».

Майя:

«До восьми в больнице».

«После восьми».

4 / 1064

«Я буду пахнуть больницей».

Тара написала:

«Мы нальём тебе вина».

Клэр:

«А мне?»

«Ты пахнешь адвокатами. Тебе тоже».

Тара улыбнулась.

Сверху что-то тяжело упало.

Потом маленькие ноги пробежали через всю квартиру. — Живой, — сказала Тара и открыла ноутбук.

Через полчаса из-под пола пришёл знакомый низкий гул.

Тара замерла.

Гул длился секунд десять и исчез.

Она посмотрела вниз.

Дом жил через стены, трубы, перекрытия. Чужие дети бежали над её головой. Она включала станки под чужими ногами. Никто особенно никому не мешал — пока не начинал.

Тара открыла браузер и в строке поиска набрала:

«дом купить пригород».

ЭПИЗОД 2

В понедельник в восемь шестнадцать Максимилиан Вейл положил перед Генрихом Штайном распечатку.

— Пять рабочих дней.

Штайн не посмотрел на бумагу.

— Я знаю.

— Тогда объясните.

Кабинет занимал весь третий этаж. Два высоких окна пропускали холодный свет серого утра, и за стеклом медленно просыпался город.

В центре стоял длинный дубовый стол, массивный, тщательно отполированный до мягкого блеска. Вокруг него располагались шесть кресел. Вдоль одной из стен тянулся невысокий шкаф. На его поверхности стояли две модели оборудования и несколько технических каталогов — единственные вещи, нарушавшие строгую сдержанность интерьера.

Штайн подался вперёд.

— Поставка узла сорвалась. Вы это знаете.

5 / 1064

— Знаю.

— Без него мы не могли закончить второй этап.

— Закончить — нет. Продолжить — могли.

Штайн помолчал.

Максимилиан перевернул страницу.

— Вторую линию вы остановили в среду.

— Людей пришлось перебросить.

— Куда?

— На первую.

— Зачем?

Штайн нахмурился.

— У нас были опасения по срокам.

— По первой линии?

— По проекту в целом.

Максимилиан поднял глаза.

— Первая линия шла с опережением на одиннадцать часов. Вторая не зависела от узла до пятницы. Вы сняли с неё смену в среду в шестнадцать двадцать.

— Если бы поставка пришла в четверг, как обещали...

— Вы потеряли бы четыре часа на возврат людей.

Штайн замолчал.

— Максимум пять, — продолжил Максимилиан. — Вместо этого потеряли почти две смены.

— Я не хотел держать бригаду без гарантии загрузки.

— Вот.

Штайн посмотрел на него.

— Что — вот?

— Причина.

Максимилиан откинулся в широком кресле. Но даже оно не делало его меньше — напротив, на его фоне особенно заметно было, насколько большим он был.

— Вы приняли экономическое решение. Не техническое. Решили не оплачивать простой, который мог возникнуть.

— Это нормальное решение.

— Возможно.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что это было ваше решение. А срок — наш.

Штайн сжал губы.

Максимилиан передвинул к нему вторую страницу.

— Риск превышения срока появился в системе в среду в четырнадцать десять. Уведомление от вас пришло в понедельник в

6 / 1064

десять двадцать.

— До пятницы мы рассчитывали решить вопрос.

— Не решили.

— Поэтому уведомили.

— Поэтому поздно.

Штайн наконец взял бумаги.

— Восемь процентов?

— Да.

— Девятьсот сорок тысяч.

— Да.

— У вас нет фактического ущерба на девятьсот сорок тысяч. — Это штраф за нарушение условий уведомления, а не счёт за ущерб.

— Мы работаем с вами шесть лет.

— Поэтому вы сейчас сидите здесь.

Штайн коротко рассмеялся.

Без веселья.

— И что вы хотите?

— С сегодняшнего дня — еженедельный контроль графика. Любой риск сдвига больше одного рабочего дня — письменно в течение четырёх часов после фиксации.

— Четырёх?

— Да.

— У меня люди работать будут или письма вам писать?
— Если сообщение о риске занимает у них больше четырёх часов, замените людей.

Штайн посмотрел на него.

— А если я откажусь?

— Не откажетесь.

— Почему?

— Потому что альтернатива вам не понравится.

Тишина продержалась несколько секунд.

— Вы мне не доверяете.

— Теперь меньше.

— После шести лет.

— Генрих, шесть лет не дают вам права скрывать от меня риск четыре дня.

Штайн отвёл взгляд к окну.

— Если я соглашусь?

— Продолжаете объект.

— Штраф?

7 / 1064

— Остаётся.

— Конечно.

Он поднялся.

У двери остановился.

— Вы редкостный мудак, Вейл.

— Это ваша проблема.

Штайн вышел.

Дениэл вошёл почти сразу.

Высокий, сухощавый, с планшетом в руке. На закрывшуюся дверь даже не посмотрел.

— Альтернативы Штайну, — сказал Максимилиан. — Сегодня. — Полный список или три лучших?

— Три. Те, кто сможет зайти на объект в течение двух недель. Дениэл сделал пометку.

— Келлер?

— Сорок восемь часов заканчиваются в четверг в десять.

— До этого не трогаем.

— Да.

— В одиннадцать банк. В двенадцать тридцать Гамбург.

— Объект?

— Перенёс на четыре.

Максимилиан кивнул.

— Всё.

Дениэл вышел.

Через несколько минут Генрих Штайн перестал занимать место в голове Максимилиана.

ЭПИЗОД 3

К часу ночи Тара выяснила, что «уютный» означает маленький, «уединённый» — далеко, а «с огромным потенциалом» обычно означает, что потенциал придётся оплачивать отдельно.

В субботу она рассказала об этом подругам.

— А чего ты вообще хочешь? — спросила Майя.

Она сидела на кухонной столешнице Эммы и ела салат прямо из миски.

— Дом.

8 / 1064

Клэр подняла глаза от коробки с пирожными.

— Очень конкретно.

— Я только начала, — сказала Тара и показала ей язык. Эмма поставила на стол ещё один бокал.

— Кухня?

— Закрытая.

— Почему?

— Потому что, я не хочу смотреть на кастрюли с дивана.

— Кастрюли можно помыть.

Тара посмотрела на неё.

— Я пришла сюда за поддержкой.

— Ты ошиблась адресом.

Майя ткнула вилкой в её сторону.

— Мастерская.

— Отдельная. Нормальная. Чтобы я могла включить станок и не думать, кто сейчас лежит этажом выше и прокли-
нает меня.

— Сад?

— Да.

— Ты будешь заниматься садом?

Тара задумалась.

— Я буду в нём сидеть.

Клэр кивнула.

— Честный ответ.

— Небольшой, — решила Тара. — Или большой, если он
каким-то чудом обслуживает себя сам.

— Гостевая нужна? — спросила Эмма.

— Конечно.

— Зачем?

— Чтобы вы могли приезжать и пить моё вино.

— Нужна, — немедленно согласилась Клэр.

На другом конце кухни завибрировал телефон Эммы. Она посмотрела на экран и перевернула его.

Майя прищурилась.

— Сумка?

— Нет.

— Она всё ещё в корзине?

— Возможно.

Тара отпила вина.

— За эту цену она должна сама тебя носить.

— Вот поэтому я её и не покупаю.

— Ты думаешь о ней третий месяц, — сказала Клэр.

9 / 1064

— Я принимаю взвешенное решение.

— Ты ждёшь скидку.

— Это и есть взвешенное решение.

Из коридора донёсся голос:

— Мам!

Эмма закрыла глаза.

— Нет!

— Я ещё ничего не сказал!

— Мотоцикл всё равно нет!

Майя посмотрела на Тару.

— Ему шестнадцать.

— Помню. Поэтому теперь он обрабатывает отца.

Клэр взяла пирожное.

— Ищет слабое звено.

Эмма мрачно посмотрела в сторону коридора.
— Слабое звено сегодня спит на диване.

ЭПИЗОД 4

Первый дом Тара посмотрела через неделю.

До него оказалось тридцать две минуты без пробок, последние километры — по дороге, которая в феврале наверняка превращалась в отдельное жизненное испытание.

Сам дом был нормальный.

Прихожая. Отдельная кухня. Три спальни. Маленький сад. Постройку в дальнем углу агент назвала мастерской.

Тара открыла дверь, заглянула внутрь.

— Рейсмус войдёт, я — нет, — сказала она скорее самой себе. Дом она всё-таки обошла.

В одной из комнат задержалась у окна.

Светлые стены, маленький сад внизу. Комната казалась непривычно светлой и тихой. Здесь хорошо смотрелась бы детская кровать.

Мысль появилась спокойно.

Тара вышла из дома и попрощалась с риелтором.

В следующее воскресенье Тара подъехала к дому Эммы без трёх минут десять.

И даже нашла место с первой попытки.

Она заглушила двигатель и некоторое время сидела, не выходя. Вокруг было непривычно тихо. Аккуратные дома, деревья вдоль

улицы, ухоженные газоны — всё выглядело так, будто воскресным утром здесь принято говорить вполголоса.

Красный Hummer занимал парковочное место с той же непринуждённостью, с какой очень крупные люди занимают маленькие стулья: формально помещался, но окружающим всё равно становилось немного неудобно.

Машину она купила четыре года назад, поддавшись какому-то импульсу, и до сих пор удивлялась, почему ей тогда не вызвали экзорциста.

Hummer ей никогда не был нужен. Она не ездила по бездорожью, не перевозила стада, не собиралась участвовать в военных операциях и большую часть недели вообще предпочитала, чтобы машина спокойно стояла там, где её оставили.

Позже выяснилось, что жрёт он как крокодил, парковочные места не уважает, а вместе с её вождением пугает даже опытных дальнобойщиков.

Клэр однажды назвала её вождение дерьмовым.

Тара сделала вид, что оскорблена, но мысленно согласилась. В десять ноль семь Тара сфотографировала приборную панель так, чтобы время было видно совершенно отчётливо, и отправила фотографию в общий чат.

«Зафиксировано. Эмма опоздала».

Клэр ответила почти сразу:

«Фотошоп».

Через несколько секунд появилась Майя:

«Не верю».

Тара удовлетворённо положила телефон на колено.

Вот теперь событие было официально зарегистрировано.

Входная дверь открылась.

Но вместо Эммы на крыльцо вышел её старший сын. В одной руке — стакан кофе. Увидев Тару, он поднял его выше и спустился к машине.

Тара опустила стекло.

— Что это?

— Кофе. Мне сказали тебя умаслить.

— Я вижу. Сколько?

— Что?

— Сколько она опоздает?

Он рассмеялся.

11 / 1064

— Не знаю.

— Врёшь.

— Я вообще ничего не знаю.

— Тебе шестнадцать. Уже достаточно взрослый, чтобы отвечать за соучастие.

— Мне велели вынести кофе.

Тара взяла стакан. Кофе был именно такой, какой она любила. Это ухудшало положение обвиняемой.

— Передай маме, что умаслила.

Он уже направился обратно, но Тара окликнула его:

— Мотоцикл всё ещё нет?

— Пока.

— Уверенный человек.

— Папа думает.

Тара покачала головой.

— Папа совершает ошибку.

— Я тоже так думаю.

Он улыбнулся, и Тара прищурилась.

— Мы думаем о разных ошибках.

Он ничего не ответил, только усмехнулся и ушёл обратно.

В десять двенадцать дверь открылась снова.

На этот раз появилась Эмма, застёгивая на ходу куртку.

За ней выскочил младший.

В носках.

— Ты без обуви! — бросила Эмма, даже не оборачиваясь.

Он посмотрел вниз на свои носки, словно только сейчас обнаружил отсутствие обуви.

— Я только до машины.

— Обратно.

— Тара!

Тара высунулась из окна.

— Я ничего не решаю в этом доме.

— Купи дом с бассейном!

— Обязательно.

Он просиял.

— Большим?

— Огромным. И с вертолётной площадкой.

Мальчик замер.

— Правда?

— Нет.

Эмма закатила глаза.

12 / 1064

Тара отпила кофе.

— Что? Нельзя расти настолько доверчивым.

— Мам!

— Я здесь ни при чём, — сказала Эмма.

— Ты обещала!

— Я ничего не обещала. Я изложила концепцию.

Младший несколько секунд смотрел на неё, явно пытаясь найти в этой формулировке хоть какую-то справедливость.

— Обратно в дом. И надень тапки хотя бы.

Он ушёл, всем видом показывая, что взрослые в очередной раз доказали свою ненадёжность.

Эмма дошла до машины и остановилась.

Посмотрела на Тару, потом на часы на панели, потом на телефон в её руке.

— Ты сфотографировала время?

— Разумеется.

— И отправила им?

Тара сделала глоток кофе.

— Исторические события должны быть задокументированы. Эмма подошла к водительской двери.

Тара сразу отстегнула ремень.

Они обошли Nummer с разных сторон и через несколько секунд уже сидели на своих привычных местах.

Так было всегда.

Красный Nummer принадлежал Таре.

Водительское кресло — тому, кто был рядом с ней.

Тара устроилась на пассажирском сиденье и с удовольствием откинулась назад.

Берч-Лейн оказался ближе.

Улица была тихой: старые деревья, большие участки, дома, которые не стояли вплотную друг к другу.

Сам дом был серым.

Не благородно-серым.

Просто серым.

Эмма заглушила двигатель.

— Ну?

Тара посмотрела на дом.

— Посмотрим. Мы всё равно уже приехали.

Линда ждала их на крыльце.

Внутри стало хуже.

Бежевые обои с коричневыми завитками в прихожей, бордовые

13 / 1064

цветы в гостиной.

Тара огляделась.

— Это всё можно снять?

— Конечно.

— Хорошо. А то я уже начала думать, что вместе с домом придётся покупать мебель из семидесятых.

Линда рассмеялась.

Эмма кивнула на стены:

— Если обои снимаются, остальное переживём.

Кухня оказалась маленькой. Тара прошла до окна, развернулась и окинула взглядом шкафы.

— Ты хотела большую, — напомнила Эмма.

— Хотела.

— Всё ещё хочешь?

— Да. Но это уже не проблема дома. Это проблема кухни. Эмма улыбнулась.

Тара выглянула в окно.

За домом участок уходил далеко к деревьям. Живая изгородь почти полностью скрывала соседний забор, и пространство неожиданно оказалось гораздо больше, чем выглядело с дороги. — Вот это мне нравится.

— Участок?

— Да. Здесь не чувствуешь соседей.

Наверху было три спальни. В одной Тара задержалась у окна, рассматривая сад.

Эмма прошла дальше, ничего не спрашивая.

В подвале Линда рассказывала про котёл, возраст дома и недавнее обслуживание.

Тара честно слушала, пока не поняла, что окончательно потеряла нить.

— Подожди. А с котлом что?

— Его обслуживали прошлой зимой.

— То есть он хороший?

Линда улыбнулась.

— То есть его стоит проверить.

Тара кивнула.

— Вот теперь я поняла.

Эмма тихо рассмеялась.

Из подвала они вышли в сад.

Ветер шевелил верхушки деревьев. Где-то за живой изгородью

14 / 1064

работала газонокосилка, по дороге прошла машина. Но участок был настолько большим, что всё это звучало далеко.

Тара пошла по мокрой траве.

— Мне нравится здесь.

Эмма посмотрела на неё.

— Я тоже заметила.

В дальнем конце участка стояла кирпичная постройка с широкими воротами, и Тара свернула к ней.

— А это что?

— Раньше был гараж. Потом мастерская.

Внутри пахло холодным кирпичом, старым деревом и пылью. Помещение было значительно больше её подвала.

Она медленно огляделась.

Старый верстак у стены, ржавые крюки, два окна.

Она вошла глубже.

— Сюда бы большой стол. И что-нибудь для хранения.

Эмма посмотрела на неё.

— Ты сейчас уже планируешь?

— Нет. Просто думаю.

— Ты руками показываешь.

Тара опустила руки и пожала плечами.

За небольшой дверью обнаружилось сухое боковое помещение. Она заглянула внутрь и замерла.

— Ух ты.

— Что там? — спросила Эмма, заглядывая ей через плечо. — Здесь можно хранить дерево.

Тара закрыла дверь.

Снаружи за живой изгородью виднелся соседний дом — большой, светлый, с высокими окнами.

Ни машин, ни людей.

— Там кто-нибудь живёт?

— Владелец бывает редко.

Тара посмотрела на дом ещё раз.

— Это хорошо.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, потому что, если я всё-таки решу поставить здесь мастерскую, никто не будет жаловаться на шум. Эмма подняла брови.

— Ты уже поставила мастерскую?

Тара вздохнула.

— Я сказала «если».

15 / 1064

Тара снова посмотрела на дом.

— Интересно, что там внутри.

— Сосредоточься на своих обоях.

Тара фыркнула.

Возле машины Эмма остановилась.

— Ну как?

Тара посмотрела на серый дом, потом на участок, потом туда, где за живой изгородью пряталась мастерская.

— Не знаю.

— Это уже не «нет».

— «Нет» бесплатно.

— А «не знаю»?

Тара ещё раз посмотрела на дом.

— Подозреваю, очень дорого.

ЭПИЗОД 5

Марта Келлер согласилась в четверг.

Дениэл сообщил об этом между двумя совещаниями.

— Келлер приняла предложение.

Максимилиан остановился.

— Полностью?

— Два года исполнительным директором — да. Место в совете всё ещё оспаривает.

— Нет.

— Финансового директора принимает нашего. Остальная команда остаётся под её контролем.

— Хорошо.

— Капитальные расходы без согласования — просила три с половиной миллиона.

— Три.

— Она уже снизилась до трёх.

Максимилиан посмотрел на него.

Дениэл едва заметно улыбнулся.

— Тогда этот пункт закрыт.

— Что ещё?

— Гарантия, что производство не объединят с северной площадкой. Она хотела год. Снизилась до шести месяцев.

— Три.

— Я так и сказал.

16 / 1064

— Иск?

— Отзывает после подписания.

Максимилиан пошёл дальше.

— Пусть готовят документы.

В четыре Марта Келлер пришла сама.

Без юриста.

Ей было сорок восемь. Короткие тёмные волосы, прямой серый костюм и лицо человека, которому слишком долго приходилось доказывать право находиться в комнате, чтобы теперь тратить на это силы.

Она положила папку на стол Максимилиана.

— Вы составили предложение ровно так, чтобы я не смогла уйти. — Садитесь.

— Даже не будете отрицать?

— Нет.

Марта села.

— Оно достаточно хорошее, чтобы я осталась, и достаточно плохое, чтобы я каждый день помнила, кто выиграл.

— Если вам необходимо так это воспринимать.

— Вам всё равно?

— Пока вы выполняете работу — да.

Она несколько секунд смотрела на него.

— Вы решили это до закрытия сделки?

— Да.

— То есть весь цирк с кандидатами был для вида?

— Нет.

— Тогда объясните.

Максимилиан положил ручку на стол.

— Я решил, что хочу, чтобы компанией управляли вы. Это не то же самое, что решить, что управляющим будете вы.

Марта прищурилась.

— Разница?

— Я не знал, согласитесь ли вы работать на меня.

— Но были уверены.

— Нет.

— Вы сделали предложение, от которого, по вашим рас-

чётам, я не могла отказаться.

— Могли.

— Самоуверенно.

— Нет. Я изучил вас.

Она откинулась в кресле.

17 / 1064

— Конечно.

— Одиннадцать лет в компании. Пришли до первой крупной модернизации. Последние четыре года фактически управляли производством. Дважды отказывались от предложений с большей зарплатой. Один раз — значительно большей. Вы могли уйти из принципа. Вероятность была достаточно высокой, чтобы я держал других кандидатов.

— Но недостаточно высокой, чтобы вы поверили, что уйду. — Компания для вас важнее, чем ваше отношение ко мне. Марта усмехнулась.

— Ненавижу, когда вы правы.

— Это не требуется.

— Место в совете.

— Нет.

Улыбка исчезла.

— Почему?

— Потому что за четыре дня до голосования вы попытались провести продажу патентного портфеля через дочернюю структуру.

— Я защищала компанию.

— От меня.

— Да.

— Я знаю.

— Это месть?

— Нет.

— Наказание?

— Нет.

— Тогда что?

— Ограничение риска.

Марта замолчала.

— Вы мне не доверяете.

— В стратегических вопросах — нет.

— Но доверяете мне всю операционную деятельность.

— Да.

— Вам не кажется это противоречием?

— Нисколько.

Он посмотрел на неё.

— Вы хороший управляющий. Я хочу, чтобы вы управляли. Но вы уже однажды решили, что имеете право изменить стратегическую структуру компании за моей спиной, потому что считаете это правильным.

18 / 1064

— Компания тогда ещё не была вашей.

— До голосования оставалось четыре дня.

— Именно поэтому у меня оставалось четыре дня.

Максимилиан помолчал.

— Я даже допускаю, что на вашем месте сделал бы нечто похожее. Марта впервые за весь разговор явно удивилась.

— Правда?

— Да. Это не делает вас человеком, которому я дам стратегические полномочия сразу после сделки.

— Удобное у вас доверие.

— Оно работает. Мне достаточно.

Она постучала пальцем по папке.

— Через год я снова попрошу место в совете.

— Посмотрим.

— Не «нет»?

— Я сказал: посмотрим.

Марта приподняла брови.

— Я думала, вы злопамятнее.

— Я помню.

— Это не одно и то же?

— Нет.

Она открыла папку и подписала документы.

Максимилиан забрал свой экземпляр.

— В понедельник в девять совет.

— Я не в совете.

— Производственный план всё равно представляете вы.

Марта поднялась.

— Теперь я ненавижу вас ещё немного больше.

— До понедельника.

Она ушла.

Дениэл появился через десять минут.

— Подписала?

— Да.

— Финансовый директор?

— Три кандидата. Полная проверка.

— Сделаю.

Он уже повернулся к двери.

— Дениэл.

— Да?

— Через год напомним про совет.

— Когда?

19 / 1064

— За неделю.

— Хорошо.

ЭПИЗОД 6

За следующие две недели Тара посмотрела ещё несколько домов. Ни один не заставил её перестать думать о Берч-Лейн. В среду вечером она снова открыла объявление. Серый фасад, ужасная гостиная, маленькая кухня, сад, мастерская.

Закрыла.

Через минуту открыла снова, а на следующий день позволила Линде.

Во второй раз Тара приехала одна.

То есть без подруг, зато с электриком Робертом и инспектором Тимом, которых нашла после двух вечеров отзывов

и одного разговора, закончившегося фразой: «Девушка, там всё просто». Просто ей не требовалось.

Ей требовалось нормально.

Тим почти два часа ходил по дому, а Тара следовала за ним с телефоном, записывая всё, что успевала понять.

Ничего критического: крыша пока держалась, часть водостока стоило заменить, подвал был сухим, но дренаж лучше проверить весной. Котёл старый, рабочий, однако долго ему оставаться не стоило.

— То есть дом не развалится через неделю?

Томас усмехнулся.

— Если вы переживаете именно об этом, нет. Но я бы не покупал его, не проверив несколько вещей после сильных дождей. — Уже лучше. Продолжайте.

В какой-то момент он присел возле стены фундамента и надолго замолчал.

Тара выдержала секунд сорок.

— Что?

— Смотрю.

— Я вижу. Мне интересно, что именно вы там увидели.

Он поднялся.

— Это не трещина. Старая усадочная линия. Ничего необычного. — Отлично.

Тара снова открыла заметки.

20 / 1064

— Теперь можете продолжать молчать.

В мастерской Роберт открыл щит и некоторое время изучал его. — Трёх фаз здесь нет.

Тара закрыла глаза.

— В объявлении есть.

— В объявлении много чего бывает.

— Хорошо. Что есть на самом деле?

— Нормальный ввод. Но если вы собираетесь ставить здесь оборудование, внутреннюю сеть лучше переделать. Я бы сразу вывел отдельные линии, сделал нормальный свет и вытяжку. Утепление тоже понадобится.

— Сколько?

Он назвал сумму.

Тара помолчала.

— А если сделать нормально?

Роберт посмотрел на неё.

— Это нормально.

— Я надеялась, что вы назвали дорогой вариант.

— Нет.

— Жаль.

Он снова посмотрел на щит.

— Можно сделать дешевле. Но тогда через пару лет вы позвоните мне снова.

— Тогда делаем нормально.

На улице ветер прошёлся по деревьям, и мокрые ветви зашуршали над крышей мастерской. Где-то дальше, за живой изгородью, проехала машина. Всё остальное было тихо.

Цифры в заметках росли.

Дом не становился хуже.

Он становился дороже.

Когда специалисты уехали, Тара осталась в мастерской одна. Она села на старый верстак, открыла заметки и ещё раз прошла по списку.

Цена дома.

Налоги.

Кухня.

Электрика.

Мастерская.

Вытяжка.

Утепление.

Косметика.

21 / 1064

Резерв.

Она умела считать деньги.

Именно поэтому прекрасно понимала: позволить себе этот дом могла.

Позволить себе перестать считать после покупки — нет. Тара ещё раз сложила цифры.

Потом позвонила Линде.

ЭПИЗОД 7

В пятницу Максимилиан увидел Хольта за ужином.

Не за своим столом.

Хольт сидел через два стола, с тремя людьми, которых Максимилиан знал достаточно, чтобы кивнуть, и недостаточно, чтобы подходить.

Они встретились глазами.

Никто не улыбнулся.

Максимилиан продолжил разговор.

Хольт тоже.

К полуночи зал почти опустел. За высокими окнами блеснул после недавнего дождя тротуар, редкие машины проходили по улице, разрезая светом мокрый асфальт.

Максимилиан вышел первым.

— Вейл.

Он остановился.

Хольт догнал его уже у ступеней.

— У тебя минута?

— Если действительно минута.

— Думаю, найдёшь пять.

— Тогда нет.

Максимилиан пошёл дальше.

— Ты шесть месяцев вообще не смотрел в их сторону, — Хольт не отставал. — Мы всё это время собирали сделку, провели аудит, согласовали структуру, подняли финансирование. А потом за девять дней до подписания появляешься ты и забираешь её. Максимилиан остановился.

— На семь и четыре процента.

Хольт коротко усмехнулся.

— Конечно. Ты даже это запомнил.

— Ты хотел поговорить о сделке.

22 / 1064

— Я хочу понять, как ты вообще можешь считать это нормальным. — Очень просто. Актив был выставлен на рынок. Вы не успели его купить. Я успел.

— Мы полгода работали.

— Ты это уже говорил.

— Потому что, похоже, ты не понял.

Максимилиан повернулся к нему.

— Я прекрасно понял. Вы вложили время, деньги и силы в сделку, которую не закрыли. Это неприятно. Но неприятно — не значит незаконно.

Хольт несколько секунд молчал.

— Ты знал структуру нашего предложения.

— Да.

— Откуда?

— Выяснил.

— Через кого?

— Если у тебя есть конкретное обвинение, сформулируй его. Если нет, я не собираюсь стоять здесь и помогать тебе его придумывать. Хольт сжал челюсть.

— Ты всегда такой?

— Какой?

— Будто всё, что тебе позволено сделать, автоматически становится правильным.

Максимилиан посмотрел на него.

— Нет. Просто я не путаю правильное с выгодным.

На улице ветер шевельнул голые ветви над парковкой. Хольт сделал шаг ближе.

— Ты мог хотя бы поговорить со мной.

— Зачем?

— Потому что мы работали над этим вместе.

— Нет, Хольт. Ты работал над этим. Я увидел возможность и воспользовался ею.

— Очень удобно.

— Именно.

Хольт толкнул его в грудь.

Максимилиан посмотрел сначала на его руку, потом ему в лицо. — На этом остановись.

— Или что?

— Не проверяй.

Хольт убрал руку.

На секунду между ними повисла тишина. Из ресторана донёсся

23 / 1064

смех, хлопнула дверь, на мокром асфальте прошуршали шины. А потом Хольт всё-таки ударил.

Максимилиан увидел движение раньше удара: перенос веса, правое плечо, разворот корпуса.

Уйти было легко.

Он не ушёл.

Кулак пришёлся в левую скулу.

Металлический вкус крови появился во рту.

Максимилиан ударил в ответ.

Первый — в лицо.

Второй — в корпус.

Хольт попытался закрыться, но следующий удар пришёлся под рёбра.

Дальше всё произошло быстро.

Максимилиан схватил его за пиджак и ударил ещё раз.
Кто-то закричал.

Охранник втиснулся между ними.

— Сэр!

— Отойди.

Охранник даже не двинулся.

Правильно.

Хольт стоял на одном колене, держась рукой за мокрый камень у ступеней. На губе выступила кровь.

— Ёбнутый ублюдок.

Максимилиан вытер большим пальцем собственную губу.
— Ты ещё разговариваешь. Значит, рано остановили.

— Сэр.

Максимилиан отступил.

Только теперь он заметил людей у дверей ресторана.
Кровь на манжете.

— Скорую ему вызовите.

Хольт рассмеялся и тут же поморщился.

— Заботаишься?

— Мне не нужен труп у входа.

Максимилиан развернулся.

— Вейл.

Он остановился, но не обернулся.

— Я тебя ударил один раз.

— Я умею считать.

— Ты мог уйти.

Максимилиан посмотрел через плечо.

24 / 1064

— Мог.

— Но не ушёл.

— Нет.

Хольт вытер кровь с губы.

— Почему?

Максимилиан несколько секунд смотрел на него.

— Потому что не захотел.

В машине он проверил скулу в зеркале.

Она уже наливалась.

Костяшки правой руки были сбиты.

Дениэл сидел впереди и ничего не спрашивал.

За окном тянулись мокрые улицы, редкие фонари отражались в лужах.

Максимилиан прошёлся языком по внутренней стороне щеки. Он видел удар.

Мог уйти. Мог перехватить руку. Мог закончить всё ещё

на толчке. Не сделал.

Потому что хотел ударить Хольта. И не собирался начинать первым.

Получилось удобно.

Он опустил зеркало.

— Домой.

ЭПИЗОД 8

Продавец Берч-Лейн отказался от первого предложения. Тара прочитала сообщение Линды и положила телефон на стол. — Наглый.

Через три дня они сошлись на сумме, за которую можно было купить неплохую подержанную машину.

Вечером Тара сидела на кухне, открыв перед собой расчёты. Она уже всё посчитала.

Дом. Налоги. Комиссии. Кухню. Электрику. Мастерскую. То, что придётся сделать сразу, и то, что можно отложить.

Цифра всё равно оставалась большой.

Тара позвонила Клэр.

— Скажи мне, что я не делаю глупость.

— А ты уже решила, что делаешь?

— Нет. Поэтому и звоню.

Клэр помолчала.

25 / 1064

— Насколько дорого?

Тара назвала сумму.

— Чёрт.

— Вот именно.

— Но ты можешь это себе позволить?

— Могу.

— И резерв останется?

— Останется. Я всё посчитала.

— Тогда почему ты сидишь и смотришь на эту цифру так, будто она тебя лично оскорбила?

Тара посмотрела на экран.

— Потому что это очень много денег, Клэр. Я могу их потратить. Это не значит, что мне не жалко их тратить.

— Справедливо.

Тара провела пальцем по краю чашки.

— И я не хочу купить дом, а потом два года делать вид, что ремонт как-нибудь подождёт. Если беру, хочу сразу понимать, во что ввязываюсь.

— Сколько ещё сверху?

— Не знаю точно. Поэтому и считаю.

— То есть тебя пугает не цена дома.

— Меня пугает его полная стоимость.

Клэр тихо выдохнула.

— А что заставляет тебя всё-таки его хотеть?

Тара замолчала.

— Мастерская.

На том конце повисла короткая тишина.

— Ага.

— Не начинай.

— Я ничего не сказала.

— Ты сказала «ага».

— Потому что всё поняла.

Тара невольно улыбнулась.

— Дом мне, кстати, даже не особенно нравится.

— Прекрасно.

— Кухня маленькая. Обои ужасные. Электрику менять.

Там ещё куча всего.

— Но мастерская.

— Но мастерская.

Тара снова посмотрела на расчёты.

— Чёрт.

26 / 1064

— Вот теперь это уже похоже на решение.

— Я ещё не сказала «да».

— Нет. Ты просто уже говоришь о доме так, будто он твой.

Тара усмехнулась.

— Кажется, я его куплю.

— Тогда пришли договор.

— Ты же не адвокат.

— Сегодня могу побыть.

Тара рассмеялась.

В четверг в одиннадцать тридцать она получила ключи.

Через двенадцать минут уже стояла одна посреди гостиной.

Дом был пуст.

Без чужой мебели он казался больше. Свет падал на голый пол, окна смотрели в сад, и впервые Тара увидела не чужой дом, который пришла осматривать, а пространство, которое теперь можно было менять под себя.

Бордовые цветы на стенах, разумеется, никуда не делись. Тара посмотрела на них.

— Ну здравствуй.

Дом ответил тишиной.

Она прошла на кухню, открыла один шкаф, заглянула внутрь и закрыла.

— Мы с тобой ещё поговорим.

Наверху комнаты казались совсем другими без мебели. В одной Тара остановилась у окна.

Сад был таким же, как в прошлый раз.

Но теперь она смотрела на него уже из своего дома.

От этой мысли внутри что-то тихо сдвинулось.

Она не стала разбираться, что именно, и спустилась во двор. После ночного дождя земля была мягкой, обувь промокла почти сразу. Тара посмотрела вниз, только усмехнулась и пошла дальше. Мастерская стояла за садом.

Она открыла ворота.

Внутри пахло холодным кирпичом, старым деревом и влажной землёй. Свет из двух окон ложился на пустой пол.

Тара остановилась.

Теперь можно было не представлять.

Здесь действительно поместятся станки.

Можно провести свет, нормальную электрику, сделать вытяжку, утеплить стены. Поставить стеллажи. Оставить старый верстак, если он окажется достаточно крепким.

27 / 1064

Работы было много.

Очень много.

И почему-то от этого ей стало хорошо.

Телефон зазвонил.

Эмма.

— Ты уже там?

Тара посмотрела на пустую мастерскую, на распахнутые ворота, за которыми темнел сад.

— Нет.

— Врёшь.

Тара улыбнулась.

— Немного.

— Ну и как?

Она медленно провела ладонью по старому верстаку. На дереве остались тёмные следы времени, в углу лежала пыль, через открытые ворота тянуло прохладой.

— Обои всё ещё ужасные.

Эмма тихо рассмеялась.

— Я не про обои.

Тара подняла глаза к окнам.

За ними серел дом, такой же непримечательный, как в день первого осмотра. Только теперь в окнах не было чужой

мебели, а ключи лежали у неё в кармане.

— Знаю.

Она помолчала.

— Мне здесь хорошо.

На другом конце стало тихо.

Не той неловкой тишиной, которую нужно чем-то заполнять. Эмма просто не стала торопить её.

— Вот теперь я тебе верю, — сказала она наконец.

Тара опустила взгляд и улыбнулась.

— Не привыкай.

— Не собираюсь. Но в субботу всё равно приедем.

— Кто?

— Все, кого ты сможешь пережить.

Тара рассмеялась.

— Это много людей.

— Поэтому мы и приедем толпой. Ты уже наверняка придумала, куда поставить половину мастерской, а потом выяснится, что туда ничего не влезает.

Тара оглядела помещение.

28 / 1064

— Влезет.

— Конечно.

— Правда влезет.

— Вот это уже звучит как человек, который купил дом.

Тара покачала головой, но улыбка осталась.

— Приезжайте.

— Приедем.

Она убрала телефон.

За живой изгородью качались ветви деревьев. С мокрой земли тянуло прохладой, где-то на дороге прошла машина, и её свет на секунду скользнул по стене мастерской.

Тара посмотрела на пустое помещение.

На верстак.

На широкие ворота.

На свет из двух окон.

Работы здесь было на месяцы.

Тара распахнула вторую створку ворот.

Внутри вошёл свежий воздух.

Она улыбнулась.

— Вот теперь можно работать.

II

ЭПИЗОД 9

На стрельбище Максимилиан приехал на двенадцать минут раньше и обнаружил, что Томас уже занял их дорожки. Он остановился у входа, скользнул взглядом по пустым соседним местам и только потом посмотрел на друга.

— Ты рано.

Томас поднял голову от раскрытого кейса. В руках у него был магазин, который он как раз снаряжал.

— Ты тоже.

— Я всегда приезжаю раньше.

— Поэтому я приехал ещё раньше.

Максимилиан задержал на нём взгляд.

Томас едва заметно усмехнулся и вернулся к магазину. За девятнадцать лет некоторые вещи не менялись. Томас по-прежнему считал особенно удачной любую возможность первым оказаться там, куда Максимилиан намеревался приехать заранее.

— Кофе взял?

— Себе.

— Конечно.

— Твой там.

На маленьком столике у стены действительно стояли два стакана. Максимилиан снял пиджак, аккуратно повесил его на спинку стула и взял свой.

Чёрный. Без сахара.

Он сделал глоток.

— Благодарю.

— Не привыкай.

Максимилиан посмотрел на него поверх стакана.

Томас защёлкнул кейс.

— Начнём с пистолета?

— Ты проиграл в прошлый раз.

— Именно поэтому и начнём.

Максимилиан чуть приподнял бровь.

— Логика железная.

Он надел очки, проверил оружие и встал на дорожку. Они

приходили сюда давно. Не регулярно — у обоих слишком часто менялись недели, чтобы заводить традицию по четвергам или второй субботе месяца. Иногда встречались дважды за месяц, иногда не виделись по шесть недель. Один писал другому и, если время совпадало, через несколько дней они встречались здесь. Максимилиану нравилось это место.

Здесь от него ничего не требовали, кроме точности.

Он вставил магазин, проверил положение оружия и поднял руку. Первый выстрел лёг чуть выше центра.

Второй — чуть ниже.

Третий вошёл почти в первый.

Он закончил серию, опустил оружие и несколько секунд смотрел на мишень.

Хорошо.

Не идеально.

30 / 1064

Справа Томас снял палец со спускового крючка и тоже опустил оружие.

Мишени вернулись одновременно.

Томас взглянул на свою, потом на его.

— Два ушли влево.

— Один.

— Два.

Максимилиан даже не повернулся.

— Один из прошлой серии.

Томас медленно повернул голову.

— Ты сейчас серьёзно пытаешься улучшить результат за счёт времени?

— Я пытаюсь не позволить тебе его ухудшить.

Томас фыркнул.

— Какая предусмотрительность.

Теперь Максимилиан посмотрел на него.

— Если собираешься рассказывать об этом весь вечер, хотя бы начни с достоверной статистики.

Уголок рта Томаса дёрнулся.

— Мне нравится твоя уверенность.

— Мне тоже.

Томас снова надел очки.

— Только не жалуйся потом.

— Это ты проиграл прошлый раз.

— Я помню. Именно поэтому и предлагаю реванш.

На этот раз Томас выиграл на одно очко.

Он посмотрел на экран, затем на Максимилиана. Лицо оставалось совершенно спокойным, но слишком уж довольным, чтобы это можно было принять за случайность.

Максимилиан усмехнулся.

— Одно.

— Победа есть победа.

— Для человека, который приехал раньше меня, ты слишком быстро довольствуешься малым.

— Я умею ценить редкие события.

Максимилиан покачал головой.

Томас действительно наслаждался. Это было видно по тому, как он слишком медленно убирал магазин и слишком внимательно рассматривал экран.

Третью серию Максимилиан забрал с преимуществом в четыре. Томас посмотрел на результат.

31 / 1064

Потом на мишень и снова на результат.

— Мишень кривая.

Максимилиан не удержался от улыбки.

— Конечно.

— Я серьёзно. Она уходит вправо.

— Поменять?

Томас задумался, будто предложение заслуживало серьёзного рассмотрения.

— Нет. Не хочу давать тебе повод думать, что я ищу оправдания. — Поздно.

Максимилиан рассмеялся.

Коротко, но совершенно искренне.

Томас довольно кивнул, словно именно этого и добивался. Через сорок минут они сменили оружие.

Ещё через двадцать Томас снял очки и потер переносицу.
— На сегодня хватит.

Максимилиан ещё раз посмотрел на мишень.

— Устал?

— У меня есть семья.

— Она появилась не сегодня.

Томас бросил на него взгляд.

— Именно поэтому я всё ещё помню, что должен туда вернуться. Максимилиан снял наушники.

— Который?

— Который что?

— Кто из близнецов что-то сделал?

Томас на секунду задумался, потом рассмеялся.

— Почему ты решил, что дело в близнецах?

— Потому что дочь ты называешь по имени. Миа у тебя всегда Миа. Томас покачал головой.

— Алекс въехал в столб.

Максимилиан замер с одним наушником в руке.

— На машине?

— Нет, Вейл. На велосипеде. Поэтому я особенно переживаю за бампер.

Максимилиан медленно повернулся к нему.

— И какова степень ущерба?

— Бампер, левая фара, крыло.

— Я спросил об Алексе.

— Даже синяка нет. Что, если честно, меня немного раздражает. — Твоя машина?

32 / 1064

— Лауры.

Максимилиан поднял бровь.

— Вот теперь мне его действительно жаль.

— Мне тоже. Она ещё не видела.

— А где она?

— В Вене. Завтра прилетает.

— И ты ей не сказал?

— Алекс сам скажет.

— До того, как она увидит машину?

— Я рекомендовал именно этот порядок.

Максимилиан усмехнулся и наконец надел пиджак.

— Сколько?

Томас посмотрел на него и потянулся к своему пиджаку.

— Две недели.

— Мало.

— Ему семнадцать. Именно поэтому две недели.

Они вышли из зала.

После наушников тишина казалась почти физической. Обычные звуки — шаги, щелчок замка, гул вентиляции — первые несколько минут воспринимались непривычно отчётливо.

Томас бросил использованные очки в контейнер и направился к выходу.

Максимилиан толкнул дверь.

На улице он достал сигареты и прикрыл ладонью огонёк зажигалки от ветра.

— Две недели мало. Он должен запомнить.

Томас подождал, пока Максимилиан прикурит.

— Я с ним поговорил. Он запомнил. Оплатит треть ре-

монта. Максимилиан посмотрел на него, на несколько секунд задумавшись.

— Да. Думаю, запомнит.

ЭПИЗОД 10

Дома Максимилиан первым делом снял галстук.

В прихожей он бросил ключи в ящик консоли, снял пальто и прошёл дальше.

Галстук стянул уже в гостиной, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и бросил вместе с пиджаком на спинку дивана.

33 / 1064

Несколько секунд постоял посреди комнаты.

Тихо.

Максимилиан любил этот момент.

Не тишину как отсутствие звука — через минуту он собирался её уничтожить, — а отсутствие людей.

Никто не говорил.

Никто ничего не ждал.

Он достал телефон, посмотрел на экран и перевёл звук в беззвучный режим.

Вот теперь всё.

Квартира занимала почти весь этаж и была достаточно большой, чтобы дизайнер, впервые увидев план, немедленно предложила четыре варианта «пространства для приёма гостей».

Максимилиан отверг все четыре.

Гостей он мог принимать в ресторанах, остальных — в офисе. Он подошёл к акустике.

На её выбор ушло почти три месяца — намного больше, чем он рассчитал.

Первую систему Максимилиан вернул через неделю. Вторая продержалась день. Третья полностью его устроила.

Сейчас ей было семь лет, и менять её он не собирался. Он выбрал альбом, который знал почти наизусть.

Первые секунды гитары прозвучали негромко.

Максимилиан довёл звук до семидесяти шести, и следом вошли ударные.

Он остановился.

Ещё немного.

Вот теперь хорошо.

Музыка наполнила гостиную, прошла на кухню и дальше по коридору.

Звукоизоляцию здесь переделывали дважды. Максимилиан хотел иметь возможность включать музыку настолько громко, насколько ему нравилось, и не собирался терпеть такой дискомфорт, как соседи.

Гостиная была большой, тёмной и тёплой.

Не серой.

Серой её пытались сделать в первом проекте.

Максимилиан до сих пор не понимал, почему дизайнер, увидев крупного мужчину в тёмном костюме, решила, что тот мечтает жить внутри бетонной плиты.

Здесь было много дерева — фактурного и отполированного.

34 / 1064

Тёмный орех, кожа, камень. Тяжёлые низкие столы. Массивный диван, на котором можно было действительно лежать, а не принимать декоративную позу. Два огромных кресла, сделанных на заказ.

Мать однажды села в одно из них, огляделась и прокомментировала:

— Я чувствую себя лилипутом в стране Гулливера.

Максимилиан прошёл на кухню, достал низкий стакан и налил виски.

На столе стоял сервированный ужин, ещё тёплый.

Готовить Максимилиан умел. И вполне хорошо — настолько, чтобы результат его удовлетворял.

Просто необходимости в этом давно не было.

Свой быт он выстроил так, чтобы она отпала сама собой. Что именно ему готовить, Максимилиан почти никогда не определял. Однажды сказал, чего не ест, попросил не повторять одно и то же слишком часто и больше к вопросу не возвращался.

Система работала.

Этого было достаточно.

Он сел за стол и отпил виски.

Из гостиной гремел старый рок.

Позже Максимилиан вытянулся в кресле, положил но-

ги на пуф и переключил трек ещё до того, как закончился предыдущий. Этот ему нравился больше.

Телефон коротко вспыхнул на столе.

Максимилиан посмотрел.

Не взял.

Если происходило что-то действительно срочное, ему позвонят второй раз.

Не позвонили.

На стене напротив окон висела большая картина. Море почти чёрного цвета, низкое тяжёлое небо и свет у самого горизонта. Максимилиан купил её девять лет назад.

Не знал художника.

Не выяснял, насколько удачным было вложение.

Просто увидел и захотел смотреть на неё дома.

Вторая картина висела дальше — яркая, резкая, красная. Они совершенно не подходили друг к другу.

Дизайнер пыталась объяснить это Максимилиану.

— Мне нравятся обе.

— Я понимаю. Но вместе они немного спорят.

35 / 1064

— Пусть спорят. Тем интереснее узнать, чем это закончится. Она несколько раз моргнула.

На длинных деревянных полках было немного вещей.

Книги.

Несколько моделей механизмов.

Старый промышленный двигатель в разрезе, восстано-

ленный до такой степени, что были видны даже мелкие элементы конструкции.

Шахматы.

Никаких ваз, поставленных ради цвета. Никаких книг, купленных метрами. Никаких предметов, единственное назначение которых состояло в том, чтобы занимать пустое место.

Пустота Максимилиана не беспокоила.

Гораздо больше его раздражало, когда пустое место занимало что-нибудь бесполезное.

Он поставил стакан на столик рядом с креслом и взял книгу. Музыку сделал тише.

Не тихо.

Тише.

За окнами город горел тысячами окон. Отсюда машины внизу двигались почти беззвучно.

Телефон снова загорелся.

На этот раз сообщение было от Виктории.

Максимилиан прочитал.

Ничего срочного.

Ответил двумя словами и положил телефон экраном вниз. В квартире была гостевая спальня.

Иногда там ночевала Виктория. Родители, насколько Максимилиан помнил, — никогда.

Большую часть времени дверью никто не пользовался. Его это устраивало.

Он любил семью.

Ему не требовалось жить с ней.

Большую часть жизни Максимилиан проводил среди людей. На заводах, в офисах, в машинах, самолётах, переговорах, ресторанах. Люди входили, выходили, садились напротив, звонили, присылали документы, задавали вопросы, ждали решений. Домой он возвращался один.

Не оставался один.

Именно возвращался.

Здесь не было ощущения, что день закончился и теперь нужно

36 / 1064

чем-нибудь заполнить несколько часов до сна.

Эти часы уже были заняты.

Музыкой, книгой, едой, которую он хотел, виски, если хотелось виски.

Самим собой.

Максимилиан умел ничего не делать.

Мало кто из людей, работавших с ним, в это поверил бы. Он дочитал главу.

Встал, сменил пластинку и на этот раз сразу прибавил громкость. Гитара ударила с первых секунд.

Максимилиан остановился возле окна.

Закурил.

Город лежал далеко внизу — уменьшенный высотой до огней, улиц и движущихся точек машин.

Завтра он снова спустится туда.
Сейчас была только музыка.
Он сделал затяжку и прикрыл глаза.
Хорошо.

ЭПИЗОД 11

За полгода Тара успела привыкнуть к тому, что по утрам в спальне было слишком светло, калитка зимой закрывалась только со второго раза, а кухонную плитку она ненавидела ровно так же, как в день первого просмотра.

Плитка отвечала взаимностью и держалась намертво.

— Я всё ещё считаю, что её надо снять, — сказала Эмма.

Она сидела на кухонном столе.

Стульев вокруг было шесть.

Тара поставила рядом с ней миску с креветками.

— Я полностью на твоей стороне.

— Нет. Ты считаешь, что когда-нибудь её снимешь. А я считаю, что её надо снять сейчас.

— Если прямо вот сейчас, то уже одиннадцать вечера. И, думаю, тогда наши дни станут менее интересными.

Эмма задумалась.

— Это аргумент.

Тара засмеялась и понесла креветки в гостиную.

Майя вошла через заднюю дверь с телефоном в руке.

— Посмотрите.

— Что там? — спросила Эмма, накалывая креветку на вилку. Майя показала экран.

На фотографии её муж стоял за младшей дочерью с таким выражением лица, будто обезвреживал взрывное устройство. В руках у него были три пряди волос.

Под фотографией было сообщение:

Сколько раз надо перекрестить три пряди?

— И что ты ответила? — спросила Тара.

— Пока не получится.

Эмма прыснула со смеху.

На этот раз три дня выпали Таре.

К пятнице, к семи вечера, в прихожей стояли четыре сумки, на кухне не помещалась еда, рядом с холодильником обнаружился ящик вина и бутылка текилы, которую никто не помнил, кто привёз, а одна туфля Эммы исчезла ещё до ужина.

Мужья и дети остались дома.

Правила были простые.

Если пожар — звонить.

Если температура — измерить два раза.

Если закончились чистые носки — решить проблему самостоятельно.

Последнее правило ввела Эмма.

Телефоны всё равно время от времени загорались.

Муж Майи присылал фотографии, поэтому это не считалось. Клэр никто не звонил, и она этим откровенно насла-

ждалась. Остальные так же откровенно завидовали.

К одиннадцати туфля Эммы нашлась под креслом. Вторая — почему-то возле двери в сад.

Музыка играла громче, чем Тара когда-либо позволяла себе в квартире.

На журнальном столике стояли тарелки, бокалы и миска с панцирями от креветок. Чей-то свитер висел на спинке кресла, плед лежал на полу, а сама Тара сидела на нём, скрестив ноги и прислонившись спиной к дивану.

Майя лежала поперёк дивана, положив ноги Клэр на колени. Тара потянулась за своим бокалом и обнаружила, что он пуст. Она посмотрела на Эмму.

Эмма подняла обе руки.

На Клэр.

Та показала свой.

Они втроём повернулись к Майе.

38 / 1064

Майя посмотрела на бокал у себя в руке.

Потом на собственный, стоявший на столе.

— А.

— Это мой, — сказала Тара.

— Теперь уже сложно доказать.

— Там было вино.

— Здесь тоже.

Майя отпила.

— Было.

К этому моменту вина выпили достаточно, чтобы перестать считать, сколько именно. До текилы пока не добрались, хотя бутылка уже переключевала в морозилку, а лайм был нарезан дольками и присыпан солью. Так им нравилось больше. Незатейливое обещание будущих плохих решений.

Тара бросила в Майю салфеткой.

— Кстати, новый год скоро начнется.

Эмма перестала искать что-то между диванными подушками. — Точно. Через два месяца. Что то этот год все быстро закрыли. Несколько секунд все молчали.

Потом Майя простонала, а Клэр посмотрела на Тару. — Есть у кого наброски?

Тара рассмеялась.

Их новый год не совпадал с календарным.

Когда-то давно — настолько, что ни одна уже не помнила, кто предложил первой, — они решили, что раз в год каждая должна сделать что-нибудь, чего от самой себя не ожидала.

Не обязательно опасное.

Не обязательно большое.

Просто достаточно ненормальное лично для неё, чтобы потом нельзя было сказать, что ничего не произошло.

На выполнение давался год.

Однажды Тара сделала татуировку.

Она долго сомневалась, обдумывала размер и место, а потом плюнула и записалась в тату-салон.

Когда Тара увидела мастера, она даже икнула.

Это был огромный мужик с длинными волосами, заплетёнными в витиеватую косу. Точно такая же коса была заплетена в бороде. Вот уж у кого стоило взять урок мужу Майи.

Везде, где можно было увидеть кожу, она была покрыта татуировками. Между бровями залегла глубокая складка, что говорило о вдумчивой натуре, а нос был свёрнут вправо,

39 / 1064

подтверждая, что вдумчивая натура при необходимости могла за себя постоять.

Мужик оказался обладателем очень отзывчивой души. Она честно призналась, что понятия не имеет, что ей надо, но поклялась, что очень хочет.

Они просмотрели сотню эскизов — от откровенно пошлых до миниатюрно изящных. Все работы были авторскими, и, глядя на его огромные руки, трудно было поверить, что именно они создавали эти тонкие линии.

Хотя косичка несколько примиряла одно с другим.

Наконец он закрыл альбом, налил ей стакан джина и велел подождать.

Минут через двадцать появилась её татуировка.

Пока на бумаге.

VENI, VIDI, VICI.

Надпись была крупной и длинной, но изящной. Вытянутые буквы уходили вниз тонкими линиями, переходили в вензельные росчерки и складывались в единый рисунок вдоль позвоночника — от основания шеи до точки чуть вы-

ше середины спины. Тара посмотрела на эскиз.

Допила джин залпом.

И через четыре часа татуировка существовала уже в реальности. До сих пор Тара от неё просто балдела.

У всех были свои безумства, и некоторые оказывались действительно безумными.

Но правило оставалось.

— Ладно, — сказала Тара. — Кто первая?

— Я, — сказала Эмма.

Все посмотрели на неё.

— Я сошью платье.

Майя моргнула.

— Платья?

— Три.

— Зачем тебе три платья?

— Не мне. Вам.

Тара приподняла брови.

— Нам?

Эмма показала пальцем сначала на неё, потом на Майю, потом на Клэр.

— Тебе. Тебе. И тебе.

— Ты умеешь шить? — спросила Клэр.

40 / 1064

— Нет.

— Тогда подходит.

Тара знала Эммины рисунки столько же, сколько знала са-

му Эмму. Платья появлялись на полях школьных тетрадей, потом в блокнотах, потом в альбомах, которые Эмма покупала специально для них. Иногда Тара видела один и тот же эскиз через несколько лет — изменившийся, перерисованный, доведённый до совершенства.

Некоторые она помнила спустя двадцать лет.

Но ни одного сшитого платья не видела никогда.

Эмма всегда оставляла их на бумаге.

— По своим рисункам? — уточнила Майя.

— Конечно. Все три.

Клэр поставила бокал.

— Вот это уже серьёзнее.

— А если нам не понравится? — спросила Майя.

— Будете носить из любви ко мне.

— А если я тебя недостаточно люблю? — спросила Клэр, отпивая вино.

Тара улыбнулась.

— Я надену.

Эмма посмотрела на неё.

— Вот. Один нормальный человек здесь есть.

— Я не сказала, что буду носить постоянно.

— Зато ты меня промотивировала, — засмеялась Эмма.

— А ты? — Тара посмотрела на Майю.

Майя вздохнула.

— Параплан.

Эмма мгновенно повернулась к ней.

— То есть парашлан?

— В тандеме, конечно. Но парашлан.

— Это слово ничего не улучшило.

Клэр посмотрела на Майю поверх бокала.

— Ты уже всё проверила?

Майя сделала невинное лицо.

— Что именно?

— Всё.

— Три школы.

Эмма закрыла глаза.

— Конечно.

— В одной мне не понравились инструкторы. У второй

41 / 1064

оборудование старше меня. А я за прогресс. У третьей нормальная статистика и отменяют полёты при плохой погоде, а не пытаются доказать, что ветер — это вопрос характера.

— Ты даже безумие превращаешь в рабочий проект, — сказала Эмма.

— Нет, я просто люблю мужа и детей.

Клэр кивнула.

— Разумно.

— Ничего разумного в прыжке с горы нет, — сказала Эмма. — Я не прыгаю с горы. Я полечу с горы.

— Это прям изменило суть.

Тара посмотрела на Клэр.

— Ты.

— Возможно.

— Что значит «возможно»?

— Значит, возможно, у меня есть идея, но я пока не уверена, что её можно назвать безумной.

— Какая?

— Я её осмысливаю на предмет сумасшествия. Потом продекламирую.

Клэр отпила вина.

Майя повернулась к Таре.

— Тогда ты.

— Ничего.

— Совсем?

— Полный вакуум.

— Волосы, — предложила Эмма.

Тара потрогала своё каре.

— Что с ними?

— Не знаю. Сделай что-нибудь. Побрейся.

— Они же отрастут.

— Но до этого будет страшно.

— Это будет некрасиво.

— Мотоцикл, — сказала Майя.

— У меня есть «Хаммер».

Клэр нахмурилась.

— Каким образом очень большая машина заменяет мотоцикл? — Очень просто. «Хаммер» — большое безумие. Мо-

тоцикл не вывозит.

Все засмеялись.

— Продай «Хаммер», — сказала Эмма.

42 / 1064

Тара посмотрела на неё.

— Вот это было бы разумно.

— Значит, не подходит.

— Вторая татуировка? — предложила Майя.

— Нет. Я уже знаю, что могу сделать татуировку. Безумием будет только татуировка на лбу.

— Справедливо.

Эмма задумалась.

— Тогда я пока ничего не придумала.

— Как и я.

— У тебя год, придумаешь, — сказала Клэр.

— Вот и подумаю, когда что-нибудь придёт в голову.

На этом вопрос временно закрыли.

Через некоторое время они снова вышли на крыльцо. Ночь была тёплой. Тара оставила дверь открытой, и музыка из гостиной доносилась сюда уже приглушённо. Свет из кухни ложился на первые две ступени, дальше начинался сад. За полгода она успела выучить его звуки. Шорох веток у дальней ограды. Скрип одной из старых яблонь, когда поднимался ветер. Собаку через два участка, которая почему-то особенно любила подавать голос после полуночи.

Сегодня собака молчала.

Майя сняла обувь ещё в доме и теперь сидела на ступеньке босиком. Эмма устроилась рядом. Клэр прислонилась к перилам. Тара достала сигареты.

Клэр закурила вместе с ней.

Эмма посмотрела на них, отпила вина и протянула руку.
— Дай одну.

Тара протянула пачку.

Эмма повертела сигарету между пальцами, прикурила и после первой же затяжки довольно прикрыла глаза.

Майя сидела, вытянув босые ноги, и смотрела в темноту сада. В траве что-то стрекотало. Тара уже несколько недель собиралась выяснить, что именно, и неизменно вспоминала об этом только вечером, когда снова слышала.

Некоторое время они молчали.

— Я правда сошью, — сказала Эмма.

— Мы поняли, — отозвалась Клэр.

— Нет. Я серьёзно.

Тара повернула к ней голову.

— Ты их ещё в школе рисовала?

43 / 1064

— Некоторые.

— Те, которые в тетради по алгебре?

Эмма поморщилась.

— Не напоминай.

— У тебя там половина коллекции была.

— Потому что алгебра была ужасной.

— Алгебра была нормальной, — сказала Клэр.

Эмма посмотрела на неё.

— Ты даже с нами тогда не училась.

— Мне не обязательно было с вами учиться, чтобы понимать, что проблема была не в алгебре.

Майя засмеялась.

Эмма затаилась и снова прикрыла глаза.

— Всё время рисовала и ни разу не сделала, — сказала она через несколько секунд.

— Почему? — спросила Тара.

Эмма пожала плечами.

— Не знаю. Наверное, проще было рисовать.

— А теперь? — спросила Майя.

Эмма посмотрела на сигарету между пальцами.

— А теперь хочу посмотреть, получится ли.

— Получится, — сказала Клэр.

Эмма улыбнулась.

— Значит, наденешь? — спросила она у Тары.

— Надену.

— Даже если получится плохо?

Тара посмотрела на неё.

— Даже если.

Эмма посмотрела на них по очереди.

Тара стряхнула пепел.

— Если ты их сошьёшь.

— Договорились.

Клэр подняла бокал.

— За платя.

Майя подняла свой.

Эмма — свой.

Тара подняла свою сигарету вместо бокала.

— И за моё пока несуществующее безумие.

Они засмеялись.

Из гостиной всё ещё играла музыка.

Эмма первой поднялась с крыльца.

44 / 1064

— Я хочу танцевать.

И через минуту в доме снова стало шумно.

ЭПИЗОД 12

— Ферзь е2.

Максимилиан не ответил.

Александр поднял глаза от доски. Очки сползли чуть ниже, и он привычно подтолкнул их костяшкой указательного пальца. Сын стоял по другую сторону открытого капота. Одной рукой придерживал корпус насоса, второй нащупывал крепление где-то в глубине двигателя.

В гараже было прохладнее, чем на улице. Дверь оставили поднятой наполовину, и оттуда тянуло влажным утренним воздухом. Узкая полоса света ложилась на бетонный пол, пересекала переднее колесо Mercedes и упиралась в ножку старого деревянного стола.

— Ферзь e2, — повторил Александр.

— Слон берёт c3.

Александр посмотрел на доску, потом на сына.

— Сразу?

— Да.

— Даже не подумаешь?

Максимилиан вытащил руку из-под капота. На пальцах осталась тёмная полоска масла.

— Уже подумал.

Александр тихо хмыкнул.

Он снял белого коня с c3 и поставил на его место чёрного слона. — Пешка b берёт c3.

— Ферзь берёт c3.

Александр переставил фигуры.

— Ты мог бы хотя бы иногда смотреть на доску.

Максимилиан взял с верстака тонкую металлическую шайбу и поднёс её к свету.

— Зачем?

— Чтобы играть в шахматы.

— Я играю.

— Нет. Играю я, а ты отдаёшь распоряжения.

Максимилиан повернул шайбу между пальцами. На краю обнаружилась едва заметная вмятина.

45 / 1064

— Вот поэтому я и не смотрю.

— Что именно поэтому?

— Ты отвлекаешься.

Александр улыбнулся.

В гараже почти всё выглядело так, будто здесь давно перестали различать временное и постоянное. На стене висели инструменты, многие из которых Александр покупал ещё до рождения сына. Над верстаком — старый календарь, давно потерявший смысл, но так и не снятый. На полке стояли банки с гайками, подписанные почерком Хелены, и несколько пустых коробок из-под деталей, которые почему-то было жалко выбросить.

Mercedes занимал почти весь центр гаража.

Тёмно-зелёный, с поднятым капотом и снятой частью передней облицовки, он выглядел здесь настолько естественно, будто простоял между этими стенами всю жизнь.

Александр снова посмотрел на доску.

— Ладья берёт d5.

Максимилиан замер всего на секунду.

— Конь d4.

Александр посмотрел на доску внимательнее.

— Ферзь h5.

— Шахматная доска находится здесь.

Александр постучал ногтем по краю доски.

— Я знаю.

— Тогда хотя бы иногда смотри.

— Не надо.

Максимилиан снова склонился над двигателем.

Александр покачал головой, переставил фигуры и отпил кофе. Кофе оказался холодным.

Он посмотрел на кружку с некоторым неодобрением, но ставить её обратно не стал.

Доска стояла на маленьком столе возле стены. Рядом лежали две кружки, сахарница с отколотой ручкой и старый карандаш, которым Александр иногда делал пометки на полях газет. Снаружи проехала машина. Шум быстро исчез за домом. Александр подождал.

Десять секунд.

Пятнадцать.

Потом улыбнулся краем рта.

— Ну?

— Ладья е на f8.

46 / 1064

— Пришлось подумать?

Максимилиан выпрямился.

— Пришлось достать шайбу.

— А я надеялся на интеллектуальное поражение.

Александр переставил ладью.

— Ладья е5.

Максимилиан взял новую прокладку, проверил её по краю, провёл большим пальцем по поверхности и положил рядом с насосом. — Ладья h6.

Александр поднял взгляд.

— Интересно.

Максимилиан ничего не ответил.

— Я сказал: интересно.

— Я слышал.

Александр усмехнулся.

— С возрастом ты становишься всё приятнее.

— Это семейное.

Александр переставил ладью.

— Ферзь g5.

— Ладья берёт h3.

Рука Александра остановилась над доской.

Он посмотрел на сына.

Максимилиан уже взял ключ.

— Ладья берёт h3?

— Да.

— Ты отдаёшь ладью.

— Знаю.

Александр несколько секунд смотрел на него, потом медленно снял белую фигуру и поставил чёрную ладью на h3.

— Просто уточняю, — сказал он.

— Уточнил.

Улыбка у Александра исчезла.

Он наклонился ближе к доске. Очки снова сползли, но на этот раз он их не поправил.

Максимилиан тем временем наживил первый болт.

Сверху на капот падали редкие капли масла.

— Ты мерзавец.

— Почему?

— Не прикидывайся.

— Ходи.

Александр фыркнул.

47 / 1064

— Вот за это я тебя особенно люблю.

Максимилиан посмотрел на него.

— Ты сейчас проигрываешь.

— Именно поэтому и люблю.

Он снова уткнулся в доску.

Максимилиан затянул первый болт.

— Ладья с5, — наконец сказал Александр.

— Ферзь g3.

Ключ остановился в руке Максимилиана.

Он ничего не сказал.

Александр тоже.

В гараже снова стало слышно старые часы. Где-то в глубине дома хлопнула дверца шкафа.

Максимилиан медленно положил ключ на верстак.

— Что?

— Ничего.

— Ты не ходишь.

— Я думаю.

— Думай.

Александр взял белого ферзя.

Подержал его над доской.

Поставил обратно.

Посмотрел на пешку f2.

Потом на h2.

Провёл большим пальцем по подбородку.

Максимилиан вернулся к двигателю.

— Можешь забрать.

Александр поднял глаза.

— Знаю.

— Любой из трёх.

— Вот это мне и не нравится.

Максимилиан усмехнулся.

— Ходи.

— Не торопи меня.

— Я не тороплю.

— Ты стоишь над моей душой с гаечным ключом.

— Я стою возле машины.

— Разница небольшая.

Максимилиан снова взял ключ.

Прошла ещё минута.

Александр откинулся на спинку стула. Старое дерево жалобно

48 / 1064

скрипнуло, и он тут же посмотрел на него с подозрением.

— Мама опять хотела его выбросить?

— Вчера.

— И?

— Я вернул.

— Конечно.

Александр снова посмотрел на доску.

— Сволочь.

— Сдаёшься?

— Я думаю.

— Ты уже подумал.

— В отличие от тебя, я не ремонтирую машину одновременно. Максимилиан затянул второй болт.

— Поэтому у тебя было больше времени.

Александр посмотрел на него поверх очков.

Потом снова на доску.

Медленно протянул руку и опрокинул своего короля.

— Сукин сын.

Максимилиан вытер пальцы ветошью.

Александр откинулся на спинку стула и посмотрел на сына. Тот уже проверял крепление насоса.

— Кофе холодный?

Александр потрогал свою кружку.

— Давно.

— Сделай новый.

— Разумеется.

Александр не двинулся.

Максимилиан поднял глаза.

— Что?

— Я только что проиграл тебе партию, двигал за тебя фи-

гуры и теперь должен сделать тебе кофе?

— Да.

— Почему?

Максимилиан кивнул на насос.

— Потому что я ставлю насос.

Александр несколько секунд смотрел на него, затем под-
нялся. Стул скрипнул по бетонному полу.

У двери в дом Александр остановился, одной рукой взял-
ся за косяк.

— Кстати, я мог взять ферзя пешкой h.

— Конь e2. Мат.

49 / 1064

Александр нахмурился.

— Пешкой f.

— Конь e2, шах. Король h1. Ладья берёт f1, мат.

Отец ещё несколько секунд смотрел на доску.

— А ферзём?

Максимилиан посмотрел на него.

— Тоже не спасает.

Александр усмехнулся.

— Конечно.

Он уже собирался уйти, но остановился.

— Высокомерная скотина.

— Без сахара.

Дверь закрылась.

Максимилиан ещё несколько секунд смотрел на неё, по-

том вернулся к машине.

Проверил соединение ещё раз. Пальцы прошли по гайке, задержались на резьбе. Всё держало.

Он отступил на шаг.

Mercedes стоял перед ним с поднятым капотом. Тёмно-зелёный, низкий, почти полностью собранный. Новый хром поймал полоску солнечного света, пробившуюся под гаражной дверью. Максимилиан провёл ладонью по краю крыла.

Задержал руку.

Не для проверки поверхности.

Просто так.

Он знал эту машину уже слишком хорошо, чтобы каждый раз рассматривать её. Пальцы сами находили знакомые линии и едва заметные неровности, которых никто, кроме него, никогда бы не заметил.

Кузов закончили ещё весной, салон — месяц назад. Теперь оставалась механика: несколько вещей, которые он намеренно не доверял никому.

Насос был последним из них.

Он снова наклонился и провёл пальцами по соединению. Если выдержит — сегодня можно будет запустить двигатель. Дать ему прогреться, проверить давление, смесь и тормоза, потом поднять машину и ещё раз пройти всё снизу.

И тогда — скорость.

От одной этой мысли в груди коротко усилилось напряжение. Нетерпение.

Ему хотелось услышать первый ровный звук двигателя после

50 / 1064

долгого молчания. Услышать, как он набирает обороты, почувствовать вибрацию через руль, понять, как машина принимает нагрузку.

Не по показаниям приборов.

Не по словам механиков.

Самому.

Максимилиан открыл водительскую дверь и сел.

Кожа тихо скрипнула под его весом.

Он на секунду задержался, устроившись глубже в кресле. Здесь всё было знакомым.

Низкая посадка. Тонкий руль под ладонями. Длинный капот, уходящий вперёд зелёной плоскостью. Простые круглые приборы перед глазами.

Он повернул ключ только до первого положения.

Стрелки ожили.

Взгляд остановился на спидометре.

Двести двадцать.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

Посмотрим.

Пальцы легли на ключ.

Оставалось повернуть его ещё немного.

Он задержался.

Нет.

Убрал руку.

Выключил зажигание.

Вышел.

Снова поднял капот.

Ладонь на мгновение легла на край крыла.

Сначала — насос.

К обеду Александр успел дважды рассказать, что проиграл. Первый раз — Хелене.

Второй — Виктории, которая приехала без четверти два и обнаружила отца на кухне с ножом в одной руке и половиной огурца в другой.

— Причём ферзя можно было брать, — сообщил Александр. Виктория сняла солнечные очки и положила их на стол. — Но ты не взял.

— Потому что получил бы мат.

— Тогда всё сходится.

Александр посмотрел на неё с укором.

— Я рассчитывал хотя бы на сочувствие.

51 / 1064

Хелена, стоявшая у плиты, протянула Виктории миску.

— На стол.

— Я только приехала.

— Именно.

Виктория взяла миску, даже не споря дальше.

На кухне всё шло своим привычным порядком. Хелена двигалась между плитой и столом почти бесшумно, Алек-

сандр занимал стул у окна и считал своей обязанностью комментировать происходящее, а Виктория уже успела открыть холодильник, хотя ещё не сняла пальто.

Максимилиан вошёл через минуту.

После душа волосы ещё оставались влажными. Рукава тёмной рубашки были закатаны до локтей.

Александр сразу поднял голову.

— Вот и виновник.

— У тебя было три часа, чтобы отыгаться.

— Я уже всем рассказал.

— Заметно.

Виктория поставила миску на стол.

— Ты мог дать ему выиграть.

Максимилиан отодвинул стул.

— Зачем?

— Иногда людям приятно.

— Папе?

— Особенно папе.

Хелена поставила на стол последнее блюдо.

— Не радуйся. Она просто из вежливости.

Они сели.

Александр взял вилку первым. Виктория тут же потянулась за хлебом, задев его локоть. Он молча придвинул ей корзинку ближе. Через несколько минут Александр попросил соль.

Она стояла прямо перед ним.

Хелена молча подвинула её на десять сантиметров.

Александр кивнул, будто так и было задумано.

Разговор ненадолго стих.

Потом Виктория вспомнила о пакете, который оставила в прихожей.

— Я кое-что привезла.

Хелена даже не подняла головы.

— Опять?

— На этот раз съедобное.

52 / 1064

— В прошлый раз тоже было съедобное.

— Формально.

Александр перестал жевать.

— А что было в прошлый раз?

— Конфеты, — сказала Хелена.

Виктория встала и вернулась с небольшим бумажным пакетом, поставила его на стол и развернула бумагу.

Александр заглянул в пакет.

— Сыр?

— А что, похож на ботинки?

— С тобой сегодня невозможно разговаривать.

— Ты проиграл.

— Все это уже знают.

Виктория отрезала четыре небольших кусочка и разложила по тарелкам.

Хелена попробовала первой.

Пожевала.

Покачала головой.

— Нет. Больше не покупай.

Александр взял свой кусок.

— Нормальный.

Хелена посмотрела на него.

Александр пожал плечами.

— Пахнет ужасно. На вкус нормально.

Виктория перевела взгляд на Максимилиана.

— А ты?

Он прожевал.

— Сыр.

Александр рассмеялся первым.

Виктория закатила глаза.

— Иногда я забываю, зачем вообще что-то вам привожу.

— Мне ты ничего не привезла, — сказал Максимилиан. Она замерла.

— Ты сейчас жалуешься?

— Констатирую.

— Подожди.

Виктория снова полезла в пакет.

Максимилиан уже понял, что спорить бесполезно.

— Не надо.

— Поздно.

На стол легла маленькая жестяная коробка.

Он посмотрел на неё.

— Что это?

— Открой.

Александр отложил вилку.

— Теперь мне тоже интересно.

Максимилиан снял крышку.

Внутри лежали леденцы.

— Мятные, — сказала Виктория.

— Я вижу.

— Увидела и подумала о тебе.

На секунду стало тихо.

Максимилиан посмотрел на коробку.

— Почему?

Виктория пожала плечами.

— Такие же приветливые.

Александр закашлялся.

Хелена тут же подала ему воду.

— Не подавись.

— Я стараюсь.

Максимилиан закрыл коробку и положил рядом с тарелкой. — Спасибо.

Виктория моргнула.

— Ты их оставишь?

— Ты подарила.

— Я рассчитывала, что ты выбросишь.

— Тогда зачем подарила?

— Ради разговора.

— Плохое вложение.

— Четыре евро.

— Очень плохое.

Хелена покачала головой.

— В следующий раз привези масло.

— Оливковое?

— Обычное.

— Из Парижа?

— Ты не только в Париж летаешь.

— Кстати, меня вчера пытались выдать замуж.

Никто особенно не удивился.

Хелена продолжила собирать соус с края тарелки кусочком хлеба. — Опять?

— На этот раз серьёзно. Женщина из самолёта.

54 / 1064

Александр поднял глаза.

— Пассажирка?

— Нет, папа. Пилот.

— Откуда я знаю.

Виктория отпила воды.

— Сначала спросила, замужем ли я. Потом сколько мне лет. Потом сказала, что у неё есть сын.

— И фотографию показала? — спросила Хелена.

— Три.

Александр перестал накладывать салат.

— Красивый?

— Не знаю. На первой он держал рыбу.
Его рука замерла.

— Какую?

Виктория медленно посмотрела на него.

— Папа. Это не самая важная часть.

— Для тебя, может быть.

Максимилиан продолжал есть.

— Морская или речная?

Виктория уронила вилку.

Александр довольно кивнул.

— Вот. Нормальный вопрос.

Хелена прикрыла глаза, но уголок её рта дрогнул.

— Ешьте.

Виктория подняла вилку.

— Большая была? — уточнил Александр.

— Господи.

Максимилиан посмотрел на отца.

— Не отвечай. Он всё равно спросит ещё раз.

Виктория вздохнула.

— Я отказалась.

— Вежливо? — спросил Максимилиан.

— Разумеется.

Он кивнул.

— Значит, не очень.

— Я работаю с людьми. Умею быть приятной.

— Ты только что сказала незнакомой женщине, что не хочешь знакомиться с её сыном.

— Да.

— Убедительно.

— Это называется такт.

55 / 1064

Хелена поставила стакан на стол.

— Это называется не говорить человеку всё, что пришло тебе в голову.

Максимилиан посмотрел на мать.

— Логично.

— Запомни.

Он взял хлеб.

— Зачем тогда спрашивать?

Хелена посмотрела на него поверх очков.

— Ешь.

Максимилиан послушно взял ещё кусок.

Александр тихо рассмеялся.

И на этот раз Максимилиан тоже улыбнулся.

ЭПИЗОД 13

Орех под маслом темнел почти сразу.

Тара любила этот момент.

Первые движения тканью ничего особенного не меняли — просто дерево становилось влажным. Потом цвет начинал уходить в глубину, проступали тёмные длинные волокна, и

крышка, которую ещё минуту назад можно было принять за аккуратно

обработанную доску, вдруг становилась вещью.

В мастерской пахло орехом, льняным маслом и сухой древесной пылью. Запах въелся в стены, в деревянную столешницу, даже в её рабочую рубашку. На стенах висели струбцины, линейки и шаблоны — каждый на своём месте. У стены стоял старый токарный станок, рядом — ведро с обрезками, которые Тара не выбрасывала: почти каждому из них рано или поздно находилось применение.

Она работала, чуть склонившись над верстаком. Волосы были собраны на затылке, рукава закатаны до локтей. Она двигалась без спешки, но почти без лишних движений: ткань, масло, край крышки, снова ткань.

Свет падал из высокого окна сбоку и ложился на верстак длинным прямоугольником. В нём особенно хорошо были видны мелкие царапины на поверхности, тонкая стружка у края и пыль, осевшая на тёмном дереве.

Тара добавила на ткань ещё немного масла и провела от середины к краю.

56 / 1064

Не торопясь.

Дерево принимало масло постепенно.

Она ещё раз прошла по краю, потом отложила ткань. Рядом стоял корпус.

Небольшой, чуть шире двух ладоней, с тонкими стенка-

ми и уже вставленным светлым клёном внутри. Шесть отделений получились одинаковыми. Ещё два Тара сделала под запонки. Изначально их должно было быть восемь одинаковых. Тара нарисовала восемь.

Посмотрела.

Стерла.

Потом отправила клиенту второй вариант.

Так лучше, — ответил он через четыре минуты.

Тара была с ним согласна.

Она взяла крышку и провела большим пальцем по кромке.

Раз.

Вернулась.

Ещё раз.

На глаз ничего не было.

Под пальцем — было.

Тара потянулась за наждачной бумагой, оторвала небольшой кусок и несколько раз легко прошлась по краю. Сдула пыль. Проверила снова.

Теперь хорошо.

Она положила крышку на корпус.

Оставались петли.

Тара открыла верхний ящик верстака. В маленьком прозрачном пакете лежала пара, которую выбрал клиент. Рядом — ещё одна. Вторую она заказала сама.

Просто потому, что на фотографии ей показалось, что эти

будут лучше.

Тара достала обе пары.

Сначала приложила согласованные.

Посмотрела.

Убрала.

Приложила вторые.

— Ну конечно.

Вторые были лучше.

Не настолько, чтобы клиент когда-нибудь заметил разницу. Насколько, чтобы заметила она.

Тара ещё раз поменяла их местами, хотя уже знала, чем это

57 / 1064

закончится.

Телефон зазвонил на полке за её спиной.

Она не обернулась.

Ещё раз приложила первую петлю.

Потом вторую.

Телефон замолчал.

— Правильно, — сказала Тара.

И выбрала вторые.

Согласованные петли она положила обратно в пакет и убрала в ящик.

Для новых придётся чуть изменить разметку.

Тара достала карандаш, линейку и шило, подвинула лампу ближе. Приложила петлю к краю, отметила первую точку,

потом вторую. Проверила расстояние. Перевернула крышку.
Телефон лежал тихо.

Она закончила разметку, убрала крышку на чистую часть верстака и только тогда вытерла руки. Масло всё равно осталось на пальцах и под ногтями.

Тара сняла фартук, повесила его на крючок у двери и взяла телефон.

Один пропущенный.

Клэр.

Она перезвонила.

— Привет.

— Привет. Я тебя от работы не оторвала?

— Уже нет. Руки были в масле, поэтому не могла взять.

— А, хорошо.

— Я как раз закончила.

— Что делала?

— Коробку для часов.

— Ту, которую показывала?

— Да.

— И как?

Тара посмотрела на верстак.

— Хорошо. Мне нравится.

— Тогда я рада.

Тара улыбнулась, вышла из мастерской и прикрыла за собой дверь.

— Ты уже из офиса?

— Да. Только села в машину.

— Поздно.

58 / 1064

— Сегодня опять задержалась.

— Устала?

— Немного. Но нормально.

— Тогда тебе домой.

— Да.

Тара спустилась с крыльца и пошла к дому.

— Ты поэтому звонила?

— Нет. Хотела тебе кое-что предложить. Ты в пятницу свободна? — Вроде да. А что?

— Пойдём на быстрые свидания.

Тара на секунду задумалась.

— Давай. А где?

Клэр назвала ресторан в центре.

— Знаю. Хорошее место.

— Я увидела сегодня объявление и подумала, что можно сходить. — Почему нет. Во сколько?

— В восемь. Там надо заранее зарегистрироваться. Я тебе ссылку пришлю.

— Хорошо.

— Я сама ещё не регистрировалась. Тебя ждала.

— Тогда присылай. Вместе зарегистрируемся.

Тара поднялась на крыльцо.

— Ты уже домой едешь?

— Да.

— Тогда давай. Напишешь?

— Напишу.

— Хорошо.

— Пока.

— Пока.

Тара убрала телефон в карман и вошла в дом.

В пятницу вечером Тара проехала мимо свободного места и поняла это только метров через десять.

Она мельком посмотрела в зеркало.

Пусто.

Сдала назад.

Парковка была почти полной. Между рядами машин оставалось немного места, под фонарями блестел гладкий асфальт, а у самого ресторана уже двигались люди — кто-то выходил, кто-то торопился к входу.

Тара остановилась.

Посмотрела ещё раз.

59 / 1064

Место было.

Не очень большое, но было.

Слева стоял тёмно-зелёный Mercedes. Старый, но в идеальном состоянии. Кузов тускло отражал свет фонаря, а сам Mercedes стоял точно посередине между белыми линиями.

Тара включила поворотник.

С первого раза не получилось.

Она выехала.

Попробовала ещё раз.

Снова не получилось.

Тара заглушила двигатель, вышла и посмотрела.

Hummer стоял под углом.

— Нет.

Она села обратно.

Ещё немного назад. Руль вправо. Вперёд.

Остановилась.

Вышла снова.

Теперь хотя бы внутри разметки.

Тара обошла машину сзади и посмотрела на расстояние до Mercedes.

Потом на сам Mercedes.

Чистый. Тёмный. Без единой вещи в салоне, которую можно было разглядеть через стекло.

— Ну конечно.

Ровно посередине. Ни сантиметра человеческого участия. Она снова села за руль, подвинула Hummer настолько, насколько сочла безопасным, и заглушила двигатель.

На этот раз вышла уже с сумкой.

Постояла рядом.

— Ну мог же ты чуть левее встать.

Хотя прекрасно видела: он стоял правильно.

Это она стояла криво.

Тара закрыла Hummer и задержалась ещё на секунду.

Наверняка хозяин был таким же.

Какой-нибудь сухой мужчина лет пятидесяти. В очках. В хорошем костюме. Финансовый директор или бухгалтер. Из тех, у кого ручки лежат параллельно краю стола, а носки рассортированы по дням недели.

Она посмотрела на часы.

До начала оставалось семь минут.

Ещё раз взглянула на Nummer.

60 / 1064

Не касался.

Уже хорошо.

Тара поправила сумку на плече и пошла к ресторану.

ЭПИЗОД 14

Лифт поднимался почти бесшумно.

В кабине было достаточно просторно для шести человек, но пространства казалось меньше.

Мужчина был очень крупным.

Не просто высоким — широким в плечах, тяжёлым, с большими руками и той плотностью сложения, которую хороший костюм мог подчеркнуть, но не спрятать. Тёмный пиджак сидел безупречно. Белая рубашка, тёмный галстук. На висках уже заметно серебрилась первая седина.

Он стоял чуть сбоку от центра, опустив руки, и смотрел на сменяющиеся цифры над дверью.

Лифт замедлился.

Двери разошлись без звука.

Перед ним был небольшой холл.

Светлый каменный пол уходил к низкой стойке метрдотеля. Стены были отделаны тёмным деревом, без резьбы и блеска; узкие полосы латуни почти терялись в мягком свете. У дальней стены стояли два кресла и небольшой столик. На нём лежали несколько журналов, аккуратно сложенных один на другой.

Здесь ничего не привлекало внимания отдельно.

Всё вместе говорило о цене.

Не золото, не хрусталь, не показная роскошь — качество вещей, пространство между ними и тишина, в которой ничего не происходило случайно.

Метрдотель поднял глаза.

За годы работы он научился понимать, кого нужно спросить о бронировании, кого можно на минуту оставить у стойки, а перед кем лучше просто открыть дверь.

Решение обычно занимало несколько секунд.

Иногда меньше.

Мужчина вышел из лифта.

Метрдотель посмотрел на него.

Высокий. Очень широкий. Тяжёлый.

Не грузный — движения спокойные, точные. Просто большой

61 / 1064

человек. Большая шея, широкие плечи, крупные руки.

Пиджак сидел безупречно, но скрыть его сложение не мог.

Мужчина не оглядывался.

Не проверял телефон. Не искал глазами стойку. Не замедлил шаг, увидев метрдотеля.

Просто шёл.

Метрдотель вышел ему навстречу.

Теперь, на расстоянии нескольких шагов, можно было рассмотреть лицо. Крупное, резкое. Тёмные волосы с серебром на висках, тяжёлая челюсть, внимательные тёмные глаза.

Не красавец.

Метрдотель отметил это спокойно.

Его интересовало другое.

В мужчине не было ни желания понравиться, ни привычки демонстрировать собственную значимость. Он держался так, будто ему не требовалось подтверждение того, что он здесь уместен. Метрдотель остановился перед ним.

— Добрый вечер, сэр.

— Добрый вечер. Меня ждут. Сесилия Морган.

Голос был низким, спокойным.

Метрдотель не спросил о бронировании.

— Конечно.

Он сделал шаг в сторону и открыл дверь.

И только теперь перед ними открылся ресторан.

Зал уходил далеко вглубь. Между столами оставалось много воздуха; белые скатерти почти светились в приглушённом свете небольших ламп. Тёмное дерево стен терялось

дальше, в полумраке, где отдельные столики казались существующими каждый в своём пространстве.

Официанты двигались между ними бесшумно. Ни один не торопился, ни один не задерживался у другого стола дольше необходимого. Где-то официант наклонился к гостю, где-то поставили бокал, где-то задвинули стул — и всё происходило настолько тихо, что движение скорее угадывалось, чем слышалось. В глубине зала горели несколько настольных светильников. Их света хватало только на столы и лица сидящих за ними. Всё остальное оставалось мягким, спокойным фоном.

Ресторан не демонстрировал роскошь.

Он просто был устроен так, что дешёвому здесь нечего было делать.

Метрдотель отступил.

62 / 1064

Мужчина вошёл.

Метрдотель пошёл чуть впереди.

Они двигались между столами, и зал постепенно открывался дальше.

Здесь разговаривали негромко. Смех за одним из столиков не заставил людей за соседним повернуть головы. Звон приборов тонул почти сразу. Официант появился возле пары у окна, наполнил два бокала и исчез прежде, чем мужчина успел пройти мимо.

Никто никуда не спешил.

И всё происходило вовремя.

Дальше пространство становилось светлее.

Тёмная стена справа закончилась, уступив место стеклу. За ним лежал город — ещё не ночной, но уже потерявший дневную резкость. В окнах напротив зажигались первые огни, машины внизу двигались между домами, слишком далеко, чтобы отсюда был слышен их шум.

В конце зала стеклянные двери были раздвинуты.

За ними начиналась терраса.

Снаружи было теплее. Не жарко — дневной зной уже ушёл из воздуха, оставив после себя мягкое тепло конца лета. Лёгкий ветер заходил в зал через открытые двери и едва шевелил тонкие занавеси у стекла.

На террасе столиков было меньше.

Они стояли далеко друг от друга, между большими кадками с невысокими деревьями. За прозрачным ограждением город уходил вниз и дальше, до самого горизонта.

Метрдотель замедлил шаг.

— Госпожа Морган предпочла террасу, сэр.

Мужчина посмотрел туда.

Сесилия сидела у самого края.

Сумка стояла возле стула, тонкая рабочая папка лежала рядом на свободном кресле. Перед ней были бутылка воды и бокал белого вина. Телефон она держала в руке, читая что-то на экране. На ней было светлое платье с короткими рукавами, собранное в талии и заканчивавшееся чуть ниже колен.

Тонкая ткань едва двигалась от ветра.

Ногу она положила на ногу.

На ногах были туфли на высоких каблуках.

Максимилиан узнал их.

И только тогда посмотрел на часы.

63 / 1064

Задержался.

Ненамного.

Но Сесилия уже успела заказать вино.

Он перевёл взгляд обратно на неё.

Она ещё не заметила его.

Максимилиан пошёл через террасу.

Сесилия продолжала читать.

Она сидела, чуть подавшись вперёд, и большим пальцем медленно прокручивала текст на экране. Светлые волосы были убраны за одно ухо. Несколько прядей ветер уже успел вытащить, и теперь они двигались у щеки.

Он знал, что она пришла прямо с работы.

Не только по папке.

Сесилия почти никогда не переодевалась перед их встречами, если они ужинали в будний день. В этом не было необходимости. Она и на работу ходила так, что вечером могла оказаться практически где угодно.

Платье ему нравилось.

Туфли — больше.

Максимилиан скользнул взглядом по открытой щиколот-

ке, тонкому каблуку, задержался на мгновение и снова посмотрел ей в лицо. Сесилия была красивой женщиной и прекрасно это знала. Ей шло то, что она никогда не пыталась казаться моложе. Тридцать восемь не требовали исправления. Тонкие морщинки у глаз появлялись, когда она смеялась, и почти исчезали, когда она была сосредоточена — как сейчас.

До её столика оставалось несколько шагов.

Сесилия что-то дочитала.

Её большой палец остановился.

Она подняла глаза.

Сначала увидела метрдотеля.

Потом мужчину за его плечом.

И улыбнулась.

Максимилиан шёл к ней неторопливо, расстёгнутый пиджак чуть расходился при каждом шаге. Среди столиков он выглядел ещё крупнее, чем в помещении.

Не потому, что остальные мужчины были маленькими. Просто рядом с ним обычные человеческие пропорции становились заметнее.

Сесилия знала это давно.

Как знала тяжёлую линию его плеч, большие руки, тёмные волосы,

64 / 1064

в которых за последний год стало больше серебра.

Красивым она его никогда не считала.

Ей нравилось его лицо.

Это было не одно и то же.

Слишком крупные черты, тяжёлая челюсть, нос, который на другом лице выглядел бы великоватым. Тёмные глаза под густыми бровями. Резкие складки от носа к уголкам рта, заметные даже тогда, когда лицо было совершенно спокойным.

В двадцать пять он, наверное, выглядел хуже.

В сорок два всё это наконец оказалось на своём месте. Сесилия положила телефон экраном вниз.

Теперь Максимилиан смотрел прямо на неё.

Она медленно расправила плечи.

Неосознанно.

А потом заметила это и едва заметно усмехнулась самой себе. Максимилиан подошёл к столу.

Сесилия осталась сидеть.

Она подняла к нему лицо, и он наклонился к ней. Его ладонь легла ей на затылок, пальцы скользнули в волосы.

Он поцеловал её медленно, без той поспешности, с которой обычно целуют при встрече.

Сесилия коснулась пальцами его запястья. Не чтобы остановить — просто удержала его руку там, где она лежала.

Максимилиан уже мог выпрямиться, но не сделал этого сразу. На одно короткое мгновение его губы задержались у её губ, и Сесилия чуть повернула голову ему навстречу.

Только тогда он отстранился.

Когда Максимилиан выпрямился, она всё ещё смотрела на него. — Прости. Задержался.

Сесилия улыбнулась и чуть качнула головой.

Максимилиан снял пиджак, перекинул его через спинку свободного кресла и сел напротив.

Официант появился почти сразу.

— Виски, — сказал Максимилиан. — Без льда.

— Какой предпочитаете, сэр?

Максимилиан назвал марку.

Официант кивнул и повернулся к Сесилии.

Она чуть приподняла свой бокал.

— Я пока останусь с этим.

Официант ушёл.

Максимилиан взял меню.

65 / 1064

— Ты уже выбрала?

— Почти.

— Тогда выбирай.

Сесилия посмотрела на него поверх меню.

— Спасибо, что разрешил.

Максимилиан поднял глаза.

— Пожалуйста.

Уголок её рта дрогнул.

Он снова посмотрел в меню.

Сесилия продержалась несколько секунд.

— У меня сегодня был мужчина, который разговаривал примерно как ты.

— Сочувствую.

Она рассмеялась.

Максимилиан перевернул страницу.

— Самое неприятное, что первые сорок минут я тоже думала, что он знает, о чём говорит.

— А потом?

— Потом он открыл презентацию.

Максимилиан посмотрел на неё.

— Настолько плохо?

— Хуже. Семьдесят четыре слайда.

— Уволь его.

— Он не мой.

— Тогда пусть увольняет тот, чей.

— Видишь? Именно поэтому мне иногда полезно с тобой ужинать. Любая проблема приобретает удивительно простое решение. — Большинство проблем имеют простое решение.

Сесилия сделала глоток вина.

— Просто почему-то никто, кроме тебя, его не видит. — Это уже не моя проблема.

Она тихо фыркнула и снова открыла меню.

Официант вернулся с виски. Поставил стакан справа от Максимилиана и исчез, не прерывая разговор.

Максимилиан взял его, сделал небольшой глоток.

— Как Милан?

Сесилия подняла глаза.

— Ты помнишь про Милан.

— Ты была там три дня.

— Четыре.

— Значит, не помню.

66 / 1064

Она улыбнулась.

— Подписали.

— На ваших условиях?

— На тех, с которыми можно жить.

Максимилиан поставил стакан.

— Это не ответ.

— Это именно ответ. Просто не тот, который нравится тебе. Он посмотрел на неё несколько секунд.

— Что отдали?

Сесилия назвала два пункта.

Максимилиан чуть нахмурился.

— Второй зря.

— Знаю.

— Тогда зачем отдала?

— Потому что хотела вернуться домой до пенсии.

— Сильная переговорная позиция.

— Спасибо.

Она закрыла меню.

— Я тоже собой горжусь.

Максимилиан усмехнулся.

Едва заметно, но Сесилия увидела.

Она всегда видела.

Когда принесли ужин, разговор уже успел уйти от Мила-

на. За стеклянным ограждением террасы окончательно стемнело. Город внизу изменился. Исчезли крыши, стены, отдельные машины — остались светящиеся окна, красные точки стоп-сигналов и длинные полосы фонарей вдоль улиц. В стекле за спиной Сесилии теперь отражалась сама терраса: столы, маленькие лампы, лица людей, тёмные силуэты деревьев.

Стало прохладнее.

Сесилия накинула на плечи жакет, который до этого висел на соседнем кресле.

За соседним столом сменились гости. Где-то негромко засмеялась женщина. Официант появился, убрал пустую бутылку воды, поставил новую и снова исчез.

Их разговор двигался так же спокойно.

От Милана — к человеку, которого Сесилия собиралась уволить, но пока не решила, заслуживает ли он последнего предупреждения. От него — к её матери, которая в очередной раз затеяла что-то в доме и теперь была недовольна всеми тремя предложенными подрядчиками.

67 / 1064

Максимилиан спросил, чем закончилась история с крышей. Сесилия удивилась, что он вообще её помнит.

Он помнил.

Потом говорили о чём-то ещё.

Иногда разговор обрывался.

Сесилия ела, глядя на город. Максимилиан пил виски.

Несколько минут они могли вообще не говорить, и ни одному из них не приходило в голову, что паузу нужно чем-то заполнить. Им давно не требовалось развлекать друг друга.

Сесилия отложила приборы и потянулась за бокалом. — В субботу меня не будет.

Максимилиан поднял на неё глаза.

— Я помню.

Она на секунду задержала бокал у губ.

— Правда?

— У твоей матери день рождения.

— В воскресенье.

— А уезжаешь ты в субботу.

Сесилия улыбнулась.

— Иногда ты меня пугаешь.

— Почему?

— Потому что половину времени производишь впечатление человека, который вообще меня не слушает.

— Я слушаю.

— Знаю.

Она отпила вина.

Максимилиан посмотрел на её бокал.

— Ещё будешь?

— Нет.

Он едва заметно поднял взгляд в сторону официанта. Тот оказался рядом через несколько секунд.

Сесилия наблюдала за этим с лёгкой улыбкой.

Когда официант ушёл, она спросила:

— Ты завтра рано?

— В восемь.

— Тогда ко мне.

Сесилия поставила бокал.

Вопрос о том, чем закончится этот вечер, между ними не стоял. Они решали только, где.

На улице уже совсем стемнело.

Максимилиан вышел первым и придержал дверь.

68 / 1064

Сесилия шагнула следом.

Его ладонь легла ей на спину — привычно, чуть выше талии. Она поправила сумку на плече и осталась рядом, не убирая расстояния между ними.

За стеклом дверей остался мягкий свет лобби. На улице было оживлённее: у тротуара одна за другой останавливались машины, кто-то ждал водителя, кто-то курил у края дороги. Свет фар скользил по мокрому после уборки асфальту и исчезал за поворотом.

Они пошли к парковке.

Максимилиан держал руку у неё на спине ещё несколько шагов, потом убрал. Сесилия почти сразу взяла его под локоть. Их шаги совпали.

Мимо прошла пара, из открытого окна припаркованной машины донеслась музыка. На противоположной стороне улицы светились окна ресторанов и магазинов, выше — ред-

кие огни квартир. Сесилия что-то сказала.

Максимилиан наклонил голову, чтобы расслышать.

Она повторила.

Он усмехнулся.

Так они и дошли до парковки.

Максимилиан увидел свой Mercedes почти сразу.

И остановился.

Рядом с ним стоял красный Hummer.

Максимилиан молча смотрел на машины.

Сесилия проследила за его взглядом.

Потом посмотрела на него.

— Человек, которому нельзя доверять движущиеся предметы. Сесилия рассмеялась.

Максимилиан достал ключи.

Mercedes коротко мигнул фарами.

Через несколько минут тёмно-зелёная машина выехала с парковки. Красный Hummer остался стоять на месте.

Немного криво.

III

69 / 1064

ЭПИЗОД 15

К половине десятого Виктория окончательно решила, что туфли были ошибкой.

Красивой.

Дорогой.

И совершенно не оправдывающей того, что происходило с её левым мизинцем.

В зале было тепло от людей и слишком много света. Высокие окна отражали люстры, столики между ними постепенно исчезали за плечами гостей, официанты двигались почти бесшумно, удерживая на вытянутых руках бокалы и маленькие тарелки. Где-то у дальней стены играла музыка — негромкая в начале вечера, теперь она уже заставляла людей наклоняться друг к другу, чтобы расслышать последние слова.

За окнами город давно потемнел. В стекле смешивались огни улицы и золотистые отражения зала.

Виктория стояла у высокого стола, переноса вес с одной ноги на другую. На ней было тёмное платье с открытыми плечами, простое ровно настолько, чтобы не спорить с серьгами и тонкой цепочкой на шее. Светлая кожа резко выделялась на фоне ткани, рыжие волосы были собраны наверх, и только несколько прядей у висков уже выбились из причёски.

София рядом выглядела иначе.

Ниже почти на полголовы, темноволосая, в чёрном платье с мягкой линией плеч. Волосы она собрала в низкий гладкий узел, но уже успела вытащить из него одну шпильку и теперь держала её между пальцами, совершенно не замечая. На ней всё сидело безупречно, а сама София выглядела так, будто через час спокойно снимет туфли, бросит серьги на первое

попавшееся место и поедет домой. Виктории это в ней нравилось.

Некоторые женщины весь вечер помнили, как стоят, куда положили руку и с какой стороны у них лучше профиль. София забывала о платье минут через десять после выхода из дома.

Она протянула Виктории бокал.

— Держи.

Виктория посмотрела на него.

— Если вода, я обижусь.

70 / 1064

— Вино.

— Тогда люблю.

София только улыбнулась.

Виктория отпила и посмотрела через зал.

Адам стоял у дальней стены.

Он отошёл от них минут десять назад — поздороваться с кем-то из знакомых — и с тех пор успел продвинуться всего на несколько метров. Один разговор закончился, почти сразу начался другой. Высокий, светловолосый, он хорошо выглядел в костюме, хотя носил его без особого почтения. Галстук уже был немного ослаблен, верхняя пуговица рубашки расстёгнута. Он стоял вполоборота к залу, одной рукой держа бокал с водой, и слушал мужчину напротив.

Тот что-то сказал.

Адам рассмеялся.

В этот момент он заметил Софию.

Разговор не прервал, только встретился с ней взглядом и чуть поднял бокал.

София ответила тем же.

— Он собирался вернуться, — сказала Виктория.

— Он всегда собирается.

— Уже минут десять.

— Значит, скоро.

Виктория посмотрела на неё.

— Ты очень в него веришь.

— Нет. Я давно его знаю.

Адам тем временем пожал руку подошедшему мужчине.

Теперь их стало трое.

Виктория кивнула в его сторону.

— Скоро?

София отпила вина.

— Относительное понятие.

Виктория снова перенесла вес на правую ногу.

София опустила взгляд.

— Сними.

— Что?

— Туфли.

— Нет.

София посмотрела на неё.

— Ты последние двадцать минут стоишь то на одной ноге, то на другой.

Виктория пожала плечом.

— Они красивые.

— Это, конечно, меняет дело.

Виктория посмотрела на неё поверх бокала.

— Ты ничего не понимаешь.

София усмехнулась и покачала головой.

— Ладно. Страдай.

Мимо прошёл официант. Виктория поставила пустой бокал на поднос и тут же взяла другой.

София проводила это движение взглядом.

— Ну что, решила?

Виктория уже поднесла бокал к губам.

— Решила.

— И?

— Секретер.

София на секунду задумалась.

— Хорошо.

— Просто хорошо?

— Хелена будет в восторге.

— Вот. Уже лучше.

— Александр тоже. Правда, сначала скажет, что ему совершенно не нужен ещё один стол, а потом займёт все ящики своими бумажками.

— Не все. Я собираюсь оставить маме хотя бы один.

София рассмеялась.

Виктория отпила вина.

— А ты решила?

— Давно.

— Что?

София назвала свой подарок.

Виктория помолчала.

— Тебе проще.

— Потому что я не дочь?

— Именно.

София улыбнулась.

— Хелена от тебя этого не требует.

— Знаю.

Виктория покрутила бокал за ножку.

— Поэтому это исключительно моя проблема.

— Старый будешь искать?

— Нет. Новый. Но чтобы выглядел так, будто прожил с
ними

72 / 1064

дольше нас обеих.

— Это уже сложнее.

— Я знаю.

Виктория снова посмотрела на зал.

— Я примерно понимаю, чего хочу. Не понимаю только,
кто мне это сделает.

София повернула к ней голову.

— Я знаю.

— Кого?

— Тару.

Виктория нахмурилась, перебирая в памяти знакомое имя. — Тара...

— Рид.

Виктория посмотрела на неё.

— Бывшая жена Адама?

— Да.

На другом конце зала Адам всё ещё разговаривал. Теперь уже с пожилой парой; женщина что-то рассказывала ему, придерживая ладонью его за локоть.

Виктория снова посмотрела на Софию.

— Она такое делает?

— Мебель на заказ — да. А возьмётся ли за секретер, надо спросить.

— Хорошо делает?

— Хорошо.

Виктория задумалась на несколько секунд.

— Познакомишь?

София кивнула.

— Я ей позвоню.

Телефон зазвонил, когда Тара в третий раз посмотрела на витрину с пирогами.

День был тёплым и ясным. Через высокие окна хорошо было видно улицу: листья платана, вывеску напротив, прохожих, которые иногда останавливались у витрины, прежде

чем идти дальше. На ветке напротив ненадолго устроилась маленькая птица, покрутила головой и перелетела на соседнее дерево. Внутри было негромко.

Звенела посуда. Где-то у стойки кофейная машина коротко выпустила пар. Кассовый аппарат пискнул, и девушка за стойкой назвала кому-то сумму. За соседним столиком кто-то

73 / 1064

перелистывал газету; у входа открылась дверь, впуслав вместе с воздухом запах улицы.

Тара сидела у окна. На столе перед ней стояла чашка почти допитого кофе и пустая тарелка, на которой осталась тонкая полоска лимонного крема.

Она снова посмотрела на витрину.

Потом на тарелку.

Телефон зазвонил ещё раз.

На экране высветилось имя Софии.

Тара ответила.

— Привет.

— Привет. Не отвлекаю?

Тара посмотрела на витрину.

— От очень важного решения, стоит ли брать второй кусок пирога. — Тогда перезванивать не буду.

Тара улыбнулась.

— Поздно. Ты уже вмешалась.

— Тогда бери второй.

— Я примерно такого совета от тебя и ожидала.

— Рада не разочаровать.

Тара улыбнулась и потянулась к чашке.

— Ты по поводу своей знакомой?

— Да. Я сейчас с Викторией. Хотели спросить, не увидишься ли ты с нами.

— Можно. Я как раз в кафе.

— Где?

Тара назвала место.

На том конце на секунду стало тихо.

— Серьёзно?

— А что?

— Мы совсем рядом.

— Насколько?

— Минут двадцать. Подождёшь нас?

Тара посмотрела на пустую тарелку.

Потом на витрину.

— Теперь точно подожду.

Второй кусок оказался почти таким же хорошим, как первый. Тара успела съесть половину, когда дверь кафе открылась и вошла София.

Рядом с ней была незнакомая женщина.

74 / 1064

Высокая, рыжеволосая, в светлых брюках и тонкой блузке с закатанными до локтей рукавами. Волосы были распущены и падали чуть ниже плеч. В одной руке она держала ма-

ленькую сумку, другой что-то на ходу показывала Софии. Та ответила, и обе оглядели зал.

Тара подняла руку.

София заметила её первой.

Они подошли.

— Привет.

— Привет.

София коротко коснулась губами её щеки и повернулась к спутнице.

— Тара, это Виктория.

— Очень приятно.

— Мне тоже.

Виктория посмотрела на тарелку перед Тарой.

— Значит, всё-таки второй.

— Как видишь.

— Я слышала только одну сторону разговора, но болела за пирог. Тара улыбнулась.

— Тогда садись.

Виктория рассмеялась и отодвинула стул.

София села рядом.

К ним почти сразу подошла девушка с меню.

— Мне кофе, пожалуйста, — сказала София.

— Мне тоже. И вот это.

Виктория указала на витрину.

Тара посмотрела туда же.

— Лимонный?

— После такой рекламы я обязана проверить.

Тара приложила ладонь к груди.

— Ручаюсь.

Девушка записала заказ. За стойкой кофейная машина снова выпустила короткую струю пара. Где-то звякнула ложечка о чашку, за соседним столиком негромко засмеялись.

— Вам тоже? — спросила девушка у Софии.

Та покачала головой.

— Нет, спасибо.

Девушка ушла.

Виктория положила сумку на свободный стул и повернулась к Таре.

75 / 1064

— София сказала, вы делаете мебель на заказ.

— Да, делаю.

— Секретер возьмётесь?

Тара чуть откинулась на спинку стула.

— Зависит от того, какой секретер.

За соседним столиком поставили чашки. Фарфор тихо звякнул о блюдца.

— Я пока знаю только, каким он должен быть снаружи. — Уже очень хорошо.

— Маме нравятся старые вещи. Не обязательно антиквариат. Скорее вещи, которые выглядят так, будто у них была жизнь до тебя. Потемневшее дерево, латунь, маленькие ящики. Вот это всё. Тара кивнула.

В стекле напротив отражалась витрина с пирогами, и она на секунду снова посмотрела на оставшийся кусок лимонного. — А пользоваться им будут?

— Обязательно.

Тара улыбнулась.

— Тогда это уже интереснее.

— Мама точно будет, — сказала Виктория. — Но если поставить его у родителей, папа присвоит половину максимум за неделю. Тара улыбнулась.

— Что он туда складывает?

— Всё.

— Прямо всё?

— Ты не представляешь. Ручки, очки, газеты, какие-то вырезки, записки на клочках бумаги.

Они обе заметили это.

Просто улыбнулись друг другу и не стали возвращаться к «вы». — Которые нельзя выбросить, потому что они очень важные. София усмехнулась.

— Особенно те, на которых уже никто не может разобрать, что написано.

— Эти самые важные.

Тара рассмеялась.

— А ещё?

— Шахматы любит. Кроссворды. Иногда сидит над одним полдня, потом злится, если кто-нибудь подсказывает.

— Даже если не знает ответ?

— Особенно если не знает.

Тара посмотрела на Викторию.

76 / 1064

— А мама?

— Мама любит старые вещи. И порядок.

К столу принесли кофе и пирог. Чашки тихо звякнули о блюда. Виктория дождалась, пока девушка отойдёт, и сразу попробовала кусочек.

Тара наблюдала за ней.

— Ну?

Виктория прожевала.

— Ладно. Второй был оправдан.

— Спасибо.

София усмехнулась.

— Продолжайте. Теперь я спокойна.

Тара улыbnулась и снова посмотрела на Викторию.

— А внутри ты что хочешь?

— Не знаю.

— Совсем?

— Ящики. Наверное. Какие-нибудь отделения. Чтобы было интересно открывать.

Тара медленно кивнула.

Секретеры она никогда не делала.

И именно поэтому идея нравилась ей всё больше.

— Мне надо посмотреть, как они вообще устроены.

— Это значит «нет»?

— Нет. Это значит, что я никогда такого не делала.

Виктория чуть приподняла брови.

Тара улыбнулась.

— Но хочу попробовать.

Следующие две недели Тара изучала секретеры.

До разговора с Викторией она знала о них примерно столько же, сколько большинство людей: высокая штука с откидной крышкой, за которой почему-то всегда много маленьких ящичков. Оказалось, всё было гораздо хуже.

И гораздо интереснее.

На третий день Тара уже различала несколько типов. На пятый перестала удивляться тому, что два похожих снаружи секретера внутри могли быть устроены совершенно по-разному. К концу первой недели она могла минут десять разглядывать одну фотографию, пытаясь понять, как именно открывается крышка, на чём она держится и куда при этом дается опора.

Она смотрела старые секретеры и современные.

77 / 1064

Отреставрированные и разобранные на части. Находила фотографии до реставрации, после и в процессе, когда красивой мебели на снимке ещё не было — отдельно лежали крышка, ящички, петли и куски дерева.

Некоторые фотографии она увеличивала до тех пор, пока изображение не распадалось на квадратики.

Потом искала другую фотографию того же места.

Иногда находила.

Чаще нет.

Тогда рядом появлялся вопросительный знак.

На второй неделе фотографий ей стало мало.

Тара объехала несколько антикварных лавок.

В первой ей попался небольшой секретер из тёмного дерева. Она открыла его, закрыла, снова открыла, выдвинула по очереди все ящики, присела перед ним на корточки и заглянула снизу. Потом достала из сумки блокнот.

Продавец оживился.

Следующие двадцать минут он держался неподалёку, терпеливо ожидая, пока Тара закончит осмотр и наконец спросит о цене. Тара записала что-то, ещё раз проверила, как закрывается крышка, поблагодарила его и ушла.

Во второй лавке продавец оказался осторожнее.

— Вы ищете что-то определённое?

— Пока пытаюсь понять, что именно.

Он посмотрел на блокнот у неё в руке.

— Для покупки?

Тара задумалась.

— Не совсем.

Объяснять дальше она не стала.

К концу второй недели фотографии секретеров были в телефоне, ноутбуке и на распечатанных листах по всему дому.

Тара рисовала их как умела.

Не чертежи.

Квадратики. Прямоугольники. Стрелки. Размеры, которые сама же через день перечёркивала. Отдельные детали, увиденные в магазине. Иногда вид сбоку, который через несколько часов уже сама не могла расшифровать.

На кухонном столе лежали три листа.

Один постепенно уехал под сахарницу.

В ванной на стиральной машине лежала распечатанная фотография.

78 / 1064

В туалете на подоконнике — блокнот.

Ещё один лист Тара утром обнаружила под подушкой. Минуты две рассматривала собственный рисунок.

Так и не поняла, что означала стрелка.

Ещё в кафе она предупредила Викторию:

— Я даже не представляю, сколько деталей испорчу, пока пойму, как это сделать.

— Испортишь — посчитаешь.

Тара посмотрела на неё.

— Это может получиться дорого.

— Я понимаю.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Виктория пожала плечами.

— Я хочу, чтобы его сделала ты.

Основные детали будущего секретера занимали почти весь большой верстак.

Пока ещё они мало напоминали мебель.

Две боковины. Верх. Низ. Задняя стенка стояла рядом, прислонённая к стене. Отдельно лежала будущая откидная крышка.

Тара уже несколько раз складывала всё вместе насухо. Не собирала.

Просто ставила детали так, как они должны были стоять, придерживала одну коленом, другую рукой, подпирала палкой, отходила, возвращалась, снова что-нибудь двигала.

Теперь она стояла напротив верстака, скрестив руки на груди. Размеры были правильными.

По крайней мере, на этот раз.

Пропорции ей нравились.

Дерево тоже. Тёмное, с красивым спокойным рисунком. После масла оно станет ещё глубже.

Всё было хорошо.

И именно это Тару раздражало.

Она смотрела на будущий секретер и видела примерно то же самое, что видела на десятках фотографий и в антикварных лавках.

Красивый.

Добротный.

Правильный.

79 / 1064

Чужой.

Тара поджала губы.

Нет.

Если уж она взялась делать вещь, которой никогда раньше не делала, потратила две недели только на то, чтобы понять, как эта штука вообще устроена, и уже успела испортить достаточно дерева, чтобы перестать считать отдельные куски, то заканчивать всё двумя аккуратными рядами ящиков было как-то обидно. Она подтянула к себе табурет.

Села.

Взяла карандаш.

Два ряда ящиков исчезли первыми.

Тара перечеркнула их.

Нарисовала снова.

Посмотрела.

Перечеркнула.

Если один сделать выше?

Она попробовала.

Получилось криво.

Не в смысле плохо нарисовано — плохо нарисовано было всё. К этому Тара давно привыкла.

Криво выглядела сама идея.

Она стёрла половину и подняла центральную часть.

Так.

Уже лучше.

Но теперь наверху образовалось место, до которого за-чем-то хотелось добраться.

Тара постучала карандашом по столу.

Можно было просто сделать ещё один ящик.

Она нарисовала его.

Посмотрела.

Перечеркнула.

— Господи, как скучно.

Карандаш снова замер над бумагой.

А если не ящик?

Тара нарисовала маленькую площадку.

Сама не зная зачем, добавила к ней три ступеньки.

Посмотрела.

А если ступеньки будут открываться?

Она провела сбоку линию.

Нет.

80 / 1064

Стерла.

А если не все?

Тара обвела среднюю.

Под ней вполне могло что-нибудь поместиться. Совсем маленькое. Она добавила ещё две ступеньки.

Потом рядом нарисовала ящик.

Обычный.

И почти сразу пририсовала за ним второй.

Меньше.

Так, чтобы первый пришлось вынуть, прежде чем вообще станет понятно, что за ним что-то есть.

Тара перестала постукивать карандашом.

А если таких мест будет несколько?

Не обязательно ящиков.

Что-нибудь должно сдвигаться. Что-нибудь открываться не туда, куда ожидаешь. Что-нибудь вообще не выглядеть открывающимся. Она быстро провела ещё несколько линий.

Одна полезла поверх другой.

Тара стёрла обе.

Нарисовала заново.

Теперь одна часть оказалась выше другой. Между ними снова понадобились ступеньки.

Она отодвинула лист.

Придвинула обратно.

— О.

Вот это уже было интересно.

ЭПИЗОД 16

К вечеру дом становился громче.

Не намного.

Просто наверху чаще открывались двери, по лестнице кто-нибудь спускался, на кухне появлялись стаканы, исчезала еда, снова открывался холодильник. Из комнаты одного из близнецов доносилась музыка — негромкая, но с басами, которые хорошо проходили через перекрытия. Где-то на втором этаже несколько секунд работала вода, потом хлопнула дверь ванной.

На кухне пахло мясом, чесноком и чем-то пряным.

Ужин был почти готов. Духовка тихо гудела, на плите под крышкой

81 / 1064

стояла большая кастрюля, а на столешнице возле мойки лежала доска с недорезанными овощами.

Лаура уехала в командировку три дня назад и должна была вернуться в пятницу.

Дом от этого почти не изменился.

Разве что её чашка второй день стояла на своей полке, а близнецы чуть чаще проверяли границы того, что отец считал допустимым. Пока безуспешно.

Один из них прошёл через кухню, открыл холодильник и несколько секунд молча смотрел внутрь.

— Закрой.

Томас даже не поднял головы.

Дверца холодильника закрылась.

— Я ничего не взял.

— Поэтому разговор короткий.

Мальчишка хмыкнул и ушёл обратно в коридор.

Через несколько секунд на лестнице слышались быстрые шаги. — Не бегай! — крикнул Томас.

Шаги сразу стали медленнее.

Потом снова ускорились, уже наверху.

Томас покачал головой.

Он сидел за дальним концом большого кухонного стола. Перед ним лежали ноутбук, телефон, несколько распечатан-

ных листов и карандаш. На экране была открыта схема, которую Максимилиан прислал ему утром. Томас уже успел дважды пройти её целиком и теперь вернулся к нижней части.

В одном месте ему не нравились цифры.

Он увеличил изображение.

Посмотрел на распечатку.

Снова на экран.

Поставил карандашом вопросительный знак.

Миа сидела рядом.

Для неё половина стола тоже была рабочей.

Четыре маленьких флакона лака стояли в ряд возле салфетки. Рядом лежали ватные диски, резинки для волос, расчёска и целая горсть разноцветных заколок.

Чашку Томаса она отодвинула подальше ещё десять минут назад. Сам Томас этому почти не сопротивлялся.

Левую руку он держал на столе, растопырив пальцы.

На двух ногтях уже высыхал лак.

В волосах над ухом держалась розовая заколка. Ещё две Миа

82 / 1064

прицепила ближе к затылку, и одну сейчас вертела в пальцах, решая, куда поставить.

Томас продолжал читать.

Миа примерила заколку справа.

Передумала.

Переставила влево.

Томас перевернул страницу.

— Не двигайся.

— Я не двигаюсь.

— Ты двигаешь головой.

— Мне нужно читать.

— Читай глазами.

Томас на секунду оторвался от бумаг и посмотрел на дочь.

Миа совершенно серьёзно смотрела на него в ответ.

— Хорошо.

Он опустил глаза к распечатке.

И следующие несколько секунд действительно двигал только глазами.

Из коридора донеслись голоса.

Близнецы вошли на кухню вместе.

Николас сразу направился к холодильнику, а Алекс подошёл к столу и остановился рядом с Миа.

Посмотрел на её работу.

Потом на отца.

— Красиво.

Миа просияла.

— Спасибо.

— Я не тебе.

Томас поднял глаза от распечатки.

— Очень смешно.

Алекс пожал плечами.

— Мне нравится.

— Мне тоже, — отозвался Николас, уже открывая холодильник. — Закрой дверь.

— Я выбираю.

Томас посмотрел на часы.

— Ужин через двадцать минут.

— Я не доживу.

— Мы будем помнить тебя молодым.

Николас выглянул из-за дверцы.

— Можно хотя бы сыр?

83 / 1064

— Можно.

— А мне? — спросил Алекс.

— Тебе тоже.

— Я не хочу.

Томас снова опустил взгляд к распечатке.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Алекс пожал плечами.

— Проверял, любишь ли ты нас одинаково.

Томас посмотрел на него.

— Результат?

— Пока недостаточно данных.

— Продолжай исследование.

Алекс усмехнулся и отошёл к кухонному острову.

Из духовки донёсся короткий щелчок. На плите под крышкой что-то тихо булькнуло.

Миа тем временем взяла Томаса за большой палец.

— Не двигай.

Томас посмотрел на неё.

— Я не двигаюсь.

— Уже двигаешь.

Он замер.

Миа аккуратно провела кисточкой по ногтю.

Томас снова посмотрел на распечатку.

В кухне пахло чесноком и запечённым мясом. Наверху хлопнула дверь, потом кто-то что-то крикнул близнецам из коридора. Николас вернулся от холодильника с куском сыра.

Томас даже не поднял головы.

— Я всё видел.

— Я знаю.

— Тогда почему взял?

— Потому что ты разрешил.

Томас на секунду задумался.

— Логично.

Миа тихо рассмеялась.

Томас посмотрел на неё.

— Только не смейся. У меня работа.

— Очень заметно, — сказал Алекс.

Томас поднял глаза.

Алекс уже сидел на высоком стуле у острова. Николас отрезал от сыра ещё кусок.

— Один, — сказал Томас.

Николас посмотрел на кусок в руке.

Потом на тот, который только что отрезал.

Положил второй обратно.

Алекс усмехнулся.

Миа отпустила руку Томаса.

— Пять минут не трогай.

Томас посмотрел на часы.

— У тебя три.

Миа нахмурилась, но спорить не стала.

Алекс показал Николасу средний палец.

Николас посмотрел на него, потом на заколки в волосах Томаса. — Вейлу понравится.

Томас перевернул страницу.

— Не сомневаюсь.

Через несколько минут у дома остановилась машина. Первым её услышал Николас.

Он посмотрел в сторону окна.

— Приехал.

Томас закрыл ноутбук, но не убрал его со стола.

— Открой.

Николас доел сыр и вышел в коридор.

Миа тем временем внимательно осматривала результат своей работы.

— Всё.

— Точно?

— Да.

Томас поднялся из-за стола.

На четырёх ногтях левой руки высохал лак разных цветов.

В волосах осталось несколько заколок.

Снимать их он не стал.

Из прихожей донёсся голос Николаса:

— Привет.

— Привет.

— Папа на кухне.

— Я знаю.

Через несколько секунд Максимилиан появился в дверях.

Пальто он уже снял и нёс через руку. В другой держал тонкую папку.

— Привет.

— Привет.

Максимилиан прошёл в кухню.

85 / 1064

Поздоровался с Алексом, коротко коснулся ладонью плеча Николаса, который вернулся следом, и посмотрел на Миа.

— Привет.

— Привет.

Она улыбнулась ему и снова повернулась к столу, собирая лаки. Максимилиан положил папку рядом с ноутбуком Томаса. Только после этого посмотрел на него.

Сначала на руку.

Ногти были разного цвета. На одном Миа добавила блёстки.

Взгляд поднялся выше.

Розовая заколка над ухом.

Ещё две в волосах.

Томас спокойно смотрел на него.

Максимилиан снова перевёл взгляд на ногти.

— Цвет сам выбирал?

— Иди нахуй.

Алекс фыркнул.

После ужина они сидели в кабинете.

Папка Максимилиана лежала раскрытой между ними. Томас разложил рядом три листа, один развернул поперёк стола и придвинул настольную лампу ближе.

Заколок в волосах уже не было.

Он провёл карандашом по схеме.

— Вот здесь.

Максимилиан наклонился ближе.

— Что?

— Они считают плиту отдельно.

— Потому что она отдельная.

— Конструктивно — да. По грунту — нет.

Томас развернул к себе второй лист.

— У тебя здесь двадцать восемь тонн самого агрегата. —
Двадцать восемь и четыре.

— Плюс рама.

— Три восемьсот.

— Плюс рабочая нагрузка.

— До четырёх с половиной.

Томас быстро записал цифры на полях.

— И вибрация.

— Незначительная.

Карандаш остановился.

86 / 1064

Томас поднял глаза.

— Для твоего агрегата?

— Да.

— Для грунта?

Максимилиан помолчал.

— Поэтому я здесь.

— Вот теперь разговор становится разумным.

Томас снова посмотрел на схему.

Несколько секунд считал, потом провёл карандашом новую линию за границей плиты.

— Я бы расширил основание.

Максимилиан посмотрел на линию.

— Насколько?

— Восемьсот по длинной стороне. По четыреста с торцов.

— Глубина?

— Метр двадцать.

— Они дают девяносто.

— Я вижу.

Томас постучал карандашом по цифре в расчёте.

— На статике девяносто проходит. С твоими тридцатью

шестью с лишним тоннами и постоянным циклом я бы не оставлял. Максимилиан придвинул к себе расчёт.

— Метр десять?

— Метр двадцать.

— Ты любишь бетон.

— Я люблю, когда через три года мне не звонят и не спрашивают, почему плита пошла.

Максимилиан ещё раз посмотрел на схему.

— Деформационный шов оставляешь?

— Обязательно. Площадку от корпуса развязать полностью. — Здесь?

Максимилиан указал пальцем.

Томас посмотрел.

— Да. И дренаж отсюда убери. На полметра минимум. Максимилиан кивнул.

Томас написал две цифры на полях, обвёл их и подвинул лист через стол.

— Всё.

Максимилиан ещё несколько секунд изучал его пометки. — Хорошо.

Он забрал лист.

87 / 1064

Томас положил карандаш.

Вопрос был закрыт.

IV

ЭПИЗОД 17

Последней приехала Майя.

Тара уже стояла у открытого багажника Hummer. Сумки Эммы и Клэр лежали рядом с её собственной; Майя поставила свою четвёртой.

На сутки они собрались примерно одинаково: сменная одежда, бельё, косметика, купальники. Хотя в сообщении из спа отдельно было написано, что халаты, тапочки, полотенца и всё необходимое для процедур их ждёт на месте.

— Всё?

— Всё.

Тара захлопнула багажник.

Сегодня за рулём была Клэр.

Эмма села рядом с ней, Тара и Майя — сзади. Через минуту Hummer выехал со двора.

Утро только начиналось. Улицы ещё были почти пустыми, над садами стоял лёгкий прохладный воздух, а солнце только выбиралось из-за крыш. Деревья вдоль дороги казались темнее на фоне светлеющего неба.

— Ну что? — спросила Клэр.

Тара устроилась поудобнее и улыбнулась.

— Вези нас в красивую жизнь.

Эмма рассмеялась.

Майя опустила окно. В салон сразу ворвался свежий воздух, и Тара подставила ему лицо.

Они ехали быстро, насколько позволяла утренняя дорога. Впереди был целый день, и ждать уже никому не хотелось.

Чуть больше чем через час навигатор велел свернуть с шоссе.

88 / 1064

Клэр повернула, и дорога почти сразу ушла в лес.

— Уже? — Эмма выпрямилась.

— Шесть минут.

Майя подняла стекло.

Тара тоже села ровнее.

Все четыре устались вперёд с таким вниманием, будто через шесть минут им должны были показать как минимум море. Сначала появились каменные столбы и небольшая тёмная табличка. Потом лес расступился, между деревьями блеснула вода, и наконец показались невысокие корпуса из светлого камня, дерева и стекла.

Несколько секунд в машине было тихо.

— О-о-о, — протянула Эмма.

Тара улыбнулась.

— Да.

Клэр тоже уже улыбалась.

Место выглядело дорогим.

Не нарядно, не торжественно, не так, будто архитектору выдали бюджет и велели срочно показать весь бюджет на фасаде. Просто дорого.

Даже дорога здесь была какой-то особенно хорошей.

Тара посмотрела вниз.

— У них асфальт красивее, чем у меня кухня.

Майя рассмеялась.

— Тебе давно надо поменять кухню.

— Не порть мне день.

Клэр подвела Hummer ко входу.

Они ещё не успели толком выбраться, когда к машине подошли двое мужчин.

Один открыл багажник.

Второй уже снимал оттуда сумки.

Тара, оказавшаяся ближе всех, по привычке протянула руку к своей.

— Я возьму.

— Не беспокойтесь, госпожа Рид.

Сумка уехала.

Тара осталась с пустой рукой.

— Хорошо.

Она повернулась к остальным.

— Мне уже нравится.

Клэр захлопнула дверь.

89 / 1064

— Мы ещё даже не вошли.

— Именно. А я уже ничего не несу.

И они пошли внутрь.

Там их ждала женщина в светлом костюме.

Не встретила у стойки.

Ждала.

— Доброе утро, госпожа Морган. Госпожа Рид, госпожа

Беннет, госпожа Харт. Добро пожаловать.

Тара посмотрела на Эмму.

Эмма посмотрела на Тару.

И обе немедленно стали вести себя прилично.

По крайней мере секунд десять.

Их провели через холл.

Высокие окна. Светлый камень. Тёплое дерево. Где-то журчала вода. Пахло кедром, цитрусом и ещё чем-то настолько приятным, что Тара автоматически вдохнула второй раз.

— Что это? — спросила она.

Женщина обернулась.

— Аромат для нашей основной зоны. Кедр, бергамот и белый чай. Тара кивнула.

Вот, значит, чем пахла красивая жизнь.

Кедром, бергамотом и белым чаем.

У неё дома она обычно пахла кофе, деревом и иногда растворителем.

Тоже неплохо.

Но заметно дешевле.

— Сначала я провожу вас в апартаменты. Завтрак уже сервирован. Первая процедура начнётся через час, поэтому можете совершенно не спешить.

Тара едва не переспросила.

Совершенно не спешить.

Прекрасная процедура.

Можно было даже остальные отменить.

Они поднялись наверх.

Дверь открылась.

Клэр вошла первой.

Остальные за ней.

И остановились.

— Клэр, — выдохнула Майя.

Большая гостиная выходила окнами прямо на лес и воду.

Четыре спальни. Терраса. Огромный диван, кресла, дерево, камень, мягкий

90 / 1064

свет — всё именно такое, каким Тара сама никогда не умела сделать интерьер, потому что обязательно где-нибудь поставила бы кружку, бросила очки или притащила кусок доски посмотреть, как он будет выглядеть при дневном свете.

Сумки уже стояли возле спален.

Тара посмотрела на свою.

Сумка добралась раньше неё.

Она была впечатлена.

Но потом увидела стол.

— О.

Завтрак был огромный.

Не оздоровительный в том смысле, в каком это слово иногда означало две ягоды, семечко и чувство нравственного превосходства.

Нормальный человеческий завтрак.

Горячий хлеб. Яйца. Рыба. Сыры. Фрукты. Выпечка. Йогурты. Кофе. Чай. Соки.

И посередине, в ведёрке со льдом, стояло шампанское. Рядом — клубника.

Эмма посмотрела на часы.

Тара посмотрела на шампанское.

Майя тоже посмотрела на шампанское.

Клэр сняла пиджак.

— Даже не начинайте.

— Я никогда раньше не знала, что в девять утра мне нужно шампанское, — сказала Эмма.

Женщина рядом мягко произнесла:

— Если хотите, я могу открыть бутылку.

Четыре головы повернулись к ней.

— Хотим, — сказала Клэр.

Вот за это Тара её и любила.

Бутылку открыли.

Бокалы наполнили.

Тара взяла свой, попробовала и села в кресло.

Холодное шампанское.

Тёплый хлеб.

За окном лес.

Впереди сутки, в течение которых никто не собирался требовать от неё ничего полезного.

Она откусила клубнику.

— Клэр.

— Что?

— Ты очень хорошо работаешь.

Клэр рассмеялась.

— Я семь месяцев пахала как лошадь.

— Я знаю. Продолжай.

На этот раз рассмеялись все.

Женщина терпеливо дождалась, пока они успокоятся. —

Когда будете готовы, я расскажу о вашей программе. Клэр махнула рукой:

— Мы готовы.

— Сегодня для вас забронирован полный комплекс. Все процедуры, питание и напитки уже включены. Если захотите что-нибудь добавить или повторить, просто скажите. Тара перестала жевать.

— Повторить?

— Конечно.

— То есть если мне понравится массаж, я могу попросить ещё один?

— Если в расписании будет удобное окно — разумеется.

Тара посмотрела на подруг.

Это место становилось всё лучше.

— Шампанское тоже входит? — спросила Эмма.

— Да.

— И если закончится?

— Мы принесём ещё.

Возникла небольшая пауза.

Не тревожная.

Почтительная.

Тара медленно поставила бокал на стол.

— Клэр.

— Что?

— Я беру назад всё плохое, что когда-либо говорила о твоей работе.

Клэр подняла свой бокал.

— Ты никогда ничего плохого о ней не говорила.

Тара подумала.

— Тогда я была права с самого начала.

Завтракать они сели сразу.

И довольно быстро выяснилось, что приехать голодными было правильным решением.

Хлеб ещё был тёплым. Яйца приготовили четырьмя разными

92 / 1064

способами. Кофе принесли именно такой, какой каждая указала при бронировании, хотя ни одна уже не помнила, что вообще что-то указывала.

Тара обнаружила перед собой омлет с сыром и зеленью, посмотрела на него и окончательно перестала интересоваться организационной стороной происходящего.

Пусть люди работают.

У них прекрасно получалось.

К середине завтрака первое шампанское приятно разошлось по телу. Эмма сидела босиком, подобрав под себя одну ногу. Майя унесла кофе на террасу и вернулась оттуда с совершенно счастливым лицом. Клэр ела горячий хлеб с маслом и выглядела человеком, которому впервые за несколько месяцев никто не собирался звонить со словами: «У нас небольшое изменение». Её телефон лежал экраном вниз на краю стола.

Не звонил.

И даже если бы позвонил, Тара была почти уверена, что сегодня они бы его утопили.

После завтрака пришли за ними.

Им выдали мягкие халаты, тапочки и провели в раздевалки, хотя переодеваться там было практически не во что: купальник, халат — и всё.

Тара затянула пояс и посмотрела на себя в зеркало.

Рядом стояли Эмма, Майя и Клэр в таких же халатах.

— Ну всё, — сказала она. — Мы готовы быть богатыми. Эмма засмеялась.

В небольшой зоне отдыха их уже ждала та же женщина, которая встречала их утром.

— Если вы готовы, я коротко расскажу, как пройдёт ваш день. Они расселись на диванах.

Женщина открыла папку.

— Начнём с ухода за лицом и массажа головы. Затем общий массаж тела, отдельно стопы и кисти. После — хаммам

и пилинг. Перед обедом у вас соляная комната. После обеда — шоколадное обёртывание, кедровая фитобочка, массаж горячими камнями и вечерний уход за лицом.

Тара слушала.

Женщина перевернула страницу.

Оказалось, это ещё не всё.

— Между процедурами вы можете пользоваться бассейном, сауной, парной и зонами отдыха. Если захотите изменить

93 / 1064

последовательность, добавить или повторить какую-либо процедуру, просто скажите. Всё уже включено в вашу программу. Тара подняла руку.

Женщина посмотрела на неё.

— Да, госпожа Рид?

— Я просто уточню. А есть сегодня часть тела, которой никто заниматься не будет?

Майя засмеялась.

Женщина на секунду задумалась.

Совершенно серьёзно.

— Пожалуй, нет.

Тара посмотрела на подруг.

— Даже левый мизинец правой ноги?

— При массаже стоп мы прорабатываем каждый палец.

Возникла пауза.

Тара медленно кивнула.

— Хорошо.

Эмма уже смеялась.

— Что хорошо?

— Я просто хотела понимать масштаб.

Клэр откинулась на спинку дивана.

— Я сказала, чтобы было всё.

Тара посмотрела на неё.

— Они тебя поняли буквально.

— Я на это рассчитывала.

Первая часть программы называлась как-то очень красиво и длинно.

Тара забыла название ещё до того, как легла.

Сначала было лицо.

Тёплое полотенце.

Что-то прохладное.

Что-то тёплое.

Что-то мягко пахнущее травами.

Лёгкий массаж пальцами вдоль скул, висков, лба.

Через несколько минут Тара закрыла глаза.

Ещё через несколько перестала пытаться понять, что именно с ней делают.

Какая разница.

Хорошо делают.

Очень хорошо.

После лица их напоили водой с лимоном и отвели дальше.

Там начался массаж.

Четыре стола стояли в одном большом помещении, разделённом лёгкими перегородками. Свет был приглушён, где-то тихо текла вода.

Женщина, которая подошла к Таре, была маленькой. Невысокой, тонкой, с узкими запястьями и спокойным лицом.

Килограммов пятьдесят, решила Тара. Может, пятьдесят два. Она посмотрела на Тару и мягко спросила:

— Давление среднее или сильное?

— Среднее.

Тара легла на живот, устроила лицо в отверстии и закрыла глаза. Первые несколько движений были осторожными.

Потом маленькая женщина положила ладони ей на спину. И Тара узнала о ней кое-что новое.

Этим руками можно было разбирать бетонные стены. Возможно, без инструмента.

Тара открыла глаза.

Перед глазами был пол.

Больше ничего.

— Всё хорошо? — тихо спросили сверху тем же нежным голосом. — Да.

Ладони снова прошлись вдоль спины.

Тара немного подумала.

— Чуть слабее, пожалуйста.

Давление немедленно уменьшилось.

— Так комфортно?

Тара выдохнула.

— Вот теперь я вас люблю.

Где-то справа Эмма тихо засмеялась.

— Девушки, — предупредила Майя.

— Я молчу.

Тара закрыла глаза.

Через некоторое время мышцы действительно начали от-
пускать. Плечи.

Спина.

Поясница.

Ноги.

Тара чувствовала, как тело постепенно становится тяже-
лее, а мысли — короче.

Сначала она ещё думала о том, что неплохо бы запомнить
какие-нибудь движения и потом попробовать самой.

95 / 1064

Потом поняла, что это глупость.

Потом перестала думать вообще.

Тишина длилась довольно долго.

А потом Эмма спросила:

— Тара.

— М-м?

— Ты спишь?

— Нет.

— Тогда почему храпишь?

Тара не открыла глаз.

— Я расслабляюсь.

Майя издала какой-то странный звук в полотенце.

Клэр начала смеяться.

Тара тоже.

— Не смешите меня. У меня лицо застряло.

— Оно не застряло, — сказала Майя.

— Ты не видишь.

— Я врач.

— Детский хирург.

— Лица у детей тоже есть.

После этого специалистам пришлось попросить их не разговаривать.

Они честно согласились.

Хватило минут на семь.

— Эмма.

— Что?

— У тебя слюна течёт?

Наступила тишина.

— Тара.

— Всё. Молчу.

И действительно замолчала.

Потому что через несколько минут уже не хотелось даже разговаривать.

После массажа их не подняли сразу.

Дали полежать.

Тара лежала.

Это оказалось отдельным удовольствием.

Никто не говорил: всё, закончили, вставайте, следующий.

Просто оставили её в тепле ещё на несколько минут.

Когда наконец пришлось сесть, она некоторое время смотрела на собственные ноги.

96 / 1064

— Они работают? — спросила Эмма.

Тара осторожно встала.

— Пока да.

Клэр вышла из-за перегородки последней.

Волосы были собраны кое-как, лицо совершенно расслабилось. Тара посмотрела на неё.

— Как ты?

Клэр медленно выдохнула.

— Я не помню фамилию клиента.

Эмма прыснула.

— Отлично. Значит, помогает.

Дальше были ступни.

И вот здесь Тара обнаружила, что шутка про мизинец была не такой уж шуткой.

Каждый палец действительно получил внимание.

Она лежала в кресле, смотрела, как совершенно серьёзный человек массирует ей левый мизинец правой ноги, и испытывала почти религиозное чувство.

— Девочки.

Три головы лениво повернулись к ней.

Тара указала глазами вниз.

— Он дошёл до мизинца.

Майя закрыла глаза.

— Всё включено.

— Всё, — счастливо повторила Тара.

К обеду они уже перестали спрашивать, куда их ведут дальше. За ними приходили.

Они вставали.

Шли.

Ложились.

Садились.

И позволяли делать с собой всё, что было предусмотрено программой.

Тара очень быстро обнаружила, что это прекрасный способ жить. После массажа были хаммам, пилинг и соляная комната. В хаммаме влажный жар стоял над светлым камнем, вода тонкими струйками стекала по стенам, а в воздухе пахло эвкалиптом. После него прохладный душ казался почти ледяным, хотя вода была всего лишь прохладной.

В соляной комнате было наоборот — сухо и свежо. Свет проходил сквозь крупные кристаллы в стенах, кресла были откинута почти

97 / 1064

горизонтально, а за дверью не слышалось ничего.

К обеду все четверо проголодались.

Стол накрыли на террасе апартаментов. Солнце уже поднялось над деревьями, вода за ними блестела между стволами, на деревянном настиле лежали полосы света.

Обед оказался таким же, как всё здесь.

Не огромным.

Не демонстративным.

Просто очень хорошим.

Рыба, мясо, овощи, салаты, ещё тёплый хлеб. Белое вино в ведёрке со льдом, вода с лимоном и мятой. Десерты принесли отдельно. Тара посмотрела на свой.

Потом на Майю.

— Я хотела похудеть.

— Я помню.

Тара взяла ложку.

— Завтра.

На этом вопрос был закрыт.

После обеда кофе оставили им на террасе.

Они пересели ближе к стеклянному ограждению. Эмма первой достала сигареты, и через несколько минут на столике рядом с кофейными чашками появилась небольшая пепельница. Тара закурила и откинулась в кресле.

Сигаретный дым медленно уходил вверх и почти сразу растворялся в тёплом воздухе. Внизу между деревьями блестела вода. Иногда с другой стороны озера доносился какой-то далёкий звук и снова становилось тихо.

Разговаривали они теперь лениво, с длинными паузами.

Клэр сидела босиком, поджав ноги. Майя держала чашку обеими руками. Эмма курила, глядя куда-то поверх стеклянного ограждения.

Почти час прошёл незаметно.

Потом за ними пришли снова.

После обеда по программе было шоколадное обёртывание. Комната оказалась небольшой и тёплой, с приглушённым светом. Смесь тоже была тёплой и пахла настолько точно шоколадом, что Тара открыла глаза, когда её начали наносить на плечи. — Это точно не едят?

Женщина улыбнулась.

— Лучше не надо.

Тара снова закрыла глаза.

98 / 1064

Жаль.

Через несколько минут их завернули в плотные тёплые покрывала. Запах шоколада остался совсем близко, музыка играла едва слышно, и даже Эмма почему-то молчала.

После душа Тара провела ладонью по предплечью.

Потом ещё раз.

Кожа была невероятно мягкой.

Она показала руку Эмме.

Та потрогала.

— О.

Тара кивнула.

Именно.

Следующая комната пахла кедром.

В ней стояли четыре большие деревянные бочки.

На второй клубнике Тара окончательно перестала понимать, почему раньше считала подобный способ проводить время бессмысленным.

Ей поднесли ягоду на маленькой белой тарелке. Она послушно открыла рот, откусила половину и, жуя, посмотрела на Эмму. Та сидела в соседней бочке с совершенно невозмутимым лицом. Из массивной кедровой конструкции торчала только её голова, волосы были собраны наверх, к губам подходила прозрачная трубка с шампанским.

Кедр пах тёплой древесиной и чем-то терпким, почти смолистым. Вода вокруг тела держала ровное, мягкое тепло, не обжигая и не требуя ни привыкания, ни усилий. Пар лениво поднимался над бочками и растворял очертания комнаты, а снаружи доносился только приглушённый шум воды.

Здесь вообще всё происходило тихо.

Никто не торопился. Никто не спрашивал лишнего. Никто не предлагал ей самой решить, что делать дальше.

— Ты понимаешь, как мы сейчас выглядим?

Эмма потянула шампанское через трубку.

— Как женщины, которые сделали правильный выбор в жизни. Клэр фыркнула.

— Мы сидим голые в деревянных бочках, пьём из трубочек, потому что у нас нет рук, и нас кормят.

— Именно, — сказала Эмма. — Вершина цивилизации.

Майя повернула голову к сотруднице, стоявшей возле неё с тарелкой.

— Мне ещё одну, пожалуйста.

99 / 1064

— Тебе только что дали.

— Клэр, не вмешивайся в мои отношения с этой женщиной. Сотрудница улыбнулась и поднесла ей клубнику.

Майя съела её целиком.

— Вот. Видите? Никаких конфликтов. Никаких требований. Никаких вопросов. Она понимает меня лучше всех вас.

— Потому что ей платят, — заметила Клэр.

— Тем более. Честные отношения.

Тара засмеялась и тут же пожалела об этом: тело внутри бочки отозвалось странным ощущением, будто она одновременно была совершенно расслаблена и сварена до состояния супа. Она снова потянула шампанское.

Холодное.

Это было особенно прекрасно.

Внутри — горячий пар, кожа уже разогрелась так, что прохладный воздух на лице ощущался почти отдельным удовольствием, а во рту — холодное сухое шампанское.

Пузырьки исчезали на языке, оставляя после себя лёгкую терпкость. Тара прикрыла глаза на секунду дольше, чем собиралась.

Всё вокруг было рассчитано на то, чтобы человек перестал замечать даже собственное тело.

Мягкая вода держала его, дерево не давало ни единой жёсткой грани, полотенце, которое пока лежало рядом, выглядело таким толстым, будто им можно было укрыться целиком. Где-то совсем близко тихо работала вентиляция, забирая лишний пар. Даже свет был каким-то неправильным — тёплым, рассеянным, без единого резкого пятна.

Тара открыла глаза.

— Я понимаю богатых, — сказала она.

Клэр повернула к ней голову.

— Наконец-то.

— Нет, правда. Раньше я думала: ну сколько человеку вообще нужно? Дом, машина, отпуск иногда. Всё остальное уже просто деньги девать некуда.

— И?

Тара посмотрела на трубку.

Потом на сотрудницу с клубникой.

Потом снова на трубку.

— Я была неправа.

Майя торжественно кивнула.

100 / 1064

— Семь часов.

— Что?

— Семь часов понадобилось, чтобы развратить Тару Рид.

— Меня никто не развратил.

— Тебя кормят клубникой, и тебя это совершенно устраивает. Тара задумалась.

— Да.

Сотрудница подошла проверить температуру воды. Её рука на секунду появилась в облаке пара, прибор тихо пискнул, и женщина так же бесшумно убрала его. Что-то тихо спросила, Тара ответила, что всё прекрасно, и снова устроила подборонок удобнее. Ей действительно было прекрасно.

Не «полезно». Не «надо иногда позволять себе отдыхать». Не то взрослое, правильное удовольствие, которое почему-то всегда требовало предварительного оправдания.

Просто прекрасно. И ничего не надо.

Даже бокал держать не надо.

Особенно бокал.

— А можно домой такую? — спросила она.

— Бочку? — уточнила Клэр.

— Систему.

— Какую систему?

Тара слегка пошевелила головой в сторону сотрудницы с клубникой.

— Всю.

Майя прыснула.

— Вот теперь, — сказала Клэр, — капитализм победил окончательно.

Когда отведённое время закончилось, Тара обнаружила единственный серьёзный недостаток процедуры: из бочки всё-таки приходилось выходить.

И даже это здесь умудрялись сделать без малейшего

неудобства. Шампанское убрали, крышки сняли, рядом уже ждали расправленные тёплые полотенца и халаты. Полотенца были тяжёлыми, мягкими и настолько тёплыми, что Тара на секунду задержала на них руки, прежде чем позволила завернуть себя. Всё происходило с той же спокойной незаметностью, с какой здесь весь день появлялось именно то, что требовалось, за несколько секунд до того, как ты успеваешь понять, что оно тебе требуется. Тёплое полотенце забирало с кожи влагу, не растирая её. Халат оказался мягким внутри и неожиданно тяжёлым — таким, который

101 / 1064

не хотелось снимать сразу после того, как надел.

После долгого жара ноги казались непривычно прохладными, кожа — слишком чувствительной даже к воздуху. Тара сунула ноги в мягкие тапочки и несколько секунд просто стояла, привыкая к вертикальному положению.

Пол под ногами тоже оказался тёплым.

Разумеется.

Она посмотрела вниз.

Конечно.

Рядом таким же образом извлекали из кедрового плена остальных. Майя затянула пояс халата и посмотрела на бочки с явным сожалением.

Эмма уже забирала со столика свежий бокал шампанского. Тара посмотрела на неё.

Потом на бокал.

Потом на сотрудицу, которая тут же протянула ей второй. — Нет, — сказала она. — Я определённо понимаю богатых.

ЭПИЗОД 18

Гостиная была большой.

Сегодня это почти не помогало.

Тридцать семь архивных коробок заняли стену от окна до двери. Остальные постепенно перебирались к обеденному столу, на пол, к креслам — туда, где ещё оставалось свободное место. Их перетаскивали по одной, открывали, разбирали, складывали обратно. Пустые Дениэл сначала аккуратно ставил у стены. После шестой перестал. Теперь они просто лежали друг на друге, сдвинутые ногой, чтобы не мешали проходить.

К половине одиннадцатого в комнате уже почти не осталось ничего от той безупречной неподвижности, ради которой Максимилиан когда-то покупал этот дом.

Серый картон. Белые архивные наклейки. Чёрные номера, местами стёртые от времени. Раскрытые папки на полу. Листы, которые сначала раскладывали ровными стопками, а потом начали складывать просто туда, где было место. Свёрнутые чертежи лежали на двух стульях. Несколько папок раскрылись сами, их края загнулись, бумага пошла мягкими волнами от многолетнего хранения.

На столе бумаги лежали в несколько слоёв. Между ними — два

ноутбука, телефоны, описи, карандаши, ластик, нож для вскрытия коробок и четыре чашки кофе.

Две давно остыли.

Третья осталась недопитой.

Четвёртую Дениэл налил минут десять назад и уже не помнил зачем.

В комнате почти не разговаривали.

Иногда шелестела бумага.

Иногда сухо щёлкала крышка коробки.

Иногда Максимилиан произносил номер, и Дениэл отвечал тем же номером из другого конца комнаты.

За высокими окнами стоял тихий день. Солнце медленно перемещалось по стеклу, светлая полоса на полу успела сдвинуться уже на несколько метров. За окном двигались ветви деревьев, а внутри воздух казался неподвижным.

Пахло картоном, старой бумагой и кофе.

Дениэл провёл ладонью по лицу, оставив на щеке едва заметный серый след от пыли.

Посмотрел на часы.

Без двадцати одиннадцать.

Они начали в восемь.

За это время успели полностью разобрать семь коробок и открыть восьмую.

Семь коробок.

Тысячи страниц.

Договоры, приложения, счета, старые планы, переписка, акты, копии документов, которые давно перестали что-либо значить. Нужного документа не было.

По крайней мере, пока.

Дениэл снова посмотрел на стену.

Оставалось двадцать девять коробок.

Он на секунду прикрыл глаза.

Потом взял следующую.

Следующая была легче.

Дениэл поставил её перед собой, сорвал старую полосу скотча и поднял крышку.

Сухой картон тихо хрустнул.

Сверху лежала опись.

Он пробежал глазами первую страницу, перевернул. Вторую просмотрел медленнее. Ничего.

Отложил лист и начал вытаскивать папки.

103 / 1064

Они выходили одна за другой — тяжёлые, серые, с одинаковыми белыми наклейками на корешках. Некоторые легко. Некоторые застревали, цепляясь углами за соседние. Одна пошла так туго, что Дениэлу пришлось просунуть пальцы глубже и потянуть обеими руками.

Напротив Максимилиан продолжал читать.

Дениэл видел его поверх открытой коробки — то целиком, то отдельными фрагментами между стопками бумаг.

За утро Максимилиан успел превратить один конец стола

в территорию, понятную только ему. Папки лежали одна на другой без всякого видимого порядка, между ними торчали отдельные листы, один развёрнутый чертёж свисал почти до пола. Несколько раз Дениэл собирался что-нибудь убрать.

Каждый раз передумывал.

Он знал эту систему.

Вернее, знал, что система там была.

Максимилиан мог через час протянуть руку под третью папку, вытащить оттуда лист, который видел один раз, и положить рядом с документом из другой коробки. Мог вернуться на двадцать страниц назад, потому что новая цифра заставила вспомнить старую. Мог долго смотреть на какой-нибудь акт, ничего не делать, а потом спросить, где приложение к нему.

И почти всегда помнил, куда положил нужное.

Дениэл давно перестал пытаться понять, как именно он это запоминает.

По всей видимости, запоминает всё, что считает нужным. Максимилиан перевернул страницу.

Медленно.

Дениэл снова посмотрел на него.

Обычно ненужному документу тот давал несколько секунд. Заголовок.

Дата.

Объект.

Подписи.

Если ничего не совпадало — дальше.

Сейчас Максимилиан вернулся к предыдущему листу.

Прочитал его ещё раз.

Большим пальцем придержал страницу на краю.

Потом закрыл папку и отложил её.

Не то.

104 / 1064

Дениэл опустил глаза.

За годы рядом с ним он научился замечать такие вещи.

Другой человек на месте Максимилиана давно бы начал проявлять нетерпение. Кто-нибудь заговорил бы громче, посту-
чал пальцами по столу, спросил, сколько осталось, попросил
принести ещё кофе. Максимилиан делал наоборот.

Чем сильнее его что-то раздражало, тем спокойнее стано-
вились его движения.

Сейчас они почти исчезли.

Он брал папку.

Открывал.

Читал.

Закрывал.

Следующую.

В этом была одна из причин, по которой с ним было легко
работать.

Не легче.

Именно проще.

Дениэлу почти никогда не приходилось угадывать, чего он

хочет. Максимилиан не любил намёков и не пользовался ими сам. Если результат должен был быть к четырём, он говорил «к четырём». Если документ был плохим, не называл его «требующим дополнительной проработки». Если человек не справлялся, тот обычно узнавал об этом раньше, чем отдел кадров.

Максимилиан вообще редко тратил слова там, где хватало одного. И редко повторял просьбу.

Не потому, что рассчитывал на телепатию.

Просто считал, что с первого раза его должны были услышать. Телефон завибрировал возле его локтя.

Максимилиан взглянул на экран и перевернул его лицом вниз. Дениэл продолжил разбирать коробку.

Телефон завибрировал ещё раз.

Никакой реакции.

Через минуту — снова.

Дениэл посмотрел на экран со своего места.

Имя ему было знакомо.

— Штайн третий раз.

— Я вижу.

— Перенести?

— Он уже перенесён.

Дениэл посмотрел на телефон.

105 / 1064

Потом на Максимилиана.

— Видимо, не согласен.

— Это ничего не меняет.

Дениэл взял свой телефон, написал короткое сообщение и отправил.

Через несколько секунд аппарат Максимилиана перестал вибрировать.

Максимилиан даже не посмотрел.

Только перевернул следующую страницу.

Дениэл вернулся к коробке.

Так было проще.

Максимилиан мог быть неприятным начальником.

Мог быть слишком требовательным.

Мог довести человека до состояния, когда тот начинал проверять собственную работу уже не потому, что боялся ошибки, а потому, что боялся, что Максимилиан найдёт её раньше.

Но в одном он был последователен.

Он требовал от других ровно того же, что требовал от себя. Дениэл видел это слишком часто, чтобы считать совпадением. Если что-то не получалось, Максимилиан не принимал объяснение просто потому, что оно звучало убедительно.

Не получается — почему?

Нет возможности — какой именно?

Нельзя — кто запретил?

Не успеваем — что нужно, чтобы успеть?

Вопросы возникали один за другим, пока в цепочке не

оставалось места для удобных формулировок.

Иногда решение действительно находилось.

Иногда его находили только потому, что Максимилиан отказывался принять первый ответ.

Иногда цена становилась такой, что любой нормальный человек давно предпочёл бы остановиться.

Максимилиан останавливался тоже.

Но только когда считал цену сам.

Чужого «это слишком сложно» для этого было недостаточно. Дениэл поднял глаза на стену коробок.

Тридцать семь.

Архив уже искал.

Технический отдел искал.

Люди, которым это полагалось по должности, искали.

106 / 1064

После нескольких дней поисков они прислали объяснение, почему нужного документа, вероятнее всего, в сохранившейся документации нет.

Объяснение занимало почти страницу.

Максимилиан прочитал его один раз.

Потом спросил, где сама документация.

К вечеру стало понятно, что вопрос он задавал буквально.

Утром документация стояла в гостинной.

Дениэл тогда ещё посмотрел на коробки и подумал, что страница объяснений, возможно, всё-таки была дешевле.

Теперь он был в этом уверен.

Но дело давно перестало касаться удобства.

Где-то среди старых актов, чертежей, приложений и переписки существовал ответ на вопрос, из-за которого два расчёта давали два разных результата.

И Максимилиан хотел не наиболее убедительную версию. Он хотел знать, что там было на самом деле.

Дениэл понимал почему.

В этом и заключалась неприятность.

Если бы всё происходящее было бессмысленной прихотью начальника, раздражаться было бы гораздо легче.

Дениэл вытащил следующую папку.

Слишком быстро.

Край картона зацепился за соседний, и сразу несколько тяжёлых папок накренились.

Он поймал их обеими руками.

Одна всё-таки выскользнула и с глухим хлопком упала на пол. Максимилиан поднял голову.

Дениэл посмотрел на него.

— Не она.

Максимилиан несколько секунд молчал.

— Я ещё ничего не сказал.

— Я экономя время.

Взгляд задержался на нём ещё секунду.

Потом Максимилиан снова опустил голову.

Дениэл поднял папку.

На губах почти появилась улыбка.

Почти.

Он стряхнул с обложки пыль и открыл её.

Первая страница.

Вторая.

107 / 1064

Третья.

Четвёртая.

Глаза уже скользили по строчкам почти автоматически.

Через несколько страниц улыбка исчезла сама.

Дениэл остановился.

Прочитал заголовок ещё раз.

Потом дату.

Перевернул страницу.

Там была схема.

Не та, которую они искали.

Но впервые за утро — достаточно близкая.

Он не позвал Максимилиана сразу.

Сначала проверил номер объекта.

Потом участок.

Потом год.

Пальцы задержались на нижней строке.

Совпало всё.

Дениэл поднял глаза.

Максимилиан всё ещё читал.

На лице ничего не изменилось.

Только рука на секунду остановилась над страницей. Де-

ниэл посмотрел на схему ещё раз.

— Кажется, здесь есть след.

На этот раз Максимилиан посмотрел сразу.

Максимилиан протянул руку.

Дениэл передал ему папку.

Тот не стал садиться. Остался стоять у края стола, наклонился над схемой и несколько секунд смотрел на неё молча.

Потом перевернул страницу.

Вернулся обратно.

— Где опись?

Дениэл нашёл отложенные листы и протянул ему.

Максимилиан просмотрел первую страницу, вторую, остановился на середине третьей.

— Вот.

Дениэл встал.

Строка была короткой.

Номер.

Дата.

Название документа.

И ещё один номер — приложения.

108 / 1064

На несколько секунд всё вокруг словно стало проще.

В комнате по-прежнему лежали раскрытые папки, коробки стояли вдоль стены, свет полз по полу между ними, но теперь среди всего этого беспорядка появилась конкретная точка.

Не документ.

След.

Дениэл посмотрел на схему.

Потом снова на опись.

— Это уже ближе.

Максимилиан ничего не ответил.

Вытащил из папки несколько листов и разложил их на столе. Теперь совпадения начали складываться одно за другим. Схема относилась к тому самому участку эстакады.

Старой.

Перестроенной почти двадцать лет назад и с тех пор ещё несколько раз ремонтировавшейся, но уже без вмешательства в основную несущую конструкцию.

Именно через неё теперь должна была пройти часть новой линии. До прошлой недели это не представляло отдельной проблемы. Проектировщики подняли сохранившуюся документацию, заложили существующие нагрузки, состояние металла, новую нагрузку, посчитали усиление.

Потом расчёт проверили ещё раз.

И получили другой результат.

Не немного другой.

В первом варианте конструкцию можно было оставить и усилить. Во втором часть эстакады приходилось разбирать.

Менять опоры.

Пересобирать участок.

И терять несколько недель до монтажа оборудования. Де-

ниэл не был инженером.

Ему и не требовалось им быть.

За годы рядом с Максимилианом он научился понимать достаточно, чтобы различать техническую проблему и дорожное неудобство.

Это была техническая проблема.

Деньги здесь тоже были.

Но деньги Максимилиан уже посчитал.

Недели раздражали его значительно сильнее.

Он придвинул схему ближе.

— Дай оба расчёта.

109 / 1064

Они были открыты на ноутбуке.

Дениэл развернул экран.

Максимилиан поставил рядом второй ноутбук, нашёл нужную страницу и несколько секунд переводил взгляд с одного документа на другой.

Две колонки цифр.

Два заключения.

Одни и те же исходные размеры.

Одна и та же конструкция.

Разная допустимая нагрузка.

За окном прошёл порыв ветра.

Ветки качнулись, и свет на полу дрогнул.

Дениэл смотрел не на цифры.

На выделенные строки ниже.

В одном расчёте учитывалось усиление, выполненное во время реконструкции.

Во втором его не принимали полностью, потому что подтверждения фактического исполнения в найденной документации не было.

Именно поэтому они сидели здесь с восьми утра.

Никто не спорил о формулах.

Спорили о том, что на самом деле сделали с металлом почти двадцать лет назад.

Максимилиан выпрямился.

— Ещё раз.

Дениэл понял без уточнения.

Он взял первый расчёт.

— Этот считает усиление выполненным по проекту.

Максимилиан кивнул.

— Этот, — Дениэл коснулся второго, — принимает только то, что подтверждается последующими обследованиями.

— Не только.

Дениэл посмотрел на него.

Максимилиан развернул экран чуть сильнее.

— Здесь.

В примечании стояла ссылка.

Дениэл прочитал.

— Они считают, что часть узлов могла быть изменена при монтаже. — Не считают. Не знают.

Дениэл перечитал формулировку.

Максимилиан был прав.

110 / 1064

Разница была небольшой только на бумаге.

«Не исключается изменение» означало не факт.

Означало отсутствие факта.

Дениэл посмотрел на раскрытую старую папку.

Теперь всё снова упиралось в бумагу.

В один лист.

Возможно, даже в несколько страниц.

Документ, который мог решить, какой из двух расчётов отражал реальность.

Максимилиан снова взял опись.

Провёл пальцем вниз.

— Приложение двенадцать.

Дениэл посмотрел в коробку.

Папки были пронумерованы.

Он нашёл нужную.

Открыл.

Первый раздел.

Второй.

Третий.

Приложения начинались ближе к концу.

Девять.

Десять.

Одиннадцать.

Он перевернул страницу.

Тринадцать.

Дениэл остановился.

В комнате ничего не изменилось.

Тот же свет.

Те же коробки.

Тот же тихий шелест бумаги от движения воздуха.

Он вернулся назад.

Одиннадцать.

Следующая вкладка — тринадцать.

Он проверил ещё раз.

Пальцем прошёл по краю папки, будто между двумя номерами могла обнаружиться ещё одна вкладка.

Ничего.

Он посмотрел на Максимилиана.

Тот уже понял.

— Двенадцатого нет.

111 / 1064

Максимилиан протянул руку.

Дениэл отдал папку.

Тот сам перелистал последние страницы.

Одиннадцать.

Тринадцать.

Четырнадцать.

Медленно закрыл.

— В описи что?

— Есть.

Максимилиан взял опись.

Приложение двенадцать стояло на своём месте.

Номер.

Дата.

Название.

«Техническое решение по усилению несущих конструкций». Только строки.

Без самого документа.

Дениэл посмотрел на стену коробок.

Ещё утром она казалась просто большим объёмом работы. Теперь каждая коробка снова стала отдельной проблемой. Максимилиан положил опись рядом со схемой.

— Ищем.

Следующие сорок минут они почти не разговаривали. У документа уже был номер.

Дата.

Название.

Организация, которая его выпустила.

Даже фамилия человека, поставившего подпись в перечне. Искать стало легче.

Только легче не стало.

Дениэл проверил оставшиеся папки в коробке.

Потом соседнюю.

Максимилиан поднял одну из уже просмотренных стопок и начал проходить её заново.

Сначала медленно.

Потом ещё медленнее.

Папки снова раскрывались на столе.

Листы переходили из одной стопки в другую.

Некоторые возвращались обратно.

Несколько раз Дениэл замечал, что смотрит на один и тот же абзац уже второй раз.

112 / 1064

В комнате становилось душнее.

Солнце поднялось выше, и тёплый прямоугольник на полу добрался до ножки стола.

Остывший кофе давно перестал пахнуть.

На краях коробок оставалась серая пыль.

Дениэл вытер ладонь о брюки и взял следующую папку. Через двадцать минут на стол вернулись документы, которые утром уже считались закрытыми.

Через тридцать Максимилиан позвонил в архив.

Разговор был коротким.

— Двенадцатое приложение к описи семьсот сорок два. Техническое решение по усилению несущих конструкций. Номер я сейчас отправлю.

Он слушал.

— Нет. Не то, что у вас есть в электронной базе. Оригинал или бумажная копия.

Пауза.

Максимилиан стоял у окна.

За стеклом двигались ветви.

— Проверьте.

Он отключился.

Вернулся к столу.

Взял ту же папку, которую держал до звонка.

Открыл.

Продолжил с того места, где остановился.

Дениэл ничего не сказал.

Пока всё было просто поиском.

Через несколько минут телефон Максимилиана зазвонил.

Он ответил сразу.

— Да.

Дениэл слышал только его сторону разговора.

— Где?

Пауза.

— Когда передавали?

Ещё одна.

Максимилиан открыл опись.

Нашёл нужную строку.

Провёл пальцем по ней.

— То есть в вашей описи он есть, в акте передачи есть, в этой описи он есть, а самого документа нет.

Он слушал.

113 / 1064

За окном снова качнулись ветви.

В комнате было тихо настолько, что Дениэл слышал, как кто-то перелистнул страницу в конце стола.

— Понятно.

Максимилиан отключился.

Телефон остался в его руке.

Он несколько секунд смотрел на него.

Потом положил рядом с описью.

Очень ровно.

Поправил край бумаги.

Прижал ладонью угол, который загнулся.

Убрал руку.

Дениэл опустил глаза на свою папку.

Вот теперь становилось хуже.

Он уже знал это состояние.

Пока Максимилиан говорил, всё ещё оставалась работа.

Пока задавал вопросы — оставалась возможность.

Когда вопросы заканчивались и становилось тихо, возможность обычно заканчивалась вместе с ними.

Дениэл перевернул страницу.

Максимилиан взял следующую папку.

В комнате снова зашуршала бумага.

— Кто принимал архив?

Дениэл уже открыл старый акт.

— При первой передаче — Рудольф Крамер. Начальник технического архива.

— Где он?

— На пенсии. Уволился двенадцать лет назад.

Максимилиан поднял глаза.

— Жив?

Дениэл посмотрел на дату рождения.

— Вероятно.

— Это не ответ.

— Проверяю.

Он открыл кадровую карточку.

— Жив. Контакт в системе нет.

— Кто с ним работал?

Дениэл пролистал ещё несколько страниц.

— Трое. Двое уже не работают. Третий уволился вместе с Крамером.

— Найди всех.

114 / 1064

— Сегодня?

Максимилиан посмотрел на него.

— Первый приоритет.

— Понял.

--Телефон архива зазвонил почти через час.

Дениэл включил громкую связь.

— Мы повторно проверили фонды по номеру приложения. Отдельного хранения нет. В электронной базе осталась только карточка. Бумажный оригинал в архив не поступал.

Максимилиан отложил лист.

— При этом в акте передачи он есть.

— Да.

— И в описи.

— Да.

Максимилиан несколько секунд молчал.

— Тогда вопрос не в том, где документ.

На другом конце стало тихо.

— А в том, на каком этапе его записали как принятый.

Дениэл посмотрел на него.

Максимилиан продолжил:

— Поднимите все акты приёма за тот месяц. Не только эту передачу. Сверьте нумерацию и журнал регистрации, если он сохранился.

Ему что-то ответили.

— Сегодня.

Пауза.

— Мне не нужно объяснение, почему архиву неудобно работать сегодня. Мне нужен журнал.

Он отключился.

Телефон лёг на стол.

--Через несколько минут Максимилиан встал и подошёл к окну. Дениэл не поднял головы.

Он уже знал этот момент.

Когда Максимилиан начинал говорить громче, всё было проще. Когда говорил тише — становилось хуже.

За стеклом лежал тот же спокойный день. Светлая стена соседней постройки, неподвижные деревья, полоска воды между ними. Солнце медленно сдвигалось по стеклу.

Максимилиан стоял, заложив руки за спину.

— Двадцать лет, — сказал он наконец.

Дениэл ждал.

115 / 1064

— Документ двадцать лет числится принятым. Четыре раза его существование подтверждено на бумаге. И за неделю никто не заметил, что пятый документ отсутствует.

Он повернулся.

— Они искали бумагу.

Дениэл кивнул.

— А искать нужно было ошибку.

Максимилиан посмотрел на него.

— Именно.

Он вернулся к столу.

— Тогда пусть начинают с архивной цепочки. С момента передачи. — Уже занимаются.

— Нет.

Максимилиан взял телефон.

— Сейчас будут.

Первый звонок занял меньше пяти минут.

Второй — почти пятнадцать.

После третьего Дениэл перестал прислушиваться к словам. Направление уже определилось.

Искали не только документ.

Поднимали людей, которые принимали архив, старую структуру технического отдела, журналы регистрации, акты передачи. Отдельно — тех, кто двадцать лет назад работал

непосредственно на реконструкции.

Риттера Дениэл продолжал искать сам.

Фамилия встречалась часто.

На старых протоколах.

В переписке.

Под чертежами.

В нескольких актах.

Сначала это казалось хорошим признаком.

Чем больше было следов, тем ближе должен был оказаться человек.

Но потом выяснилось, что последняя запись в кадровой базе датировалась девятью годами ранее.

После неё — ничего.

Старый адрес.

Недействующий телефон.

Рабочая почта, которой больше не существовало.

Дениэл записал адрес на листе.

Рядом — ещё две фамилии.

116 / 1064

На столе уже не осталось чистого места, поэтому он писал поверх старой распечатки, оставляя свободные участки между чужими пометками.

За его спиной Максимилиан снова кому-то звонил.

Дениэл слышал отдельные слова.

— Технадзор.

Пауза.

— Нет. Раньше.

Потом несколько фамилий.

Снова тишина.

Максимилиан стоял у окна.

Свет падал ему на плечо и край стола, оставляя лицо в тени. В одной руке он держал телефон, другой машинально перелистывал папку.

Не искал.

Просто держал пальцами край страниц.

Когда человек на другом конце говорил слишком долго, пальцы останавливались.

Когда разговор снова становился предметным, перелистывалась следующая страница.

Дениэл давно заметил эту особенность.

Максимилиан почти никогда не показывал нетерпение привычным способом.

Не постукивал пальцами.

Не смотрел на часы.

Не спрашивал, сколько ещё.

Он просто становился тише.

К часу дня девятая коробка опустела.

Дениэл закрыл её и поставил к стене.

Рядом уже стояли остальные.

Утром они были сложены ровными рядами. Теперь между ними оставались зазоры, крышки лежали сверху криво, из одной торчала папка, которую так и не успели вернуть на

место. На другой лежал свёрнутый чертёж.

Ещё на одной — пустая чашка.

Десятую коробку открыли прямо на полу.

На столе места больше не было.

Солнце давно ушло от окон.

Теперь оно лежало широкой полосой на ковре и медленно добиралось до стола. В этом свете особенно хорошо была видна пыль.

117 / 1064

Она осела на брюках Дениэла.

На рукавах рубашки.

На тёмном дереве.

Он провёл ладонью по колену.

Пальцы стали серыми.

Максимилиан один раз провёл ладонью по столу.

Посмотрел на кожу.

Взял салфетку.

Вытер руку.

Еду принесли около часа.

Поставили на небольшой стол у стены.

Тёплый запах мяса на несколько минут перебил бумагу и картон. Никто не подошёл.

Через двадцать минут запах почти исчез.

Дениэл всё-таки съел несколько кусков, стоя.

Максимилиан не притронулся.

Тарелки унесли почти полными.

Работа продолжалась.

Иногда они находили что-то.

Старый акт подтверждал фамилию.

Протокол — дату.

В переписке появлялась ссылка на совещание, которого не было в электронной базе.

Каждый раз на несколько минут возникало ощущение, что всё складывается.

Вот ещё один лист.

Вот нужная дата.

Вот человек.

Вот следующий номер.

А потом выяснялось, что номер ведёт в пустоту.

Один человек оказался умершим.

Второй жил за границей.

Третий помнил саму реконструкцию, но не помнил документы. Надежда появлялась коротко.

И каждый раз исчезала ещё до того, как успевала стать уверенностью.

После двух Дениэл перестал считать коробки.

Он снял часы и положил возле ноутбука.

На запястье осталась красная полоса.

Максимилиан почти не отходил от стола.

Звонки принимал там же.

118 / 1064

Один раз сел.

Через несколько минут снова встал.

После этого больше не садился.

Дениэл заметил.

Ничего не сказал.

К половине третьего в комнате изменился даже запах.

Утреннего кофе уже не было.

Остались сухой картон, бумага, нагретое солнцем дерево и еда, которую недавно унесли.

Окна были открыты.

Воздух почти не двигался.

За стеклом стоял тот же тихий день.

Между деревьями виднелась часть светлой стены соседней постройки. Закрытые ворота блестели на солнце.

Ни машины.

Ни человека.

Внутри дома шестой час подряд двигались одни и те же листы. Дениэл открыл очередное сообщение.

Прочитал.

На этот раз не сразу ответил.

Взял чашку, стоящую возле локтя Максимилиана.

Она была пустой.

Дениэл переставил её на подоконник.

Максимилиан поднял глаза.

Дениэл развернул ноутбук.

— Нашли журналы регистрации.

На экране был список.

Предыдущий месяц.

Следующий.

Ещё несколько за тот же год.

Между ними — пробел.

Максимилиан подошёл.

Прочитал.

Ещё раз.

Дениэл видел, как его взгляд задержался на пустой строке. Потом переместился на четыре листа, лежавшие рядом с описью. Четыре разных документа подтверждали существование пятого. Максимилиан взял один.

Перечитал.

Положил.

119 / 1064

Взял второй.

Потом опись.

— Здесь он есть.

— Да.

— Здесь тоже.

— Да.

Максимилиан положил листы рядом.

— А журнал исчез.

Дениэл кивнул.

Максимилиан посмотрел на экран.

— За один месяц.

— Да.

Он ничего не сказал.

Только закрыл папку.

Очень аккуратно.

Слишком аккуратно.

Потом взял телефон.

— Архив.

Дениэл уже набирал номер.

Ответили быстро.

Максимилиан слушал.

Сначала молча.

Потом уточнил, какие журналы проверяли.

Попросил поднять соседние месяцы.

Ему начали объяснять про перенос фонда, старую систему регистрации, смену ответственных.

Он не перебил ни разу.

Только когда голос на другом конце закончил, сказал: —
Мне не нужна версия.

Пауза.

— Найдите первичный журнал.

Ещё пауза.

— Сегодня.

Он отключился.

Положил телефон.

Ровно.

Рядом с описью.

Дениэл посмотрел на его руки.

Они лежали совершенно спокойно.

— Они могут не найти, — сказал он.

Максимилиан посмотрел на него.

120 / 1064

— Тогда найдём, где потеряли.

И снова взял папку.

Дениэл ничего не ответил.

Через семь минут телефон зазвонил снова.

Архив.

На этот раз Максимилиан ответил сразу.

Несколько секунд слушал.

— Нет.

Пауза.

— Вы его не нашли или его нет?

Долгая пауза.

— Это разные вещи.

Дениэл перестал листать документы.

Максимилиан стоял неподвижно.

За окном медленно шевельнулась ветка.

Свет скользнул по стеклу и снова ушёл.

— Вы только что сказали, что журнала нет.

Пауза.

— Теперь говорите, что не знаете, был ли он.

Он слушал.

— Хорошо.

Ещё несколько секунд.

— Поднимите акты за тот месяц. Все.

Пауза.

— И соседние.

Максимилиан посмотрел на стол.

На четыре листа.

На пустое место в журнале.

— Нет. Не завтра.

Голос на другом конце снова что-то сказал.

Максимилиан прикрыл глаза.

На секунду.

— Сегодня.

Он отключился.

Телефон остался в его руке.

Дениэл смотрел на него.

Максимилиан медленно положил аппарат на стол.

Не бросил.

Не сдвинул.

Просто положил.

Потом взял карандаш.

121 / 1064

Покрутил его между пальцами.

Раз.

Второй.

Положил рядом с папкой.

Вот теперь Дениэл понял, что лучше не говорить ничего.

За годы рядом с Максимилианом он видел, как тот злился.

Громко.

Резко.

Иногда совершенно незаслуженно.

Но это было не сейчас.

Сейчас он становился тише.

И от этого в комнате как будто становилось меньше воздуха. Дениэл снова открыл ноутбук.

Нашёл ещё одну фамилию.

Записал.

Через несколько минут пришло сообщение из кадров. Нашли бывшего сотрудника, работавшего с архивом.

Телефон был.

Дениэл поднял глаза.

Максимилиан читал старый чертёж.

— Есть человек, который работал с Риттером.

— Где?

— Южная Германия.

Максимилиан протянул руку.

Дениэл передал ему блокнот.

Тот прочитал адрес.

— Звони.

Дениэл набрал номер.

Первый гудок.

Второй.

На третьем ответили.

Пожилой мужской голос оказался неожиданно ясным. Де-

ниэл представился, назвал компанию и реконструкцию. На том конце помолчали.

— Давно это было.

— Поэтому и звоню.

— Что потеряли?

Дениэл посмотрел на Максимилиана.

Тот стоял у стола.

Совершенно неподвижно.

— Техническое решение по усилению северной эстакады.

122 / 1064

Реконструкция двадцатилетней давности.

— Номер?

Дениэл назвал.

Молчание стало длиннее.

Максимилиан медленно отложил карандаш.

— Нет, — сказал мужчина.

Дениэл нахмурился.

— Документа нет?

— Вы не тот документ ищете.

Максимилиан поднял голову.

На этот раз Дениэл не стал уточнять.

Мужчина продолжил:

— Если речь о той реконструкции, решение потом меняли. В комнате стало тихо.

За окном по стеклу прошёл солнечный отблеск.

На столе лежали четыре документа, подтверждавшие

существование пятого.

Рядом — пустая строка журнала.

И теперь, впервые за весь день, Дениэлу показалось, что они наконец нашли не пропавший документ.

А место, где всё начало расходиться.

Мужчина на другом конце ещё некоторое время молчал. За окнами тихо шевелились деревья. Где-то под столом Дениэл задел носком бумаги. Лист скользнул по полу и остановился у ножки стола.

— По проекту должны были усилить нижний пояс и два узла на опоре, — наконец сказал Крамер. — Но когда конструкцию вскрыли, состояние оказалось другим.

Максимилиан подошёл ближе.

— Каким?

— Не помню. Столько лет прошло. Что-то нашли в узле. Риттер потом дня три ругался с проектировщиками.

Дениэл записал фамилию, хотя она уже была у него перед глазами. — Решение оформили?

— Должны были.

— Вы его видели?

Пауза.

— Схему видел. Сам документ — не скажу.

Максимилиан протянул руку.

Дениэл передал ему телефон.

Тот не сел. Остался стоять у края стола, среди раскрытых папок и

сдвинутых листов.

— В итоге сделали по первоначальному проекту?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

Максимилиан посмотрел на стол.

— Уверены?

— В этом — да. Первоначальный вариант забраковали.

Риттер согласовывал другой.

— С кем?

Крамер назвал организацию.

Дениэл уже открыл базу.

Название оказалось знакомым. Нашлась старая карточка.

Потом ещё одна. Он быстро просмотрел даты, должности, архивные ссылки.

— Исполнительная схема у кого?

— Должна быть у заказчика.

Максимилиан перевёл взгляд на стену.

Серых коробок стало заметно меньше. Там, где утром они стояли сплошной стеной, теперь оставались промежутки. На полу темнели прямоугольники пыли. Одна коробка была раскрыта и пустовала рядом с другой, крышка которой так и не закрылась до конца. — Её нет, — сказал Максимилиан.

Крамер вздохнул.

— Тогда не знаю, чем помочь.

Связь оборвалась.

Максимилиан ещё несколько секунд держал телефон в руке. Потом положил его на стол.

Не убрал.

Дениэл уже искал по названию организации.

Северная эстакада.

Риттер.

Реконструкция.

Поиск выдал один протокол, два письма и ссылку на приложение, которого в системе не было.

Дениэл открыл протокол.

Просмотрел.

Первое письмо.

Пустая ссылка.

Второе.

То же самое.

Он вернулся к протоколу.

124 / 1064

Перечитал уже медленнее.

Внизу, после подписей, стояла короткая служебная пометка. Дениэл остановился.

Прочитал.

Ещё раз.

Потом подвинул ноутбук к Максимилиану.

Тот наклонился.

В записке не было ни размеров, ни схемы, ни описания

выполненных работ.

Несколько строк.

Одной хватало.

Работы продолжались по изменённому техническому решению. Максимилиан дочитал.

Не спросил, откуда запись.

Не переспросил дату.

Просто остался смотреть на экран.

Потом перевёл взгляд на четыре листа рядом с описью. На номер двенадцатого приложения.

На схему.

На два расчёта, открытые на соседних ноутбуках.

Первый исходил из усиления, предусмотренного первоначальным проектом.

Второй не принимал его полностью: подтверждения фактического исполнения не было.

Теперь это объяснялось.

Они полдня искали документ, который должен был подтвердить первоначальное решение.

А на объекте сделали иначе.

Максимилиан медленно выпрямился.

В комнате ничего не изменилось.

Бумага лежала там же.

Картон пах сухой пылью.

Солнце уже ушло с середины ковра и легло узкой полосой вдоль окон. В стекле отражались коробки, стол и неподвиж-

ная фигура Максимилиана.

Только пальцы его правой руки медленно сжались на краю стола. — Мы неделю считаем конструкцию, которой у нас нет. — Мы считаем по тем данным, которые есть.

Максимилиан посмотрел на него.

— Вот именно.

Он взял первый расчёт.

125 / 1064

Несколько секунд держал его в руках.

Потом положил поверх второго.

Ровно.

Совместив края.

— Ни один не принимать.

Дениэл поднял глаза.

— Тогда теряем ещё время.

— Уже потеряли.

Максимилиан отошёл от стола.

Позади стоял стул.

Он задел его ногой.

Стул сдвинулся на несколько сантиметров и тихо скрипнул по полу. Максимилиан остановился.

Посмотрел вниз.

Потом резко развернулся и отшвырнул его.

Дерево ударилось о низкий шкаф.

Треск разошёлся по комнате.

Спинка переломилась возле крепления. Стул отлетел об-

ратно, перевернулся и остался лежать между шкафом и коробками. Одна ножка смотрела в сторону под неестественным углом.

— Блядь.

Дениэл посмотрел на стул.

Потом на чашку на подоконнике.

Она осталась цела.

Кофе внутри давно остыл.

Максимилиан прошёл к окну.

За стеклом ничего не происходило. Деревья стояли почти неподвижно. На соседнем участке по-прежнему не было ни машины, ни человека.

Он постоял там несколько секунд.

Вернулся.

— Четыре подтверждения.

Голос стал выше.

— Номер есть. Дата есть. Ссылка есть. Журнала нет. Оригинала нет. Теперь выясняется, что решение вообще меняли.

Он остановился у стола.

— И неделю они искали только бумагу.

Ладонь легла на стол.

Удар получился коротким и сухим.

Верхняя стопка съехала. Несколько листов сползли на край. — Какого хуя они вообще проверяли?

126 / 1064

Дениэл не ответил.

Не стал сразу поднимать бумаги.

Максимилиан стоял, опираясь обеими руками о стол. Пальцы побелели.

Плечи были напряжены так, будто он удерживал ими вес собственного тела.

Несколько секунд он смотрел на один и тот же лист.

Потом выпрямился.

В комнате снова стало тихо.

Сначала за окном качнулась ветка.

Потом где-то в глубине дома закрылась дверь.

Максимилиан посмотрел на схему.

— Если решение изменили на объекте, — сказал Дениэл, — исполнительная документация может не помочь.

— Может.

— Нам нужно установить фактическое исполнение.

Максимилиан посмотрел на него.

— Да.

Он взял карандаш.

Развернул схему.

Несколько коротких движений — и на бумаге появились отметки. — Эти узлы. Нижний пояс. Два на опоре. Соединения вокруг них. Дениэл придвинулся.

— Повторное обследование?

— Только этих участков.

Карандаш остановился.

— Где возможно — вскрытие. Ультразвук. Геометрия.

Толщины металла. Всё, что позволит установить фактическое состояние. Дениэл посмотрел на отмеченные места.

— Линию тогда придётся остановить.

— Да.

Ни паузы.

— До результатов?

— До результатов.

— Два-три дня минимум.

— Значит, два-три дня.

Дениэл кивнул.

Несколько дней были неприятностью.

Разбирать часть эстакады, потому что двадцатилетней бумаге больше нельзя было доверять, было другой проблемой. Ставить оборудование на конструкцию, фактическое усиление

127 / 1064

которой они не могли подтвердить, — ещё хуже.

Максимилиан снова посмотрел на схему.

— Риттера продолжай искать.

— Уже.

— Если найдёшь раньше обследования, не назначай встречу. Дениэл поднял глаза.

— Едем?

— Да.

Карандаш снова двинулся по бумаге.

— Или везём его сюда. Как будет быстрее.

Дениэл кивнул.

Закрыв протокол.

Письмо.

Пустую ссылку.

Потом ещё одно окно.

Впервые за весь день количество открытых документов начало уменьшаться.

За окнами свет стал мягче.

Солнце ушло за деревья, и резкие полосы на полу исчезли. Серые коробки у стены снова стали просто коробками. Те, что утром казались единственным местом, где мог лежать ответ, теперь стояли пустыми или полупустыми.

Сломанный стул остался возле шкафа.

Никто к нему не подошёл.

Дениэл надел часы.

Проверил сообщения.

Одно было не связано с эстакадой.

Он прочитал его и поднял глаза.

— Подарок Виктории уже доставили вашим родителям. Максимилиан складывал расчёты в одну папку.

— Хорошо.

Дениэл убрал телефон.

Снаружи послышался автомобиль.

Он машинально посмотрел в окно.

На соседнем участке, пустовавшем весь день, открылись ворота. Между деревьями мелькнула машина и исчезла за

светлой стеной дома.

Хлопнула дверь.

Потом ещё одна.

Донеслись голоса.

Женские.

128 / 1064

Кто-то засмеялся — громко, устало, совершенно не думая
о том, слышно ли это через деревья.

Максимилиан даже не поднял головы.

— На завтра к девяти.

— Постараюсь к восьми.

— К девяти достаточно.

Дениэл посмотрел на него.

Потом на сломанный стул.

Взял чашку с подоконника.

Кофе оказался холодным.

Он всё равно сделал глоток.

За деревьями снова засмеялись.

В гостиной зашуршала последняя закрываемая папка.

ЭПИЗОД 19

В доме с утра шла генеральная уборка.

Тара любила генеральные уборки.

Точнее, первые два часа.

В первые два часа всё было просто: грязное становилось
чистым, разбросанное — разложенным, ненужное отправля-

лось в мусор, а вещи, которые почему-то годами жили не на своих местах, наконец получали шанс начать нормальную жизнь.

На третьем часу Тара обычно начинала сомневаться, что человеку вообще обязательно знать, какого цвета верхняя часть дверной коробки.

К половине одиннадцатого она уже успела снять постельное бельё, запустить вторую стирку, вымыть ванную и разобрать половину кухонных шкафов.

Там обнаружили три пачки риса.

Все начатые.

Тара посмотрела на них несколько секунд.

— Прекрасно.

Она пересыпала две в одну, третью поставила рядом и закрыла шкаф.

Теперь это выглядело как решение.

Именно это ей в уборке и нравилось.

Не чистота сама по себе.

Порядок.

Когда у каждой вещи есть место, даже если до этого она три года

129 / 1064

делала вид, что ей удобно где угодно.

Окна были приоткрыты почти во всём доме. Начало апреля выдалось солнечным, но воздух оставался прохладным, и сквозняк время от времени проходил от кухни до лестницы,

шевелил занавески и пытался закрыть дверь в гостиную.

Тара дважды открывала её обратно.

На третий раз подперла корзиной с бельём.

Сделала это с тем же выражением лица, с каким обычно решала проблемы, которые вполне могли обойтись без неё.

Музыка играла достаточно громко, чтобы быть слышной наверху. Из стиральной машины доносился ровный гул. На кухонной стойке остывала забытая чашка кофе, на лестнице лежало чистое полотенце, которое каким-то образом не попало ни в одну из двух стирок, а посреди гостиной стоял пылесос.

Дом постепенно приходил в порядок.

С кухней Тара закончила, допила холодный кофе и перешла в гостиную.

Сняла с дивана подушки, пропылесосила сиденье, нашла между спинкой и подлокотником пульт.

— А я тебя даже не искала.

Пульт отправился на столик.

Тара прошлась пылесосом вдоль стены, выключила его и посмотрела на диван.

Под диваном оставалась узкая тёмная полоса.

Можно было оставить.

Никто никогда не узнает.

Тара постояла ещё секунду.

— Я буду знать.

Она взялась за подлокотник и потянула.

Диван не сдвинулся.

Тара переставила ноги, ухватилась обеими руками и потянула сильнее.

Он нехотя проехал по полу сантиметров на десять.

— Не надо делать вид, что ты со мной не согласен.

Со второй попытки удалось отодвинуть его достаточно далеко. За диваном обнаружились две монеты, резинка для волос, карандаш, фантик, засохшая виноградина и тёмно-синий мужской носок.

Тара посмотрела на него.

— О.

Потом наклонилась и подняла.

130 / 1064

— Так вот где ты был.

Первый лежал наверху в комод.

Она нашла его недели три назад, сунула в ящик с мыслью отдать Саймону при следующей встрече и забыла.

Следующая встреча была.

Потом ещё одна.

Носок так и остался в ящике.

А потом встреч больше не стало.

Тара сунула находку в карман и включила пылесос.

Сначала закончила под диваном.

Потом вернула его на место.

Только после этого подхватила корзину, которой подпи-
рала дверь, и понесла наверх.

На этот раз действительно понесла.

В спальне она поставила корзину на кровать, открыла верхний ящик комода и нашла первый носок почти сразу.

Приложила один к другому.

— Надо же.

Пара.

Она свернула их вместе и положила на край комода.

С Саймоном всё тоже довольно долго выглядело именно так. Как пара.

Они познакомились на быстрых свиданиях в конце лета. Из всего вечера Тара запомнила мужчину, который за пять минут умудрился четырежды упомянуть свою мать, и Саймона, рядом с которым пять минут закончились раньше, чем хотелось.

Через два дня они встретились снова.

Потом ещё раз.

А дальше считать перестали.

Саймон легко помещался в её жизнь.

Если Тара задерживалась в мастерской, он не стоял в дверях с вопросом, сколько ещё. Однажды заглянул внутрь, посмотрел на разобранную конструкцию на верстаке и спросил:

— Это сейчас что?

— Шкаф.

Он посмотрел ещё раз.

— Ты уверена?

Тара подняла голову.

— Выйди.

— Уже.

Через десять минут телефон завибрировал.

131 / 1064

«Кофе?»

«Да.»

«Есть будешь?»

Тара задумалась.

«Да.»

«Вот и поговорили.»

Она тогда рассмеялась прямо над верстаком.

С ним было легко ходить в кино, ужинать, просыпаться по утрам. Он терпеть не мог оливки, любил старые детективы и занимал во сне значительно больше половины кровати.

Последнее отрицал с принципиальностью невинного человека. Секс тоже был хорошим.

Очень.

Тара взяла из корзины простыню, сложила пополам, потом ещё раз.

Несколько месяцев прошли без единой причины что-нибудь портить вопросом «а что дальше».

Пока у Саймона не случился день рождения.

За несколько недель до него они проходили мимо магазина. Саймон задержался у витрины, посмотрел на часы, потом на ценник.

— Красивые.

— Купи.

— За эти деньги они должны ещё показывать, где я оставил машину.

Он пошёл дальше.

Тара запомнила.

В день его рождения коробка с часами лежала у неё на кухонном столе.

Саймон позвонил после обеда.

На заднем плане кто-то смеялся, звенела посуда.

— Где ты? — спросила Тара.

— У родителей. Мать решила, что мне всё ещё десять и без торта я не переживу день рождения.

Кто-то рядом громко возразил.

Саймон засмеялся.

— Сестра говорит, что торт нужен ей.

— Передай, я на её стороне.

— Предательница.

Они ещё немного поговорили. Саймон упомянул родителей, сестру с мужем, двух друзей, которых Тара уже знала по рассказам.

132 / 1064

Потом спросил:

— Ты завтра дома?

Тара посмотрела на коробку.

— После двух.

— Заеду?

— Заезжай.

Он попрощался и отключился.

Тара ещё несколько секунд смотрела на телефон. И поняла, что её не забыли пригласить.

Для этого о ней сначала должны были подумать. На следующий день Саймон приехал после двух. Она подарила ему часы.

Он открыл коробку и уставился на неё.

— Нет.

— Что — нет?

— Ты их купила.

— Судя по коробке, да.

— Тара.

— Если не нравятся, я могу оставить себе. Правда, придётся сделать ещё одну дырку в ремешке.

Он сразу надел часы.

— Даже не мечтай.

Она засмеялась.

Они провели вместе весь день.

Хороший день.

Через несколько дней Тара всё-таки спросила:

— Саймон, ты когда-нибудь думал, что у нас будет дальше? Он поднял глаза.

Не напрягся.

Не отвёл взгляд.

Просто задумался.

И этого оказалось почти достаточно.

— В каком смысле?

— В обычном.

— Нам плохо?

— Нет.

— Тогда я не совсем понимаю.

Тара кивнула.

— Я тоже не сразу поняла.

Саймон отложил телефон.

— Ты хочешь жить вместе?

133 / 1064

— Не завтра.

— А когда?

Тара посмотрела на него.

— Вот об этом я и спрашиваю.

Он снова задумался.

Саймон не хотел её потерять.

Но и ничего менять ему не хотелось.

Если Тара ничего не скажет, через полгода они будут встречаться так же. Возможно, через год тоже.

Несколько вечеров в неделю.

Иногда выходные.

Его дом.

Её дом.

Хороший секс.

Хорошие разговоры.

Хорошие отношения, которые никуда не идут.

— Тебе этого мало? — спросил он.

Тара подумала.

— Да.

Без претензии.

Просто да.

Ей хотелось детей. Семьи. Не немедленно и не любой ценой, но достаточно сильно, чтобы не потратить несколько лет на отношения, которые устраивали её только сегодня.

Саймон потёр ладонью подбородок.

— То есть ты хочешь расстаться?

Вот тут ответ дался тяжелее.

— Да.

Он выдохнул.

— Жаль.

— Мне тоже.

На этом, в сущности, всё и закончилось.

Без скандала.

Без человека, которого можно было назначить виноватым.

Тара взяла с комода сложенные носки.

Иногда она скучала по Саймону.

По его дурацким детективам. По тому, как он смеялся. По рукам. По сексу — чего уж там.

По нему.

Но не по тем отношениям, которые пришлось бы ещё год

убеждать стать чем-то другим.

134 / 1064

Она положила носки в ящик.

Если когда-нибудь увидятся — отдаст.

А если нет, через следующую генеральную уборку выбросит. Наверное.

Тара закрыла ящик, разобрала наконец корзину с бельём и пошла вниз.

Через двадцать минут она уже мыла пол в прихожей и размышляла, дошла ли генеральная уборка до той стадии, когда верх дверной коробки снова становится общественно значимой проблемой.

Именно тогда в дверь позвонили.

Тара посмотрела на мокрый пол.

До двери было метра четыре.

Все четыре она только что вымыла.

Позвонили снова.

— Да иду я.

Она бросила тряпку в ведро, обошла мокрое место по стене и открыла дверь.

На крыльце стоял курьер с коробкой.

— Тара Рид?

— Да.

— Вам.

Он протянул планшет.

Тара расписалась.

— Тяжёлая?

— Не очень.

Он передал коробку.

Тара едва не уронила её.

Курьер успел подхватить снизу.

— Ну... не совсем не очень.

— Спасибо за уточнение.

Он засмеялся.

Тара закрыла дверь бедром и понесла коробку на кухню. На столе для неё места не было.

Она переставила чашку, средство для стекла, пачку салфеток, снова взяла чашку, потому что поставила её прямо на мокрую тряпку, и наконец водрузила коробку на освободившийся угол. — Так.

Ничего она не заказывала.

Тара разрежала скотч ножом и раскрыла картонные створки. Внутри оказалась ещё одна коробка.

135 / 1064

— Ну конечно.

Тёмная, тяжёлая, явно не предназначенная для того, чтобы после вскрытия отправиться в макулатуру.

Тара вытащила её, поставила на стол и подняла крышку. На светлой ткани лежала бутылка Krug Grande Cuvée. Тара замерла.

— Ого.

Эту марку она знала.

И достаточно хорошо представляла её цену, чтобы взять бутылку уже двумя руками.

Рядом лежала карточка.

На одной стороне был изображён незнакомый мужчина со знакомым кораблём.

На другой — всего одна строка:

Тридцатый. Мы договаривались.

Тара секунду смотрела на неё, потом на бутылку и рассмеялась. — Да ладно.

Телефон на столе зазвонил почти сразу.

Тара глянула на экран.

Виктория.

— Привет.

— Они нашли третий.

Тара прислонилась бедром к столу.

— Поздравляю.

— Не меня. Маму.

— Тогда поздравляю маму.

— Папа уже минут сорок утверждает, что практически нашёл его первым.

— Практически не считается.

— Я передам.

— Не надо. Я хочу когда-нибудь понравиться твоему отцу. — Поздно. Ты сделала ему секретер с тайниками.

— Какой нашли?

Виктория объяснила.

Тара сразу поняла.

— А. Этот.

— Где четвёртый?

— Ищите.

— Где?

— В секретере.

— Мама предлагает тебя накормить. Папа предлагает сначала не

136 / 1064

кормить, пока не скажешь.

Тара рассмеялась.

— Вот теперь я точно ничего не скажу.

— Тогда они надеются провести допрос при личной встрече. Тара улыбнулась.

— Согласна, но я крепкий орешек.

— Тогда в субботу к семи.

— С удовольствием.

На кухне гудела стиральная машина. В прихожей сохла половина пола, а вторая всё ещё ждала своей очереди.

Тара посмотрела в сторону коридора.

Потом вверх.

Потом на дверную коробку.

— Даже не надейся.

Она взяла швабру и вернулась к полу.

В субботу без нескольких минут семь Тара поднялась на крыльцо с бутылкой вина в руке.

Дверь открыла Виктория.

— Привет. Заходи.

— Привет.

Она забрала у Тары пальто, повесила рядом со своим и кивнула на бутылку.

— Это нам?

— Я решила не приходить с пустыми руками.

Из глубины дома почти сразу донеслось:

— Не надо было!

Виктория посмотрела на Тару.

— Видишь.

Тара рассмеялась и прошла следом.

В прихожей было тепло. После прохладного вечера Тара почувствовала это сразу — вместе с запахом запечённого мяса, свежего хлеба и чего-то пряного, доносившегося из кухни. Дом оказался совсем не таким, каким она его успела представить. Хотя особенно и не представляла.

Здесь было достаточно места, но удивляло не оно.

Скорее возраст вещей.

В прихожей стояла деревянная консоль, явно купленная не вчера и не десять лет назад. На ней лежали ключи, письма, две пары очков и маленькая фарфоровая миска с монетами. Рядом висело зеркало в тёмной раме. На спинке небольшой скамьи остался лёгкий шарф,

137 / 1064

под ней стояла пара домашних туфель, а в углу сох сло-

женный зонт.

Ничего не выглядело специально оставленным на виду.
Просто у вещей давно были свои места и истории.

Пожилая пара вышла им навстречу.

Они очень подходили друг другу.

— Тара, — улыбнулась Хелена.

— Да. Здравствуйте.

— Очень рада познакомиться.

Она была невысокой, с короткими седыми волосами и живым светлым лицом.

— Александр.

Он рядом с ней казался особенно высоким — седой, сухощавый, спокойный.

Он протянул руку.

— Тара.

— Наконец-то увидели человека, который не даёт нам спокойно жить уже несколько недель, — сказала Хелена.

Тара улыбнулась.

— Я надеялась, секретер вам понравится.

— В этом и проблема. Очень понравился.

Виктория подняла бутылку.

— А ещё она принесла вино.

— Не надо было, — сразу сказала Хелена.

Тара посмотрела на Викторию.

— Меня предупреждали.

Хелена рассмеялась и забрала бутылку.

— Спасибо. Откроем к ужину.

Тара успела заметить, что Александр смотрит на неё с любопытством.

Хелена тоже разглядывала её совершенно открыто и дружелюбно. Тара в свою очередь смотрела на них.

Не столько на внешность, сколько на то, как они стояли рядом в собственной прихожей. Хелена держала принесённую бутылку, Александр машинально убрал с края консоли письмо, которое Виктория едва не смахнула.

— Проходите, — сказала Хелена. — У нас ещё минут десять. — Я могу помочь.

— Всё уже почти готово.

Они двинулись в гостиную.

Ужин был уже в разгаре.

138 / 1064

Хелена поставила на стол блюдо с запечёнными овощами, села и почти сразу снова поднялась.

— Я забыла соус.

— Сиди, — сказала Виктория. — Я принесу.

Она встала, задела коленом стул и поймала его за спинку. Александр посмотрел на дочь.

— Осторожно.

Виктория показала ему язык и ушла на кухню.

Тара улыбнулась, потянулась к блюду, взяла немного овощей и передала его Александру.

Он положил себе и спросил:

— Виктория сказала, вы раньше работали бухгалтером.

— Работала.

— А потом решили делать мебель?

Тара улыбнулась.

— Если бы я действительно однажды так решила, всё было бы гораздо проще.

Хелена подняла глаза от тарелки.

— А как было?

Тара успела рассказать про первый стульчик как раз до того, как Виктория вернулась с соусом. Про то, каким тяжёлым он получился, и про одну ножку, которая оказалась короче остальных. — И после этого ты решила продолжать? — спросила Хелена. — Он стоял.

— На фетре.

— Но стоял.

Хелена рассмеялась.

Виктория поставила соус на стол.

— Что я пропустила?

— Начало карьеры.

— А. Самое интересное.

Она села, и Александр передал ей хлеб.

Хелена посмотрела на Тару.

— И давай уже на «ты». А то я одна перешла и только сейчас заметила.

— Давайте.

Тара осеклась.

Хелена рассмеялась снова.

— Начало положено.

Дальше стало проще.

Говорили о поездках, о книгах, о работе Виктории. Александр

139 / 1064

вспомнил маленький ресторан, который они с Хеленой когда-то нашли в другом городе, и довольно быстро выяснилось, что даже спустя много лет они не могут договориться, где именно стоял их столик.

Тара переводила взгляд с одного на другого.

— И кто из вас обычно прав?

— Я, — ответили оба.

Виктория фыркнула в бокал.

Тара засмеялась.

На этом спор о столике закончился, а разговор уже ушёл к самому городу. Тара там никогда не была, Виктория бывала несколько раз, Александр помнил музей, Хелена — рынок неподалёку от гостиницы.

Ели неторопливо.

— Тара, хочешь ещё мяса? — спросила Хелена.

— Нет, спасибо.

Тара посмотрела на блюдо.

— Хотя, пожалуй, да.

Хелена положила ей кусок.

— Правильное решение.

— Я слабый человек.

— Наконец-то хоть один недостаток, — заметил Александр. Тара посмотрела на него и засмеялась.

Чуть позже разговор сам вернулся к её работе.

— А страшно было оставить постоянную зарплату? — спросила Хелена.

— Было, — призналась Тара. — Первое время я каждый месяц считала, через сколько мне придётся искать новую.

— И когда перестала?

Тара покрутила бокал за ножку.

— Не знаю. Наверное, когда поняла, что считаю уже не потому, что боюсь, а потому что бухгалтер во мне умер не до конца. Александр улыбнулся.

Он спросил, почему она всё-таки не вернулась обратно. Тара ненадолго задумалась.

— Получалось.

Потом добавила:

— И нравилось. Утром у тебя кусок дерева, а вечером уже что-то другое.

Хелена кивнула.

Через несколько минут уже Тара спросила, трудно ли им самим

140 / 1064

было уйти из медицины.

Оказалось, слово «уйти» в обоих случаях было не совсем точным. Хелена ещё консультировала старых коллег, когда

её просили. Александр тоже не сразу научился отказываться от работы, хотя, по словам Хелены, времени на это у него было предостаточно. — Сколько? — спросила Тара.

Хелена посмотрела на мужа.

— Два года.

Александр спокойно продолжал резать мясо.

— Я привыкал.

Тара улыбнулась.

Разговор задержался на этом ненадолго. Хелена вспомнила первое утро, когда ей никуда не нужно было ехать, и как всё равно проснулась в половине шестого. Александр признался, что ещё несколько месяцев проверял телефон раньше, чем успевал встать с кровати.

— А сейчас? — спросила Тара.

Он посмотрел на телефон, лежавший возле тарелки.

Хелена рассмеялась.

Ответ был очевиден.

Виктория, до этого слушавшая вполуха, рассказала что-то о рейсе, с которого вернулась на прошлой неделе. Хелена передала Таре салат. Александр долил вина. В какой-то момент Тара попросила хлеб и получила его сразу с двух сторон.

Она рассмеялась.

— Спасибо. Одного хватит.

Хелена как раз накладывала ей ещё овощей, когда вспомнила: — Третий мы всё-таки нашли.

— Я знаю.

Александр отложил вилку.

— Четвёртый точно есть?

— Точно.

Он помолчал.

— Хорошо.

Хелена посмотрела на него, потом на Тару.

— Нет. Не говори. Так интереснее.

Тара улыбнулась.

— Я и не скажу.

Хелена передала блюдо мужу, Виктория продолжила прерванную историю, Тара потянулась за вином.

Тайник остался закрытым.

141 / 1064

А ужин продолжился.

Когда Тара в следующий раз посмотрела на часы, было уже почти одиннадцать.

— Ой.

Хелена тоже посмотрела на часы.

— Даже не начинай. Это мы тебя заболтали.

— Я вообще-то тоже участвовала.

Виктория поднялась вместе с Тарой.

— Я принесу пальто.

В прихожей Тара застегнула пальто, поправила волосы и взяла сумку.

— Спасибо за ужин. Правда. Мне было очень хорошо.

— Нам тоже, — сказала Хелена. — Приходи ещё.

Это прозвучало так просто, что Тара так же просто ответила: — С удовольствием.

Александр открыл ей дверь.

С улицы сразу потянуло холодом.

— И четвёртый я найду, — сказал он.

Тара уже шагнула на крыльцо, но обернулась.

— Я не сомневаюсь.

— Врёшь.

Она улыбнулась.

— Немного.

Хелена рассмеялась где-то у него за плечом.

Тара попрощалась ещё раз и спустилась с крыльца.

Дверь за ней закрылась не сразу.

ЭПИЗОД 20

Дождь закончился ещё до рассвета.

Утро осталось после него мокрым и холодным.

Асфальт был почти чёрным, блестел в свете фар. У обочин стояла вода, собранная в длинные узкие полосы, а с редких придорожных деревьев ещё падали запоздалые капли.

Максимилиан выехал из города рано.

Город закончился почти незаметно. Сначала исчезли дома, потом фонари стали попадаться всё реже, и вскоре остались только мокрая дорога, тёмные поля по обе стороны и серое

предрассветное небо.

В салоне было тихо.

142 / 1064

Двигатель работал ровно. На лобовом стекле время от времени появлялись мелкие капли, и дворники одним движением смахивали их в сторону.

Максимилиан ехал спокойно.

Пока дорога позволяла.

Туман начался в низине.

Сначала он лежал над полями тонким белёсым слоем. Потом стал плотнее, поднялся к дороге и местами пополз через неё, скрывая обочины.

Максимилиан сбросил скорость.

Не резко.

Просто убрал газ раньше обычного и вошёл в первую полосу тумана уже на восьмидесяти.

Свет фар упирался в молочную серость. Дальше ста пятидесяти метров дорога почти исчезала.

Этого было достаточно для восьмидесяти.

Не для ста двадцати.

Он держал руль свободно, обеими руками, почти не двигая ими. Внутри машины всё оставалось прежним — ровный звук мотора, тихий шорох шин по мокрому асфальту, редкий удар капли по стеклу.

Только за фарами мир исчезал.

Дорога здесь была знакомая.

Длинный спуск. Поворот вправо. Потом низина, где после

дождя вода иногда стояла у самого края полосы.

Сегодня стояла тоже.

Максимилиан увидел её заранее.

В свете фар вода казалась почти чёрной. Поверхность слегка дрожала от падающих капель.

Он взял чуть левее.

Без торможения.

Mercedes прошёл мимо тёмного разлива в нескольких десятках сантиметров.

Колёса тихо прошуршали по влажному покрытию.

Дальше туман стал плотнее.

Максимилиан сбросил ещё десять.

Не торопился.

Не потому, что ехать быстро было некуда.

Потому что сейчас быстро было нельзя.

Через несколько километров дорога пошла вверх.

Сначала туман стал тоньше.

143 / 1064

Потом перед фарами снова появились белые линии разметки. Ещё через минуту проступили обочины, мокрые и тёмные. Потом поля.

Небо впереди уже начинало светлеть, но солнца ещё не было видно. Над землёй висел холодный серый свет, и всё вокруг казалось немного нереальным — слишком тихим, слишком пустым после ночного дождя.

Впереди открылся длинный прямой участок.

Почти два километра мокрого пустого асфальта.

Максимилиан посмотрел дальше.

Ни встречных фар.

Ни машин впереди.

Ни съездов.

Вода на дороге не стояла.

Он нажал газ.

Сто.

Двигатель стал слышнее.

Сто двадцать.

Машина пошла быстрее, и мокрый асфальт начал стремительно уходить под капот.

Сто сорок.

Шорох шин изменился — стал плотнее, громче, почти непрерывным.

Капли на капоте вытянулись в тонкие дрожащие следы и начали разбегаться к краям.

Максимилиан не менял положения рук.

Сто пятьдесят.

Воздух зазвучал иначе.

Дорога уже не казалась неподвижной поверхностью. Она двигалась навстречу — белые линии разметки одна за другой исчезали под машиной, мокрые обочины скользили назад, а деревья далеко впереди становились ближе быстрее, чем ещё минуту назад.

На этой скорости дорога уже переставала быть просто до-

рогой. Нужно было видеть дальше.

Раньше замечать изменение покрытия.

Не исправлять движение машины после того, как она ушла с траектории, а не позволять ей уйти.

Справа асфальт стал темнее.

Максимилиан заметил это метров за двести.

Сместился левее ещё до того, как колёса дошли до влажной

144 / 1064

полосы.

Сто шестьдесят.

Он добавил.

Сто семьдесят.

И оставил.

Больше Mercedes мог.

Он тоже.

Дорога — нет.

На несколько секунд всё вокруг превратилось в движение. Дорога неслась под машиной.

Встречный воздух плотнее давил на кузов. Вода, оставшаяся на асфальте, мелкой пылью разлеталась из-под шин. Далеко впереди серый рассвет постепенно вытеснял ночь, но здесь, на дороге, день ещё не начался.

Максимилиан держал скорость.

Тяжёлую машину не бросало и не вело.

Руль оставался наполненным, под ладонями чувствува-

лось покрытие.

Он не ловил Mercedes.

Не поправлял его.

Вёл.

Впереди появился знак поворота.

Максимилиан уже знал, где начнёт сбрасывать.

Отпустил газ.

Сто шестьдесят.

Двигатель сразу стал тише.

Сто сорок.

Не тормозил.

Дал машине потерять скорость на сопротивлении.

Сто двадцать.

Теперь тормоз.

Кузов едва заметно подался вперёд.

Сто.

Восемьдесят.

Руль повернулся один раз.

Без второй поправки.

Mercedes вошёл в поворот, шины коротко зашуршали по мокрому покрытию, и через несколько секунд дорога снова выпрямилась. Максимилиан выровнял машину.

За поворотом лес уже начинался.

Здесь он всегда снижал скорость.

145 / 1064

Три года назад из-за деревьев перед ним вышел олень.

Большой самец остановился прямо на дороге.

Тёмный, мокрый, почти сливавшийся с лесом.

Несколько секунд он смотрел в свет фар, будто действительно решал, стоит ли вообще обращать на них внимание.

Максимилиан тогда остановился раньше, чем олень решил уйти. Проверять ещё раз, хватит ли ему тормозного пути, он не собирался.

Восемьдесят.

Лес встретил его влажной темнотой.

Деревья стояли близко к дороге, чёрные стволы уходили вверх и растворялись в тумане.

С ветвей тяжело падала вода.

Иногда крупная капля разбивалась о лобовое стекло, и на секунду в свете фар становилось видно, сколько влаги осталось в воздухе. Туман висел между деревьями.

Он не лежал ровной стеной, а двигался медленно, цеплялся за стволы, расходился над дорогой и снова собирался в низинах. Фары выхватывали из него то один ствол, то второй, то мокрую траву у обочины.

Максимилиан смотрел не только на дорогу.

На обочины тоже.

На тёмные промежутки между деревьями.

На движение в лесу.

Никто не вышел.

Через несколько километров деревья начали редеть.

Туман остался позади.

Впереди снова открылась дорога.

Серый рассвет становился светлее. Над полями ещё держалась тонкая дымка, а мокрый асфальт отражал бледное небо длинной холодной полосой.

Максимилиан посмотрел вперёд.

И снова нажал газ.

Заправка появилась километров через двадцать.

Небольшая, почти пустая в этот час. Под белым навесом горел слишком яркий свет, на мокром бетоне дрожали отражения колонок и красной вывески круглосуточного магазина. С крыши непрерывно стекала вода, тонкой струёй уходя в водосток. Максимилиан свернул.

Остановился у крайней колонки, заглушил двигатель и вышел. После тёплого салона холод почувствовался сразу.

146 / 1064

Воздух был сырой, тяжёлый, с запахом мокрого бетона, бензина и земли. Где-то за зданием шумела вода, уходившая с крыши по водостоку.

На Mercedes ещё блестели капли после дороги. На капоте они собирались в мелкие дорожки и медленно стекали к краям. Максимилиан открыл бак, снял пистолет.

Пока шло топливо, он стоял рядом с машиной, одной рукой держа рукоять, другой достал телефон.

Три сообщения от Дениэла.

Одно от Виктории.

Письмо из Гамбурга.

На фоне ровного гула заправочной колонки он просмотрел заголовки, ничего не открыл и убрал телефон обратно. Щёлкнул пистолет.

Максимилиан вернул его на колонку, закрыл бак и пошёл внутрь. Дверь закрылась за спиной, отрезав на секунду холодный воздух и шум воды.

В магазине было тепло и слишком ярко после серого утра. За кассой сидел парень лет двадцати пяти и смотрел что-то в телефоне. При звуке двери поднял голову.

— Доброе утро.

— Две пачки этих.

Максимилиан показал на сигареты за его спиной.

— Ещё что-нибудь, сэр?

Он взял из холодильника бутылку воды.

— Это.

Расплатился и вышел.

Холод снова почувствовался сразу.

На улице уже стало заметно светлее.

Не теплее.

Над полями светлело небо. Туман постепенно уходил, растворяясь в низинах. Фонари под навесом всё ещё горели, но их свет уже терялся в наступающем дне.

Максимилиан сел в Mercedes, бросил сигареты на соседнее сиденье, открыл воду и сделал несколько глотков.

В салоне всё ещё сохранялось тепло.

На боковом стекле изнутри проступила лёгкая дымка.

Снаружи по кузову медленно ползли капли, собираясь на зеркале и срываясь вниз.

Он поставил бутылку в подстаканник.

Несколько секунд просто сидел, не заводя двигатель.

147 / 1064

За стеклом серое утро становилось светлее. На мокром бетоне продолжали дрожать отражения света, а за парковкой уже проступали поля.

Максимилиан распечатал сигареты.

Вытащил одну, прикурил.

Опустил стекло.

Холодный воздух сразу вошёл в салон.

Вместе с ним — запах мокрого асфальта, сырой земли и бензина. Дым потянуло наружу.

Он откинулся на спинку сиденья и сделал первую затяжку. На заправку въехал старый фургон.

Медленно прошёл под навесом. Шины зашуршали по мокрому бетону, оставляя за собой тонкий след воды. Водитель вышел в расстёгнутой куртке, зевнул, потянулся и потёр лицо.

Утро только начиналось.

Телефон завибрировал.

Дениэл.

Максимилиан посмотрел на экран.

Сбросил вызов.

Докурил.

Окурок погасил в автомобильной пепельнице, закрыл окно и несколько секунд ещё сидел неподвижно.

Потом завёл двигатель.

Мотор мягко ожил.

Mercedes тихо отъехал от навеса.

Мокрый бетон остался позади. Через несколько секунд красная вывеска исчезла в зеркале, а белый свет заправки растворился в сером утреннем свете.

Машина снова вышла на трассу.

Максимилиан набрал Дениэла сам.

Тот ответил почти сразу.

— Да.

— Келлер вводи в совет.

— С первого числа?

— Да.

— Полномочия?

Mercedes набирал скорость. Мокрые полосы дороги уходили назад одна за другой.

— Финансы выше двадцати миллионов через меня. Назначения верхнего уровня тоже. Остальное — без согласования. — Право голоса?

148 / 1064

— Полное.

Максимилиан перестроился в левую полосу, обошёл медленный фургон и вернулся обратно.

— Хорошо.

— Подготовь документы и передай ей.

— Сегодня?

— Сегодня.

Максимилиан отключился.

До родителей оставалось около получаса.

Хелена позвонила ему вчера вечером.

Максимилиан как раз выходил из офиса, когда на экране появилось её имя.

— Да, мама.

— Ты завтра улетаешь?

— В три.

— Куда?

— В Гамбург.

— На сколько?

— До пятницы.

— Значит, утром ты здесь.

Максимилиан нажал кнопку лифта.

— Утром я работаю.

— Но не в Гамбурге.

— Это не одно и то же.

— Для завтрака — одно.

Двери лифта открылись.

Максимилиан вошёл.

— Во сколько?

— В восемь.

— Буду.

— Хорошо.

Он уже собирался отключиться, когда Хелена добавила:

— И скажи отцу, что его кофе отвратительный.

Максимилиан нажал кнопку первого этажа.

— Ты ему это всю жизнь говоришь.

— И безрезультатно.

— Значит, я не помогу.

— Но я получу удовольствие.

Максимилиан усмехнулся.

— До завтра.

— До завтра.

149 / 1064

На часах было начало восьмого.

Дорога постепенно менялась.

Поля отступили. Появились первые дома, перекрёстки, автобусные остановки, редкие люди на тротуарах. У пекарни уже стояли две машины. Дверь открылась, выпуская в холодный воздух запах свежего хлеба. Мужчина в рабочей куртке вышел с бумажным пакетом и двумя стаканами кофе.

Максимилиан снизил скорость.

После трассы город казался медленным.

На втором светофоре пришлось остановиться.

Он взял воду, сделал несколько глотков и поставил бутылку обратно.

Загорелся зелёный.

Через несколько минут он свернул с главной дороги.

Здесь почти ничего не изменилось.

Невысокие дома. Старые деревья вдоль улицы. Аптека на углу, которая открывалась раньше всех остальных магазинов. Небольшой сквер напротив церкви.

После дождя улица блестела. На листьях ещё держались капли, вдоль бордюров темнела вода.

У пешеходного перехода Максимилиан пропустил женщину с собакой.

Собака остановилась посреди дороги.

Женщина потянула поводок.

Собака посмотрела на неё.

Потом на Mercedes.

И села.

Максимилиан положил ладонь на руль и ждал.

Женщина что-то сказала собаке.

Та не отреагировала.

Ещё раз потянула поводок.

Наконец собака поднялась и неохотно пошла дальше.

Женщина обернулась к машине и виновато подняла руку. Максимилиан коротко кивнул.

Поехал.

Дом родителей стоял в конце тихой улицы.

Он свернул к воротам.

Они начали открываться ещё до того, как Mercedes полностью остановился.

Максимилиан въехал во двор.

Машина отца стояла под навесом. Рядом с ней — маленькая

150 / 1064

тёмная машина Хелены.

Он припарковался, заглушил двигатель и взял с соседнего сиденья телефон и сигареты.

Когда Максимилиан поднялся на крыльцо, дверь открылась. Хелена стояла на пороге в домашних брюках и светлом свитере. Через двадцать минут они уже завтракали.

Хелена сидела напротив Максимилиана, Александр — во главе стола. Кофе действительно оказался нормальным, о чём Максимилиан сообщил матери после первого глотка и больше к этому вопросу не возвращался.

Хелена возражала:

— Он просто крепкий.

— Кофе должен быть крепким, — сказал Александр.

— Кофе должен быть вкусным.

— Одно другому не мешает.

Максимилиан отрезал кусок омлета.

— Столько лет.

Александр посмотрел на него.

— Что?

— У тебя было столько лет, чтобы перестать с ней спорить. — Я пробовал. Становится скучно.

Хелена положила на хлеб тонкий ломтик сыра.

Александр отпил кофе, а Максимилиан усмехнулся.

Некоторое время они ели молча.

За окном светлело. Дождь окончательно закончился, но с края крыши ещё срывались редкие тяжёлые капли. Одна ударила в металлический отлив.

Хелена посмотрела на сына.

— Сесилия с тобой не летит?

— Нет.

— Она не любит Гамбург?

— Не знаю.

— Ты не спрашивал?

— Нет.

Александр поднял глаза от тарелки.

— Исчерпывающие отношения.

— Нас обоих устраивают.

Хелена посмотрела на мужа.

— Я ничего не сказала.

— Но собиралась.

— Я спросила, летит ли она с ним.

151 / 1064

— Ты спросила три раза.

— Три разных вопроса.

Максимилиан взял чашку.

— Она не летит.

— Я поняла.

Хелена улыбнулась.

— Мне интересно.

— Что?

— Сколько ещё женщин будут тебя устраивать до сорока пяти? Максимилиан поставил чашку.

— Не знаю.

— Ты хотя бы понимаешь, насколько странно это звучит?

— Что именно?

— Твой план.

— Нормально он звучит.

Александр откинулся на спинку стула.

— Мне нравится часть, где в сорок пять он внезапно женится. — Не внезапно.

— Разумеется, — сказала Хелена. — По графику.

— Я не говорил «в сорок пять». Я сказал «до сорока пяти». — Прости. Это совершенно меняет дело.

Максимилиан посмотрел на мать.

— Ты спросила, собираюсь ли я вообще жениться. Я ответил. — Ты составил план.

— Я обозначил срок.

— Максимилиан, люди обычно не обозначают срок для женитьбы. — Люди много чего обычно не делают.

Александр спокойно доел омлет.

— Здесь он прав.

Хелена посмотрела на мужа.

— Не помогай.

— Я не помогаю. Мне интересно, что будет, если ему исполнится сорок пять, а подходящая женщина ему откажет.

Максимилиан пожал плечом.

— Значит, найду.

Хелена несколько секунд смотрела на него.

— Жену?

— Да.

— Найдёшь?

— Именно.

— Как нового финансового директора?

152 / 1064

— Финансового директора найти сложнее.

Александр хмыкнул.

Хелена медленно положила хлеб на тарелку.

— Иногда я очень рада, что ты мой сын и мне не приходится с тобой встречаться.

Максимилиан допил кофе.

Александр потянулся к кофейнику и долил ему ещё.

— А дети? — спросил Александр.

— Что дети?

— Тоже входят в план?

— Ради них он и существует.

Хелена перестала улыбаться.

На несколько секунд она просто смотрела на него, словно пыталась понять, шутит он или нет.

— Сколько?

Максимилиан посмотрел на неё.

— Детей?

— Нет, Максимилиан. Жён.

— Двое. Возможно, трое.

— Детей или жён? — спросил Александр.

Максимилиан перевёл на него взгляд.

— Не начинай.

Александр едва заметно усмехнулся и снова взял чашку.

Хелена не улыбалась.

— Вот именно эта часть меня и беспокоит.

— Какая?

— Что в твоём плане дети совершенно понятны, а женщина существует где-то между свадьбой и первым ребёнком.

Максимилиан перестал есть.

— Что ты хочешь знать?

— Что будет дальше. Ты нашёл женщину, она согласилась, у вас появились дети. Как, по-твоему, должна выглядеть её жизнь? — Как она захочет.

Хелена чуть подняла брови.

— В каком смысле?

— В прямом. Захочет работать — будет работать. Захочет строить карьеру — будет строить карьеру. Захочет заниматься детьми — будет заниматься детьми.

Хелена провела большим пальцем по краю ломтика хлеба, но есть его не стала.

— А если будет работать?

153 / 1064

— Наймём няню.

— А любовь?

— Детей я буду любить.

— Я не о детях.

— А я о них.

Хелена замолчала.

За окном снова сорвалась капля. На этот раз она ударила тише. Максимилиан поставил чашку.

— Я хочу детей. Хочу семью. Женщина, на которой я женюсь, будет это знать. Как будет знать всё остальное. Я не собираюсь обещать ей то, чего не могу гарантировать.

— Например, что будешь её любить?

— Например.

В голосе не было ни вызова, ни раздражения.

Хелена смотрела на него несколько секунд.

Потом убрала руку от хлеба.

— И её это должно устроить?

— Не должно.

Он взял хлеб.

— Устроит — хорошо. Не устроит — значит, это не та женщина. Александр медленно поставил чашку.

— По крайней мере, честно.

Хелена посмотрела на него.

— Я не спорю с честностью, — сказала Хелена.

Александр ничего не ответил.

Максимилиан снова посмотрел на мать.

— Тогда с чем?

Она посмотрела на сына.

За окном уже почти совсем рассвело. На стекле ещё оставались тёмные следы от дождя, а в комнате стало заметно светлее. — С твоей уверенностью, что жизнь согласится с твоим планом.

Секретер Максимилиан заметил ещё до завтрака.

Не рассматривал — просто отметил новую вещь в доме, который знал слишком хорошо, чтобы не заметить перемену.

Теперь, выйдя из столовой, он снова увидел его.

Секретер стоял в другом конце гостиной, между двумя окнами. Тёмное дерево. Латунь. Невысокий, широкий.

— Это подарок Виктории?

Александр вышел следом.

— Да.

154 / 1064

Максимилиан кивнул и достал из кармана телефон.

— Открой, — сказал Александр.

Максимилиан поднял глаза.

— Что?

— Секретер.

— Зачем?

— Открой.

Максимилиан убрал телефон обратно в карман, подошёл и взялся за край крышки.

Опустил её.

И задержал руку.

Внутри открывался целый маленький мир.

Свет из окон лёг на полированное дерево, и оно вспыхнуло тёплым янтарём. Под лаком проступал глубокий рисунок древесины — тёмные прожилки расходились широкими волнами, сбегались, снова расходились, и поверхность казалась почти текучей. Крышка легла горизонтально, продолжив этот рисунок перед ним, как пол.

А дальше пространство уходило в глубину.

Слева от самого края начиналась лестница. Свет скользнул по первым ступеням, задержался на тонком латунном поручне и побежал по нему вверх — через маленькие точёные балясины, одну за другой. Лестница поднималась вдоль стенки, поворачивала и исчезала наверху за выступом галереи. Справа начиналась вторая.

Между ними дерево становилось темнее. Под лестницами лежала тень, и в ней проступали крошечные дверцы с тонкими рамками, панели, узкие проёмы. Одна поверхность выступала вперёд, другая уходила за неё, следующая снова показывалась из глубины. Из-за этого взгляд всё время находил ещё один слой там, где секунду назад казалась сплошная стенка.

В центре округлялся небольшой выступ.

Над ним изгибалась балюстрада.

Латунь здесь была не яркой и новой. Мягкий золотистый блеск появлялся только там, куда попадал свет, а между балясинами металл темнел почти до бронзы. На поворотах по-

ручня оставались тонкие светлые полосы.

За галереей поднималась задняя стенка.

Там дерево уже почти не блестело. В глубоких арочных нишах стояли тени, а между ними теснились узкие отделения, похожие издали на корешки старых книг. Чем дальше внутрь уходил взгляд,

155 / 1064

тем спокойнее становился цвет — от золотисто-коричневого у края до густого тёмного ореха в глубине.

Максимилиан чуть сместился.

И всё изменилось.

По крышке прошла широкая полоса света. Латунный поручень на правой лестнице блеснул. Одна из ниш, только что почти чёрная, стала тёпло-коричневой, зато под центральной галереей сгустилась тень.

Он наклонился ближе.

Потом выпрямился и посмотрел сверху.

С этого угла лестницы уже не казались украшением. По ним можно было проследить путь — от широкой полированной плоскости внизу, вдоль стены, через поворот, к верхней галерее. Маленькие двери действительно куда-то открывались. За колоннами оставалось пространство. Балюстрады ограждали не

нарисованные площадки, а настоящие крошечные этажи. Всё было слишком маленьким, чтобы быть настоящим. И слишком настоящим, чтобы казаться миниатюрой.

Максимилиан медленно отпустил крышку.

Несколько секунд он ещё смотрел внутрь.

— Вот это уже интереснее.

Александр усмехнулся.

— Мы нашли три.

Максимилиан перевёл на него взгляд.

— Три чего?

Вместо ответа Александр протянул руку к левой лестнице. Провёл пальцем под нижней ступенью и нажал.

Ничего не произошло.

Тогда он сдвинул крошечную латунную балясину.

Где-то внутри тихо щёлкнуло.

Одна из панелей под лестницей отошла от стены ровно настолько, чтобы за край можно было зацепиться пальцем.

Александр потянул её на себя.

За панелью оказался неглубокий ящик.

В нём лежали два ключа и сложенный вчетверо лист бумаги. Максимилиан посмотрел сначала на ящик, потом на балясину. — Она двигается.

— Только одна.

Александр вернул ящик на место и нажал на панель. Та встала обратно без видимого зазора.

— Первый нашли почти сразу.

156 / 1064

— Кто?

— Твоя мать.

— Случайно?

— Конечно.

Максимилиан ещё раз посмотрел на нижнюю ступень.

— Второй?

Александр открыл одну из узких дверец справа.

За ней стояли несколько конвертов.

Он вынул их и положил на крышку.

За конвертами была обычная деревянная стенка.

Александр провёл пальцем вдоль верхнего края, нащупал небольшой выступ и сдвинул его в сторону.

Стенка бесшумно ушла назад.

Не открылась — именно ушла в глубину, освобождая узкое пространство сбоку.

Там лежали часы Александра.

Максимилиан протянул руку.

Не к часам.

К механизму.

Вернул стенку на место.

Сдвинул выступ.

Снова проверил движение.

В первый раз механизм почти не ощущался. Только в самом конце появлялось лёгкое сопротивление, а потом панель отпускало. Максимилиан закрыл дверцу.

Посмотрел на секретер целиком.

Первый тайник прятался за деталью, которая не должна была двигаться.

Второй — за пространством, которое казалось законченным. Хорошо.

Значит, третий не мог повторять ни то, ни другое.

Он медленно провёл взглядом по лестницам.

Под правой?

Нет. Повтор.

Центр сразу притягивал взгляд.

Слишком просто.

Тогда выше.

Максимилиан наклонился к галерее.

Балюстрада шла ровно. Одинаковые стойки, одинаковое расстояние между ними.

Почти.

157 / 1064

Он вернулся взглядом назад.

Между двумя балясинами оставалось чуть больше места. Максимилиан протянул руку.

Остановился.

Нет. Не балясина.

Ты уже использовал движение там, где его не ждут.

Тогда зачем расстояние?

Он посмотрел ниже.

Под балюстрадой шла тонкая деревянная планка. Рисунок волокон тянулся непрерывно — только в одном месте линия едва заметно уходила вниз.

Максимилиан провёл по ней пальцем.

Перепад почти не ощущался.

Он нажал.

Ничего.

Уголок его рта едва заметно дёрнулся.

Не нажать.

Он подцепил край ногтем и поднял планку.

Внутри тихо щёлкнуло.

Центральная часть выдвинулась вперёд.

Александр молчал.

Максимилиан потянул её на себя.

Плоский ящик.

Внутри лежали несколько фотографий.

— Третий, — сказал он.

— Третий.

Максимилиан вернул ящик на место.

— Сколько всего?

— Четыре.

Он снова посмотрел внутрь.

Четыре.

Хорошо.

Теперь уже не на дерево, не на латунь и не на маленькие лестницы. На чужую логику.

Куда бы ты поставил последний?

В центр — нет. Уже был.

Наверх?

Он проследил взглядом край галереи.

Нет. Слишком очевидно после третьего.

Лестница?

Возможно.

158 / 1064

Максимилиан проверил поворот, потом несколько ступеней. Ничего.

Тогда справа.

Нет.

Ты не стал бы повторяться на последнем.

Он отступил на полшага и снова посмотрел на секретер целиком. Телефон завибрировал в кармане.

Максимилиан достал его.

До выезда оставалось меньше времени, чем он рассчитывал. Он убрал телефон обратно.

Ещё раз посмотрел внутрь.

— Четвёртый нашли?

— Нет.

— Никто?

— Никто.

Максимилиан взялся за край крышки.

Перед тем как поднять её, задержался ещё на секунду. Где же ты его спрятал?

Ответа не было.

Он закрыл секретер.

Провёл ладонью по гладкому тёмному дереву.

— Хорошая работа.

V

ЭПИЗОД 21

В девять часов Тара включила первый станок.

И именно поэтому не слышала, как на соседний участок въехала чёрная машина.

Максимилиан слышал её через несколько минут после того, как вошёл в дом.

Сначала не понял, что именно слышит.

Остановился посреди гостиной, пока женщина, присматривавшая за домом в его отсутствие, объясняла что-то насчёт продуктов в

159 / 1064

холодильнике.

Звук исчез.

— Продолжайте.

Она продолжила.

Максимилиан снял пиджак, отдал его Дениэлу и прошёл к окну. Он не был здесь с апреля прошлого года.

Дом выглядел ровно так, как должен был выглядеть дом, в котором никто постоянно не жил. Чисто. Исправно. Без следов отсутствия хозяина, кроме самого отсутствия хозяина. Его это устраивало.

Он купил его семь лет назад именно потому, что здесь ничего не происходило.

До города было достаточно близко, чтобы при необходимости доехать без отдельной экспедиции, и достаточно да-

леко, чтобы никто не приезжал случайно. Участки большие. Дорога частная. Соседей почти не видно.

Тишина.

Вчера вечером он решил провести здесь четыре дня.

Сегодня утром пожалел об этом только один раз — когда Дениэл сообщил, что к одиннадцати всё-таки придётся провести видеоконференцию.

Второй раз он пожалел сейчас.

Звук появился снова.

На этот раз дольше.

Максимилиан повернул голову.

— Что это?

Дениэл тоже прислушался.

— Не знаю.

Женщина у двери знала.

— Мастерская.

Максимилиан посмотрел на неё.

— Какая мастерская?

— На соседнем участке. Там теперь живёт женщина. Дом продали, кажется, позапрошлой весной.

Он снова посмотрел в окно.

За деревьями была видна часть крыши соседнего дома. Дом он помнил.

Небольшой, старый, ничем не примечательный.

— Что за мастерская?

— По дереву, кажется.

Снова заработал станок.

160 / 1064

Максимилиан подождал.

Звук прекратился.

— Она этим каждый день занимается?

— Я не знаю. Наверное. Когда я здесь, часто слышно.

— И давно?

Женщина слегка растерялась.

— Ну... с тех пор как переехала.

Максимилиан перевёл взгляд на Дениэла.

— Узнай.

— Хорошо.

Через пятнадцать минут Максимилиан уже забыл о соседке. В одиннадцать началась видеоконференция.

Минут через десять за деревьями снова включился станок. Максимилиан замолчал на середине фразы.

На экране тоже замолчали.

Шум длился секунд двадцать.

— Продолжайте, — сказал он.

Через некоторое время заработало что-то другое.

Тише.

Потом громче.

Потом снова тихо.

К половине первого Максимилиан знал о деревообрабатывающем оборудовании соседки больше, чем хотел знать.

Дениэл вернулся к вопросу после обеда.

— Мастерская работает законно. Отдельное строение, разрешённое использование участка позволяет. Жалоб нет. По времени тоже нарушений нет.

Максимилиан поднял глаза от планшета.

— По шуму?

— В пределах нормы.

— Ты измерил?

— Нет. Проверил документы и требования. Если хотите, можно вызвать специалиста.

Максимилиан несколько секунд слушал очередной короткий визг за деревьями.

— Сначала поговори с ней.

Дениэл кивнул.

— Что предложить?

— Тишину.

Дениэл посмотрел на него.

Максимилиан поднял глаза.

161 / 1064

— Ты хочешь, чтобы я сформулировал?

— Я хочу понимать, чего именно вы хотите. Она работает в разрешённое время.

Это было справедливо.

Максимилиан откинулся в кресле.

— Я уеду в воскресенье. Пусть до воскресенья не включает то, что слышно здесь.

— Хорошо.

— Если потеряет деньги — компенсируй.

— Понял.

На этом для Максимилиана вопрос был закончен.

- Тара увидела Дениэла через окно.

Он стоял возле двери мастерской и явно ждал, пока она его заметит.

Это ей сразу понравилось.

Люди обычно делились на тех, кто после первого стука открывал дверь сам, и тех, кто начинал стучать сильнее, как будто работающий станок можно перекричать кулаком.

Тара выключила фрезер.

Сняла защитные очки.

Открыла дверь.

— Здравствуйте.

— Добрый день. Тара Рид?

— Да.

— Дениэл Мур. Я представляю владельца соседнего дома.

Тара сразу посмотрела в сторону деревьев.

— А.

Дениэл заметил это.

— Господин Вейл приехал сегодня утром.

— Я поняла.

Она уже примерно догадалась, зачем пришёл Дениэл. И почувствовала знакомое неприятное чувство.

Почти такое же, как когда мистер Ларсен много лет назад поймал её возле лифта и очень вежливо сообщил, что рейс-

мус слышно на пятом этаже.

— Очень мешает?

— Достаточно сильно.

Тара поморщилась.

— Чёрт.

Дениэл ничего не сказал.

Она вышла из мастерской и прикрыла дверь.

162 / 1064

— Я когда покупала дом, специально смотрела, чтобы вокруг было побольше расстояния. Мне сказали, этот дом почти всегда пустой. — Обычно так и есть.

— Ну да. Я за полтора года, кажется, вообще хозяина не видела. — Он редко здесь бывает.

Это почему-то сделало ситуацию ещё неприятнее.

Человек приезжал редко и, очевидно, не ради того, чтобы слушать её фрезер.

— А что именно слышно? Всё?

— Не всё.

— Рейсмус наверняка.

— Я не знаю, какой из них рейсмус.

Тара улыбнулась.

— Самый противный.

Дениэл чуть улыбнулся в ответ.

— Тогда, вероятно, его.

— Фрезер тоже может быть неприятным. Циркулярка недолго, но громко. Шлифовальную, думаю, у вас вообще не

слышно. Она задумалась.

— Во сколько ему особенно мешает?

— Господин Вейл останется до воскресенья.

Тара подождала продолжения.

— И?

— Он хотел бы, чтобы до его отъезда шумные работы здесь не проводились.

Тара несколько секунд смотрела на Дениэла.

— Совсем?

— Да.

— Сегодня среда.

— Да.

Она снова посмотрела на мастерскую.

Потом на Дениэла.

— Нет, так я не смогу.

Сказала без раздражения. Скорее с сожалением.

— У меня работа.

— Господин Вейл готов компенсировать вам простой.

Тара моргнула.

— Серьёзно?

— Да.

— Это очень щедро.

Дениэл немного подождал.

163 / 1064

— Но я всё равно не смогу.

Теперь уже он помолчал.

— Почему?

Тара открыла дверь мастерской.

— Хотите покажу?

Он явно не ожидал, но вошёл.

Тара провела его к большому столу в центре.

На нём лежали детали будущего журнального столика. Пока они выглядели не особенно впечатляюще.

— Вот это мне нужно закончить к пятнице.

Дениэл посмотрел.

— Стол?

— Журнальный.

Она подняла одну из деталей.

— Сегодня мне надо закончить здесь. Потом шлифовка. Потом масло. Между слоями оно должно нормально высохнуть. Если сегодня не сделаю то, что собиралась, завтра уже сдвигается. — Насколько?

— Этот? На несколько дней.

— Господин Вейл компенсирует задержку.

Тара улыбнулась.

— Да я понимаю. Но после него у меня следующий.

Она показала на сложенный у дальней стены материал. — Это шкаф. Потом столовая группа. Там ещё не всё дерево приехало, но к тому моменту должно. Потом две тумбы. Дениэл посмотрел туда, куда она показывала.

— Вы работаете одна?

— Да.

— Всегда?

— Почти. Если заказ большой и мне нужны дополнительные руки, привлекаю людей. Но обычно одна.

— И если вы остановитесь до воскресенья...

— В понедельник всё это никуда не исчезнет.

Дениэл кивнул.

— Господин Вейл может оплатить вам эти дни.

— Да.

Тара поставила деталь обратно.

— Но он же не сделает их за меня.

Дениэл на секунду улыбнулся.

Тара тоже.

— Я правда понимаю, — сказала она. — И мне неудобно. Я могу

164 / 1064

завтра начать шумное позже. Сегодня постараюсь закончить всё самое громкое до четырёх. В пятницу у меня вообще в основном шлифовка и покрытие. Это намного тише.

— А полностью остановить работу?

— Нет.

Она чуть виновато развела руками.

— Простите.

— Вам не за что извиняться передо мной.

— Ну, тогда перед господином Вейлом.

Дениэл кивнул.

— Я передам.

— Скажите, что я правда постараюсь меньше шуметь.

— Скажу.

Тара проводила его до двери.

Уже на улице спросила:

— А он обычно когда приезжает? Я могу хотя бы знать заранее и планировать что-то потише.

— Обычно настолько редко, что, думаю, это будет сложно планировать.

— Понятно.

Она посмотрела на крышу за деревьями.

— Не повезло человеку.

Дениэл посмотрел на неё.

Тара засмеялась.

— Я серьёзно. Полтора года тишина, приехал — и я тут.

— Передам не всё.

— Спасибо.

Он ушёл.

Тара ещё несколько секунд постояла возле двери.

Ей действительно было неудобно.

Настолько, что она вернулась внутрь, посмотрела на список работ и минут десять переставляла их местами.

Рейсмус сегодня больше можно было не включать.

Фрезеровку закончить сейчас.

Распил перенести на завтра после десяти.

В пятницу действительно будет тихо.

Она взяла карандаш, переписала порядок на листе и при-

крепила его к стене.

Потом надела очки.

Включила фрезер.

— Отказалась, — сказал Дениэл.

165 / 1064

Максимилиан поднял голову.

За окнами как раз снова заработало то, что он уже начинал узнавать по звуку.

— От денег?

— От простоя.

— Я понял. Почему?

— У неё заказы.

— Какие?

— Сейчас заканчивает журнальный столик. В пятницу должен быть готов. После него шкаф, столовая группа, ещё два заказа. Если остановится сейчас, сдвинется всё.

Максимилиан положил планшет на стол.

— Сколько человек у неё работает?

— Она одна.

— Одна?

— Да.

Он посмотрел в сторону окна.

— И из-за журнального столика она не может остановиться на три дня?

— Она обещала закончить его к пятнице.

— И?

— И хочет закончить к пятнице.

Максимилиан несколько секунд смотрел на него.

— Дениэл, это журнальный столик.

— Да.

— Не насос для системы охлаждения. Не вал, без которого стоит линия. Столик.

— Для неё это работа.

— Я не говорил, что это не работа. Я предложил оплатить ей четыре дня работы за то, чтобы она четыре дня не работала. — Три с половиной.

— Тем более.

Дениэл сел напротив.

— Она готова изменить график. Сегодня закончить шумное до четырёх. Завтра начать позже. В пятницу, говорит, будет в основном шлифовать и покрывать.

Фрезер за окном замолчал.

Стало тихо.

Максимилиан посмотрел в окно.

— Предложи вдвое больше.

— Не думаю, что сумма что-то изменит.

166 / 1064

— Почему?

— Потому что она не торговалась.

Максимилиан перевёл на него взгляд.

— Все торгуются.

— Она сказала, что предложение очень щедрое.

— И отказалась.

— Да.

— Это называется плохо торговаться.

Дениэл усмехнулся.

Максимилиан не усмехнулся.

— Предложи вдвое больше. Если проблема в сроке перед клиентом — компенсируй клиенту перенос.

— А если она снова откажется?

— Тогда спросишь почему.

— Я уже спросил.

— И?

— Потому что она не хочет переносить заказ, который обещала закончить к пятнице.

Максимилиан несколько секунд молчал.

— Мы точно всё ещё говорим о журнальном столике?

— Да.

Он взял планшет.

— Предложи.

Дениэл поднялся.

У двери Максимилиан окликнул его:

— И выясни, что это за оборудование.

Дениэл обернулся.

— Зачем?

За деревьями опять что-то завывало.

Максимилиан посмотрел в ту сторону.

— Потому что я хочу знать, какая именно хрень не даёт

мне работать.

--Во второй раз Дениэл пришёл, когда Тара уже закончила фрезеровку.

Увидев его, она сняла очки.

— Быстро.

— Господин Вейл увеличил предложение.

Дениэл назвал сумму.

Тара перестала улыбаться.

Несколько секунд смотрела на него.

— Он серьёзно?

167 / 1064

— Абсолютно.

— Но это же глупо.

Дениэл чуть поднял брови.

— Простите. Не передавайте вот это.

— Не буду.

— Просто я не понимаю, зачем платить столько денег за несколько дней тишины.

— Он хочет тишины.

— Это я уже поняла.

— И готов за неё заплатить.

Тара посмотрела на детали столика.

Сумма была хорошая.

Очень хорошая.

На несколько секунд в ней даже проснулся бывший бухгалтер и потребовал не быть идиоткой.

Тара мысленно велела ему заткнуться.

— Но я всё равно откажусь.

— Он также готов компенсировать вашему клиенту перенос срока. Теперь она откровенно растерялась.

— Моему клиенту?

— Да.

— А клиент тут при чём?

Дениэл помолчал.

— Вы сказали, что обещали ему пятницу.

— Да.

— Господин Вейл предлагает решить эту проблему.

— Но это не проблема клиента.

— Тогда чья?

— Моя.

Тара провела ладонью по краю стола.

— Я взяла заказ. Назвала срок. Если сейчас всё передвину просто потому, что мне заплатили за то, чтобы я не работала, ничего страшного, конечно, не случится. Никто не умрёт из-за журнального столика.

— Именно это, подозреваю, сказал бы господин Вейл. Она рассмеялась.

— Но я всё равно не хочу переносить.

— Даже за эту сумму?

— Даже.

Дениэл кивнул.

— Хорошо.

— Он сильно разозлится?

Дениэл подумал.

— Его раздражает шум.

Тара вздохнула.

— Передайте, пожалуйста, что мне правда жаль. После четырёх сегодня будет тихо. И завтра до десяти.

— Передам.

Он повернулся к двери.

— Дениэл.

— Да?

— А что он делает здесь?

— Работает.

Тара перевела взгляд на мастерскую.

— А.

Ей почему-то стало ещё неловче.

— Тогда до четырёх. Точно.

— Нет, — сказал Дениэл.

Максимилиан оторвался от документа.

— Что нет?

— Она снова отказалась.

— Почему?

— Потому что не хочет переносить заказ.

— Я предложил оплатить перенос.

— Да.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что она обещала закончить его в пятницу.

Максимилиан медленно положил документ.

— Мы это уже обсуждали.

— С ней тоже.

— И?

— И она всё равно отказалась.

Максимилиан встал.

Подошёл к окну.

За деревьями ничего не было видно, кроме крыши маленького дома и части кирпичной постройки.

Где-то там женщина, которую он никогда не видел, делала журнальный столик.

И ради этого журнального столика он уже второй раз за день обсуждал деньги, сроки и производственный график.

Абсурд.

— Она хотя бы понимает, что мешает?

169 / 1064

— Да.

— Или изображает?

— Нет. Ей действительно неудобно.

Это почему-то раздражало ещё больше.

Если бы соседка оказалась скандальной идиоткой, всё было бы проще хотя бы концептуально.

— Она обещала после четырёх тишину. Завтра шумные работы начнёт после десяти. В пятницу почти ничего громкого не будет. Максимилиан посмотрел на часы.

До четырёх оставалось чуть больше получаса.

— Великодушно.

Дениэл промолчал.

— Что за оборудование?

— Рейсмус, фрезер, циркулярная пила. Ещё несколько станков. Всё не запомнил.

Максимилиан посмотрел на него.

— Ты видел?

— Да.

— Большая мастерская?

— Нет.

— Производство?

— Нет. Она работает одна.

— Я помню.

Он снова посмотрел за окно.

Женщина.

Одна.

Фрезер.

Рейсмус.

Журнальный столик к пятнице.

Максимилиан потёр большим пальцем висок.

— Блядь.

— Что?

— Ничего.

Незадолго до четырёх станок за деревьями замолчал. В четыре больше не включился.

Максимилиан заметил это.

И разозлился на себя за то, что заметил.

ЭПИЗОД 22

170 / 1064

На следующее утро первый станок заработал в десять восемь. Максимилиан посмотрел на часы.

Не потому, что ждал.

Он сидел за столом с ноутбуком с половины восьмого и к десяти успел провести два разговора, один из которых закончился увольнением человека, которого он никогда не видел лично. В девять пятьдесят восемь за деревьями было тихо.

В десять — тоже.

В десять восемь включился фрезер.

Максимилиан узнал его.

Это раздражало отдельно.

К одиннадцати снова стало тихо.

В одиннадцать двадцать Дениэл сообщил, что машина ждёт, и Максимилиан закрыл ноутбук.

Когда они вышли из дома, у ворот стоял грузовик.

Поперёк въезда.

Максимилиан остановился.

— Это что?

Дениэл посмотрел туда же.

— Полагаю, доставка.

— Я вижу.

Возле кабины стояла женщина.

Светлые волосы были кое-как собраны сзади, тёмные рабочие брюки, серая рубашка с закатанными рукавами. Она показывала водителю назад.

— Нет, вам следующий въезд нужен. Теперь прямо сдавайте. Прямо. Если сейчас начнёте выворачивать, там канава. Водитель высунулся из окна.

— Я проеду.

— Не проедете.

Женщина посмотрела на расстояние между грузовиком и столбом. — Хорошо. Но столб мой только наполовину, поэтому вторую половину будете объяснять соседу.

Водитель засмеялся.

Она обошла грузовик и увидела их.

Сначала Дениэла.

— Доброе утро.

— Доброе.

Потом Максимилиана.

— Простите. Он въезд перепутал. Сейчас уедет.

— Вижу.

171 / 1064

Она кивнула и осталась ждать, пока водитель закончит манёвр. Максимилиан посмотрел на Дениэла.

— Это она?

— Да.

Тара Рид.

Почему-то Максимилиан представлял её старше.

И значительно крупнее.

Вероятно, из-за количества производимого ею шума.

На самом деле она была около метра семидесяти. Нормального женского роста, который рядом с ним почти переставал иметь значение.

Теперь, когда она стояла перед ним, он рассмотрел её без спешки. Светлые волосы. Очень светлая кожа. Немного древесной пыли на рубашке и на щеке.

Губы он заметил сразу.

Пухлые, яркие на бледном лице настолько, что сначала показались подкрашенными.

Нет.

Просто такие.

Хороший рот.

Взгляд скользнул ниже.

Грудь.

Талия.

Бёдра.

Не худая. Мягкая, женственная фигура.

Привлекательная.

Тара стояла прямо перед ним.

И прекрасно видела, куда он смотрит.

Максимилиан этого не скрывал.

Спокойно, открыто, будто ничего необычного в этом не было. От лица до бёдер и обратно.

Тара почувствовала, как горячо стало шее.

Чёрт.

Она осталась стоять как стояла.

Отводить глаза было глупо.

На светлой коже румянец проступал быстро.

Максимилиан поднял взгляд к её лицу.

Заметил.

Сначала шею под открытым воротом рубашки, потом лёгкий румянец выше.

Он понял.

172 / 1064

Тара увидела, что понял.

И покраснела сильнее.

Замечательно.

Грузовик наконец выровнялся.

— Всё, — сказала она водителю. — Теперь следующий въезд. Потом повернулась к мужчинам.

— Ещё раз извините.

И собралась уйти.

— Тара Рид.

Она остановилась.

— Да?

— Максимилиан Вейл.

— А.

Вот теперь всё стало окончательно понятно.

Она посмотрела на него внимательнее.

Огромный.

Не просто высокий. Крупный весь — плечи, руки, шея. Рядом с ним её собственный рост вдруг ощущался гораздо сильнее, чем обычно.

А ведь это именно перед ним она только что стояла и краснела, пока он её рассматривал.

Прекрасно.

— А. Так это вам я мешаю.

— Мне.

— Тогда за мастерскую тоже простите.

— За грузовик или за мастерскую?

Тара чуть растерялась.

Потом усмехнулась.

— Теперь уже, видимо, за всё.

Дениэл промолчал.

— Я сегодня начала после десяти, — сказала она. — И всё самое громкое уже закончила. После обеда будет тихо.

— Я заметил.

— Хорошо.

Тара кивнула.

Водитель посигналил.

— Сейчас!

Она подняла руку.

Максимилиан посмотрел на грузовик.

— Ещё дерево?

— Да. Для шкафа.

— А столик?

Тара не сразу поняла.

— Какой?

— Журнальный.

— А. Почти готов. Сегодня покрытие, завтра заберут.

Максимилиан кивнул.

— Значит, это стоило трех дней тишины.

Фраза прозвучала совершенно спокойно.

Почти корректно.

Тара почувствовала, как снова вспыхнула шея.

Теперь уже не только от смущения.

Что тут объяснять второй раз?

— Простите, что мешаю, — сказала она. — Правда. После двух будет тихо.

Максимилиан посмотрел на неё.

— Хорошо.

— Тогда не буду вас задерживать.

Она кивнула Дениэлу.

— До свидания.

— До свидания, — ответил тот.

Максимилиану она тоже кивнула и пошла к грузовику. Он проводил её взглядом.

Тара почувствовала.

Не обернулась.

Максимилиан сел в машину.

Соседка оказалась совсем не такой, какой он её представлял. Привлекательной.

Особенно рот.

Это никак не меняло остальных обстоятельств.

Мастерская по-прежнему мешала.

Журнальный столик по-прежнему оставался журнальным столиком.

— Крамер подтвердил встречу? — спросил он.

— Да. В двенадцать тридцать.

Максимилиан открыл сообщение на телефоне.

— Хорошо.

Через минуту он уже читал присланные цифры.

--Тара дождалась, пока машина выедет за ворота.

Потом провела ладонью по шее.

Горячая.

Ну прекрасно.

174 / 1064

— Тара! — позвал водитель.

— Иду.

Она направилась к своему участку.

Первые несколько шагов пыталась убедить себя, что ничего особенного не произошло.

Не получилось.

Он её разглядывал.

Не посмотрел.

Именно разглядывал.

Спокойно, обстоятельно и совершенно не стесняясь того, что она всё видит.

А она стояла перед ним и краснела.

В тридцать семь лет.

Прекрасно.

Потом он открыл рот — и стало легче.

Тара дошла до мастерской, открыла ворота пошире и показала водителю:

— Сюда. Задом удобнее.

— До самой двери?

— Да.

Она надела перчатки.

И только тогда позволила себе сформулировать первое настоящее впечатление о новом соседе.

— Мудак.

— Что? — переспросил водитель.

Тара посмотрела на него.

— Говорю, левее берите. Там удобнее.

— А.

— Ещё левее.

Она отошла в сторону, освобождая ему место.

Через пять минут у неё были дерево, работа и совершенно другие вещи, о которых следовало думать.

ЭПИЗОД 23

Ветка упала в ночь со среды на четверг.

Тара обнаружила её утром, когда вышла к воротам за коробкой с фурнитурой, которую курьер почему-то оставил не у дома, а возле почтового ящика.

Коробка была небольшой.

175 / 1064

Ветка — нет.

Она легла наискосок через край подъездной дороги, верхушкой зацепив кусты с её стороны, и окончательно решила вопрос с тем, сможет ли сегодня мусорная машина нормально развернуться. — Прекрасно, — сказала Тара.

Ветка ничего не ответила.

Ночью действительно дуло. Около трёх Тара проснулась от дождя, который бил в окно спальни почти горизонтально. Она встала, закрыла оставленную на проветривание форточку и снова легла. К утру ветер стих.

Дождь закончился.

Всё вокруг выглядело вымытым и слегка потрёпанным. На дорожке лежали листья, один из садовых стульев на заднем дворе оказался на боку, а мусорный бак каким-то образом уехал к соседнему забору.

Тара сначала вернула бак.

Потом сфотографировала ветку и отправила снимок Дениэлу. Она не была уверена, кому принадлежало дерево. Ствол рос со стороны участка Вейла, но ветви давно перебрались через границу и совершенно не интересовались кадастровыми вопросами.

Ответ пришёл минут через десять.

Уберём сегодня.

Тара написала:

Спасибо. Она вроде ничего не задела.

Подумала и добавила:

Кроме моего желания работать. Но это уже не ваша ответственность.

Ответа не последовало.

Тара посмотрела на экран.

— Вот поэтому с серьёзными людьми нельзя шутить до девяти утра.

Она подняла коробку и пошла в мастерскую.

К четырём о ветке она почти забыла.

День оказался обычным и хорошим — именно той разнообразностью хорошего, которую трудно объяснить человеку, не любящему свою работу.

Ничего выдающегося не произошло.

Она закончила шлифовку двух фасадов, созвонилась с клиентом насчёт оттенка масла, обнаружила, что заказанных ручек пришло одиннадцать вместо двенадцати, написала поставщику и получила

176 / 1064

извинения с обещанием дослать последнюю.

В половине пятого Тара выключила вытяжку.

Несколько секунд просто стояла.

Тишина после мастерской всегда ощущалась иначе, чем

обычная. Будто кто-то не просто выключил звук, а внезапно освободил место внутри головы.

Тара собрала волосы, посмотрела на рукав рабочей рубашки и обнаружила на нём пятно масла.

— Ну конечно.

Домой она пошла через двор.

Приняла душ.

Потом минут десять стояла перед открытым холодильником, пытаясь решить, можно ли считать сыр, помидор и два маринованных огурца ужином.

В принципе, можно было считать чем угодно.

Организм, возможно, придерживался другого мнения. Она достала сыр.

Телефон зазвонил в тот момент, когда Тара уже собиралась закрыть холодильник.

Майя.

— Если ты звонишь предложить мне куда-нибудь поехать, я сразу нет.

— Добрый вечер и тебе. Почему сразу поехать?

— Потому что в прошлый раз ты начала с «что делаешь в субботу», а закончила предложением пройти шестнадцать километров по горам.

— Было красиво.

— На фотографиях тоже было красиво. И гораздо менее вертикально.

Майя засмеялась.

Тара прижала телефон плечом и достала помидор.

Через семь минут выяснилось, что Майя никуда её не звала. Ей нужно было пожаловаться на женщину из родительского чата, которая третий день пыталась организовать детям

«по-настоящему полезный» школьный праздник без сахара, пластика и, судя по всему, радости.

Тара выслушала, выразила сочувствие детям и посоветовала тайно пронести шоколад.

Потом они ещё несколько минут поговорили ни о чём. Майю позвали из другой комнаты, и разговор закончился.

Тара посмотрела на сыр.

177 / 1064

Потом на помидор.

— Нет.

Она убрала всё обратно и решила сделать омлет.

Именно в этот момент за окном прошла машина с подъёмником. Тара вспомнила про ветку.

Работать она сегодня больше не собиралась, но завтра утром ей должны были привезти две длинные доски. Если проезд останется перекрыт, водитель обязательно позвонит ей с дороги и начнёт объяснять, что машина большая.

Как будто она могла уменьшить её по телефону.

Тара натянула джинсы, свитер и вышла посмотреть, что происходит.

Возле дороги стояли два грузовичка. Один — с измель-

чителем веток, второй — с подъёмником. Сломанную ветвь уже почти расчленили: большая часть лежала аккуратными кусками вдоль обочины, а мужчина в оранжевой куртке смотрел вверх, на дерево. Второй заметил Тару.

— Вы из этого дома?

— Да.

— Мы сейчас дорогу освободим полностью. Минут двадцать, может, меньше.

— Мне только к утру нужно. Не торопитесь.

Она подошла ближе и посмотрела на то, что осталось от ветки. Вблизи она оказалась ещё толще, чем казалась утром.

— Ничего у вас не задело?

— Нет. Повезло. Только кусты немного придавило, но они переживут. Я утром посмотрела.

— Хорошо.

Мужчина в оранжевой куртке всё ещё смотрел наверх. — А вот с этим я бы не тянул.

Тара тоже подняла голову.

— С чем?

Он показал.

— Видите развилку?

Она увидела развилку. Что именно должна была увидеть в ней ещё, осталось загадкой.

— Допустим.

Мужчина улыбнулся.

— Там трещина старая. Вода заходила не первый год. Эта

ветка не просто от ветра ушла. Ветер помог.

— А-а.

178 / 1064

Это уже звучало менее безобидно.

— Всё дерево?

— Нет. Это можно почистить. Но вот то рядом мне не нравится больше.

Тара перевела взгляд.

Рядом росло другое дерево — высокое, с широкой кроной, закрывавшей значительную часть соседнего дома.

— А с ним что?

— Наклон. И корневая с этой стороны поднята. Надо смотреть. Тара нахмурилась.

— Жалко.

— Пока никто не пилит.

— Уже легче.

За спиной послышалась машина.

Она автоматически отошла ближе к обочине.

Чёрный автомобиль остановился за одним из грузовиков. Тара узнала его не сразу.

Сначала открылась задняя дверь, потом из машины вышел Максимилиан Вейл.

И только тогда она вспомнила, что Дениэл утром написал «уберём», а не «я пришлю кого-нибудь».

Это, конечно, совершенно ничего не значило.

У людей вроде Вейла наверняка существовало человек де-

сять, которые могли сказать «уберём» от его имени.

Максимилиан увидел её почти сразу.

На нём было тёмное пальто поверх костюма. Галстука не было, верхняя пуговица рубашки расстёгнута. Вероятно, он приехал из города после работы.

Тара вдруг подумала, что впервые видит его без древесной пыли между ними.

Мысль была глупая.

Пыль в прошлый раз была на ней.

Он подошёл.

— Добрый вечер.

— Добрый.

Никакого особенного выражения при виде неё на его лице не появилось.

Это почему-то немного успокаивало.

Мужчина в оранжевой куртке уже направился к нему. —
Господин Вейл?

— Да.

179 / 1064

Они пожали руки.

— Петер Хольц. Мы разговаривали по телефону.

— Я помню. Что с деревом?

И всё.

Ни раздражения из-за перекрытого проезда. Ни недовольства тем, что работа ещё не закончена. Ни того неприятного тона, которого Тара почему-то ожидала.

Петер показал ему место слома и начал объяснять.

Максимилиан слушал.

Не делал вид, что слушает. Не перебивал, чтобы показать, что уже всё понял. Несколько раз уточнил что-то о глубине трещины и состоянии древесины, потом подошёл ближе к стволу, когда Петер позвал его посмотреть.

Второй мужчина тоже включился в разговор.

Тара осталась стоять рядом.

Вообще-то она уже могла идти домой.

Проезд к утру будет свободен. Кусты живы. На этом её участие в судьбе ветки заканчивалось.

Но ей стало интересно.

Петер перешёл ко второму дереву.

— Вот это хуже. Я бы рекомендовал убрать.

Максимилиан поднял голову.

— Причина?

Петер снова объяснил про наклон и корневую систему. Максимилиан спросил, насколько вероятно падение. Петер ответил, что проценты ему никто честно не назовёт, но дерево стоит неудачно: если пойдёт, часть кроны ляжет на дорогу, а при другом направлении может задеть строение.

— Можно определить состояние корней без удаления?

— Можно. Я бы сначала сделал обследование. Томографию ствола тоже, раз уж будем заниматься. Тогда будет понятно.

— Делайте.

Петер кивнул.

— Хорошо. Я завтра согласую время с вашим помощником. Максимилиан посмотрел на дерево ещё раз.

— Если обследование покажет существенное повреждение, убирайте.

— Подождите, — сказала Тара.

Три головы повернулись к ней.

Она посмотрела на дерево.

Потом на Максимилиана.

180 / 1064

— Его прямо обязательно сразу убирать?

— Если оно опасно — да.

— Жалко.

Он несколько секунд смотрел на неё.

— Это основание оставить его?

— Нет. Это сообщение о моих чувствах.

Петер кашлянул.

Тара подозрительно посмотрела на него.

Он совершенно невинно отвернулся к грузовику.

Максимилиан спросил:

— Вы к нему привязаны?

— Мы не настолько близки. Но оно красивое.

Он несколько секунд смотрел на неё.

Потом поднял голову.

Крона была густой, широкие ветви уходили далеко в стороны, переплетаясь над дорогой. После ночного дождя листья ещё блестели, и с нижних время от времени срывались

капли. — Кроме того, — добавила она, — оно почти полностью закрывает ваш дом.

Максимилиан перевёл взгляд на неё.

— Полагаю, это обстоятельство для вас важнее красоты.
— Существенно.

Петер всё-таки улыбнулся.

Максимилиан заметил.

Никакой реакции не последовало.

— Мой дом настолько портит вам вид?

— Он огромный.

— Это не ответ.

— Для меня вполне.

— Размер дома и его эстетические качества — разные характеристики.

Тара посмотрела на него.

— Вы сейчас защищаете честь своего дома?

— Нет. Я пытаюсь понять претензию.

— У меня нет претензии. Мне нравится дерево.

— Потому что оно закрывает дом.

— В том числе.

— Который вам не нравится.

Тара задумалась.

— Я его почти не вижу. Благодаря дереву. Поэтому у меня пока недостаточно данных.

181 / 1064

Петер отвернулся уже совершенно откровенно.

Уголок рта второго мужчины тоже дрогнул.

И Тара рассмеялась.

Не над Максимилианом даже.

Над самим разговором.

Над тем, что взрослый мужчина ростом почти с это несчастное дерево стоял посреди мокрой дороги и с абсолютной серьёзностью добивался от неё корректной классификации отношения к дому, в котором она никогда не была.

Максимилиан смотрел на неё.

— Что?

— Ничего.

— Очевидно, что-то.

— Вы всегда так разговариваете?

— Как?

Она открыла рот.

И закрыла.

Вопрос неожиданно оказался сложнее, чем казался.

В прошлый раз ей было не до анализа. Он раздражал её почти с первой минуты. Точнее, сначала пугал, потом смущал, потом оскорбил её работу — и к тому моменту, когда уехал, она вполне искренне назвала его мудаком.

Не в лицо.

Что тоже, наверное, следовало считать проявлением здравого смысла.

Сегодня он не сделал ничего из этого.

Он приехал к собственному дому после рабочего дня.

Спокойно поздоровался. Выслушал человека, который разбирался в деревьях лучше него. Задавал вопросы именно ему, а не изображал специалиста сам. Не поторапливал. Не напомнил, кто платит. Не говорил с рабочими так, будто их время и достоинство прилагались к счёту за услуги.

И всё равно рядом с ним оставалось то же самое ощущение. Будто пространство слегка перестраивалось под него. Не потому, что он его захватывал.

Он просто не оставлял сомнений в том, что собирается делать со своей частью этого пространства.

Тара вдруг поняла, что ошиблась в прошлый раз.

Не в том, что он был неприятным.

В причине.

Она решила, что застала его раздражённым. Человек приехал в

182 / 1064

загородный дом за тишиной, получил вместо неё несколько дней работы станков, потом ещё грузовик у ворот. Разумеется, был недоволен.

Удобное объяснение.

Только сейчас Максимилиан Вейл не был недоволен. Кажется, он вообще находился в совершенно нормальном настроении.

И был ровно таким же.

А.

Тара посмотрела на него внимательнее.

Так это не настроение.

Станным образом от этой мысли стало даже легче.

Если человек сердится, приходится понимать почему. Если ты имеешь к этому отношение — решать, что с этим делать. А если он просто такой, проблема значительно упрощалась. Хотя сам человек — вряд ли.

— Ну? — спросил Максимилиан.

Она вспомнила, что оставила его с вопросом.

— Вы разговариваете так, будто любое предложение должно пройти проверку перед тем, как вы разрешите ему существовать. Петер опустил голову.

Теперь уже совершенно точно потому, что смеялся.

Максимилиан мельком посмотрел на него, потом снова на Тару. — Это преувеличение.

— Небольшое.

— Значительное. Я не проверяю каждое предложение. Большинство не требует проверки.

— Видите?

— Что именно?

Тара опять засмеялась.

На этот раз он понял.

Это было видно не по улыбке — он не улыбнулся, — а по короткому изменению взгляда.

— Вы сами спросили, — сказал он.

— Да. И получила исчерпывающий ответ.

--В первый раз Максимилиан решил, что она краснеет лег-

ко. Оказалось — не только.

Она легко смеялась тоже.

Не постоянно и не по обязанности. Не тем социальным смехом, которым люди заполняли паузы и сообщали друг другу, что разговор идёт успешно.

183 / 1064

Ей действительно становилось смешно.

Сейчас она стояла в двух метрах от него в джинсах и светлом свитере, без той бесформенной рабочей рубашки, которая была на ней в прошлый раз. Волосы ещё не до конца высохли и загибались у подбородка. На лице почти не было косметики.

Максимилиан снова посмотрел на её рот.

Первое впечатление не изменилось.

Хороший рот.

Она вообще оказалась привлекательнее, чем он запомнил. В прошлый раз этому мешало раздражение.

Не желанию — оценке.

Он тогда слишком хотел, чтобы грузовик исчез, мастерская заткнулась, а женщина перед ним перестала объяснять, почему журнальный столик необходимо закончить именно сейчас. Сегодня она ничего ему не объясняла.

И не извинялась.

Разница была заметной.

Она держалась свободнее. Не пыталась казаться увереннее, чем была, — просто сейчас ей нечего было перед ним

оправдывать. Разговаривала с Хольцем до его приезда, задавала вопросы, слушала ответы. Потом совершенно спокойно вступила в разговор о дереве, хотя прекрасно понимала, что дерево не её и решение принимать не ей.

И когда он спросил, является ли её сожаление основанием оставить потенциально опасное дерево, она не стала доказывать, что имеет право голоса.

Просто сообщила, что ей его жалко.

Максимилиану это почему-то понравилось.

Как и то, что она смеялась над ним, не пытаясь его задеть.

Он посмотрел ниже.

Свитер заканчивался на бёдрах. Джинсы сидели хорошо. В прошлый раз он уже оценил её фигуру.

Сейчас просто подтвердил собственную оценку.

Он бы её трахнул.

Мысль пришла без подготовки и не потребовала продолжения. Максимилиан давно не придавал особого значения самому факту желания. Женщина либо привлекала его, либо нет. Иногда это имело практическое продолжение, иногда не имело.

Тара Рид привлекала.

Сильно.

Это не делало её мастерскую менее шумной, журнальный столик

184 / 1064

— более значимым, а её маленький дом — более умест-

ным рядом с его участком.

Одно к другому отношения не имело.

— Господин Вейл, — позвал Хольц.

Максимилиан повернулся.

— Да.

— Эту часть сегодня вывезем. Крупные куски можем оставить, если нужны на дрова, но там древесина не очень.

— Вывозите.

— Хорошо.

Тара посмотрела на распиленные части ветви.

— Подождите. А можно мне один?

Максимилиан взглянул на неё.

— Зачем?

— Вот опять.

— Что?

— Проверка предложения.

— Я задал вопрос.

— Конечно.

Она подошла к куче и наклонилась над одним из кусков.
Максимилиан проследил взглядом.

Петер спросил:

— Вам какой?

— Вот этот можно?

— Можно. Только он тяжёлый.

— Я вижу.

— Я вам отнесу.

— Спасибо. Тогда к мастерской, пожалуйста.

Максимилиан посмотрел на кусок дерева.

Потом на неё.

— Что вы собираетесь с ним делать?

Тара выпрямилась.

— Пока не знаю.

— Тогда зачем он вам?

Она несколько секунд смотрела на него совершенно серьёзно. — Понравился.

— Это всё?

— Да.

— Вы забираете кусок повреждённого дерева, потому что он вам понравился.

— Максимилиан, вы купили дом такого размера, в котором почти

185 / 1064

не живёте.

Петер замер.

Второй мужчина тоже.

Тара, кажется, только после произнесённого поняла, что впервые назвала его по имени.

Максимилиан это отметил.

Как отметил и то, что она на секунду сама удивилась, но отступить не стала.

— Дом имеет назначение, — сказал он.

— У куска дерева тоже будет. Я просто пока его не при-

думала. — Убедительно.

— Спасибо.

— Это не было комплиментом.

— А я решила забрать, пока дают.

Она улыбнулась Петеру.

— Если не трудно, правда оставьте у мастерской.

— Без проблем.

Максимилиан посмотрел на неё.

— И что обычно происходит с вещами, назначение которых вы ещё не придумали?

— Иногда ничего. Они лежат и раздражают меня несколько месяцев.

— Рационально.

— А иногда я придумываю.

— И тогда?

— Тогда перестают раздражать.

На этот раз он усмехнулся.

Совсем коротко.

Но Тара заметила.

И почему-то именно это удивило её сильнее всего за последние десять минут.

Не то, что он умеет улыбаться. Разумеется, умеет. Ему сорок с лишним, а не семьсот, и он не был древним проклятием, охраняющим соседний замок.

Просто до сих пор его лицо как-то не предполагало необходимости это делать.

— Так лучше, — сказала она.

— Что?

— Ничего.

— Вы второй раз за пять минут отвечаете «ничего» на вопрос, у которого очевидно есть ответ.

186 / 1064

Тара вздохнула.

— Хорошо. Вы сейчас выглядели немного менее так, будто собираетесь кого-нибудь уволить.

— Я сегодня уже закончил увольнять людей.

Она уставилась на него.

Петер тихо хмыкнул.

— Вы шутите? — спросила Тара.

— Нет.

Она секунду пыталась понять.

Потом рассмеялась снова.

— Вот теперь я вообще не знаю, что с вами делать.

— Ничего не нужно.

— Отлично. Это как раз входит в мои планы.

Петер позвал второго мужчину, и они вдвоём подняли выбранный Тарой кусок.

Она отступила, освобождая дорогу.

— Мастерская там. Дверь открыта, можно просто рядом поставить. — Сделаем.

— Спасибо.

Они ушли через её ворота.

На несколько секунд Тара осталась с Максимилианом вдвоём. Стало тише.

Измельчитель больше не работал, двигатель грузовика ровно урчал на холостых. С мокрых ветвей время от времени падали тяжёлые капли.

Максимилиан посмотрел в сторону её дома.

— Вы давно здесь живёте?

— Полтора года. Чуть больше.

— И ещё не передумали?

— Насчёт дома?

— Насчёт всего.

Тара тоже посмотрела туда.

Дом отсюда казался ещё меньше рядом с деревьями. Свет горел только на кухне — она оставила его включённым. За домом виднелась крыша мастерской.

Она когда-то очень долго решала, достаточно ли ей этого места. Потом ещё дольше боялась, что купила не тот дом только потому, что влюбилась в отдельную мастерскую.

Сейчас вопрос казался почти странным.

— Нет. Иногда хочу переделать половину дома. Кухню — регулярно. Ванная тоже когда-нибудь дождётся. Но уехать отсюда

187 / 1064

не хочу.

— Кухню проще заменить.

Тара повернула голову.

— Вот.

— Что?

— Опять.

Он нахмурился.

— Я не понимаю.

— Я начинаю понимать вашу систему.

Максимилиан посмотрел на неё уже с явным интересом.

— И какую же?

Тара засунула руки в карманы свитера.

— Пока предварительную. Если что-то мешает — убрать.

Если можно решить один раз — решить один раз. Если что-то не устраивает и можно заменить — заменить.

Она немного подумала.

— И вы почему-то считаете, что это всем должно быть так же очевидно, как вам.

Несколько секунд он молчал.

Не обиделся.

Не рассмеялся.

Действительно обдумал.

— Последнее сформулировано неточно.

— Я почти не сомневалась, что вы найдёте ошибку.

— Дело не в очевидности. Если проблема имеет решение, которое устраняет её причину, я не вижу смысла годами обслуживать последствия.

— Например, плохая кухня.

— Например.

— А если мне сейчас жалко денег на новую?

— Тогда кухня вас устраивает больше, чем стоимость её замены. Тара моргнула.

— Нет.

— Именно так.

— Нет. Она меня не устраивает. Я просто могу одновременно не любить кухню и не хотеть потратить на неё двадцать тысяч. — Значит, в данный момент второе для вас важнее первого. — Это ужасный способ смотреть на жизнь.

— Зато точный.

Она посмотрела на него.

Вот оно.

188 / 1064

Он не спорил ради победы.

Даже не пытался заставить её согласиться.

Просто произнёс это так, будто существовала правильная система координат, он её уже определил и теперь великодушно предоставлял окружающим возможность ею пользоваться. И, что особенно раздражало, внутри этой системы его рассуждение действительно имело смысл.

Тара подумала о кухне.

О шкафчике, который надо было толкнуть дважды.

О фотографиях кухонь, сохранённых в телефоне ещё в первый месяц после переезда.

О сумме, которую она каждый раз предпочитала потратить на что-нибудь другое.

Чёрт.

Она не собиралась сообщать ему, что в этом конкретном случае он, возможно, прав.

Пусть живёт без этого знания.

— Всё равно дерево сначала обследуйте, — сказала она.

Максимилиан посмотрел на неё.

— Это уже решено.

— Я знаю.

— Тогда зачем вы мне это говорите?

— Сообщаю о своих чувствах.

Он помолчал.

— Начинаю понимать.

— Видите? Мы оба сегодня чему-то научились.

Петер возвращался от мастерской.

— Поставили у двери.

— Спасибо.

— Не за что.

Тара посмотрела на время.

Омлет.

Она совершенно забыла про омлет.

— Мне пора. У меня ужин ещё даже не начал существовать. — Трагедия, — сказал Максимилиан.

Она посмотрела на него с подозрением.

Нет.

На этот раз точно шутит.

— Доброй ночи, Максимилиан.

— Доброй ночи, Тара.

Она пошла к дому.

189 / 1064

Через несколько шагов услышала, как он снова заговорил с Петером — о сроках обследования, доступе техники и ещё о чём-то, чего уже не разобрала.

Тара не обернулась.

Но по дороге к дому снова подумала о нём.

Не о том, что он оказался приятнее, чем она считала.

Не оказался.

И уж точно не о том, что первое впечатление было ошибочным. Оно было совершенно правильным.

Просто неполным.

Максимилиан Вейл не разговаривал так с ней потому, что она его раздражала.

Он разговаривал так со всеми.

Разница была только в том, что с людьми, которые знали своё дело, он не пытался доказать, что знает его лучше. Слушал. Спрашивал. Решал.

Никакого скрытого добродушного мужчины под неприятной оболочкой Тара не обнаружила.

Оболочки, похоже, вообще не было.

Тара открыла дверь дома.

На кухне горел свет. На столе лежал телефон, рядом — так и не использованная сковорода.

Она сняла обувь.

И вдруг улыбнулась.

— Господи, — сказала она пустой прихожей. — Он правда такой. Почему-то теперь это было почти смешно.

Максимилиан вошёл в дом через двадцать минут.

Хольц уехал. Проезд был свободен. Обследование второго дерева назначат через Дениэла.

Вопрос был закрыт.

Он снял пальто и отдал его сотруднице, вышедшей в холл.

— Ужин через сорок минут, господин Вейл.

— Хорошо.

Он поднялся наверх.

Тара Рид жила по соседству полтора года.

До недавнего времени он не знал о ней ничего, кроме того, что кто-то приобрёл дом и устроил в хозяйственной постройке мастерскую.

Теперь знал немного больше.

Живёт одна.

Работает одна.

190 / 1064

Делает мебель на заказ.

И смеётся, когда считает его смешным.

Максимилиан расстегнул манжету рубашки.

Последнее почему-то запомнилось лучше остального. Он не любил, когда люди смеялись из нервозности. Не любил заискивающий смех ещё больше.

У Тары не было ни того, ни другого.

Ей действительно было смешно.

В том числе над ним.

Это его не раздражало.

Пока.

Он снял часы и положил их на комод.

Перед глазами неожиданно возникла совсем другая деталь: светлый свитер, джинсы и её фигура, когда она наклонилась выбрать кусок дерева.

Максимилиан задержался на этой мысли.

Да.

Он хотел её.

Теперь уже без поправки на случайность первой встречи. Не настолько, чтобы немедленно что-то с этим делать. Желание само по себе не создавало необходимости действовать. Он встречал привлекательных женщин постоянно и далеко не с каждой собирался спать.

Но если Тара Рид однажды окажется в его постели, возражений у него точно не будет.

Скорее наоборот.

Он вспомнил её рот.

Потом то, как она сказала: «Сообщаю о своих чувствах». Максимилиан усмехнулся.

И пошёл в душ.

ЭПИЗОД 24

У Сесилии дома Максимилиан бывал реже, чем она у

него. Не потому, что ему здесь не нравилось. Просто её квартира находилась на другом конце города, а заканчивать день Максимилиан предпочитал ближе к месту, где собирался начать следующий.

Сегодня это значения не имело.

Сесилия открыла сама.

191 / 1064

На ней были широкие домашние брюки и тонкий тёмный свитер. Волосы она собрала наверх, но одна шпилька, кажется, уже сдалась: у виска выбилась длинная прядь.

Из глубины квартиры говорил телевизор. На кухне работала вытяжка. Пахло розмарином, чесноком и мясом.

— Ты рано.

Максимилиан посмотрел на часы.

— На три минуты.

— Я заметила.

Она взялась пальцами за его рубашку чуть выше ремня, притянула к себе и поцеловала. Спокойно, привычно, не торопясь. Отстранившись, провела большим пальцем по его нижней губе. — Виски на кухне. Мне нужно закончить письмо.

— Рабочее?

— К сожалению.

Она уже уходила в гостиную.

Максимилиан задержал на ней взгляд и направился на кухню. Здесь было теплее.

Запах ужина стал плотнее: розмарин, чеснок, что-то острое и тёплая мясная корочка. Из духовки доносился ровный гул вентилятора.

На длинном столе лежали раскрытый журнал, очки и две папки. Несколько белых лепестков осыпались из вазы прямо на бумаги. На разделочной доске остались половина лимона, нож и несколько веточек розмарина. Рядом с бутылкой вина стояли виски и стакан. За окном медленно двигались красные огни машин, на секунду отражаясь в стеклянных дверцах шкафов.

Максимилиан налил себе.

Из гостиной слышался тихий стук клавиш.

Телефон коротко завибрировал в кармане.

Дениэл прислал два сообщения. На первое Максимилиан ответил сразу. Второе касалось утра. Он прочитал его, убрал телефон и подошёл к окну.

Внизу машина остановилась у подъезда напротив. Женщина с большой сумкой вышла с заднего сиденья, водитель тут же уехал. Через несколько секунд дверь соседнего дома закрылась за ней. Клавиши в гостиной замолчали.

Сесилия появилась на кухне с закрытым ноутбуком под мышкой. — Всё.

Она положила его на свободный край стола, подошла к духовке и открыла дверцу.

192 / 1064

Тёплый воздух сразу усилил запах чеснока и розмарина.

Сесилия наклонилась, проверила мясо и выпрямилась.

— Ещё минут десять.

Максимилиан посмотрел внутрь.

— Пятнадцать.

Она повернула голову.

— Я готовлю.

— Я вижу.

Сесилия несколько секунд смотрела на него, потом закрыла духовку.

— Хорошо. Через десять проверим, кто был прав.

— Через пятнадцать.

Она улыбнулась и потянулась за вином.

Максимилиан отошёл, освобождая ей место. Сесилия налила немного, сделала глоток и прислонилась бедром к столешнице. Он стоял совсем рядом. Она поправила ему край воротника, задержала пальцы на шее и убрала руку.

Сегодня они изначально договорились только поужинать. Утром у обоих начинался рабочий день раньше, чем хотелось бы, и никто не собирался оставаться на ночь.

Ни один из них не считал отсутствие секса причиной отменять вечер.

— Мама наконец сделала крышу, — сказала Сесилия.

Максимилиан отпил виски.

— Полностью?

— Да. Твои кровельщики нашли ещё две протечки.

— Не мои.

Сесилия провела пальцами по веточке розмарина и поднесла их к носу.

— Она назвала их ужасно дорогими. А тебя очень умным.

— Вторая часть тоже была претензией?

Сесилия посмотрела на него и улыбнулась.

— В основном.

— Они не дорогие.

Она тихо рассмеялась.

— Я знала, что именно это тебя заденет.

— Меня это не задело.

— Конечно.

Спорить она не стала.

Духовка гудела за их спинами. Из гостиной всё ещё доносился

193 / 1064

голос диктора, но слов отсюда уже нельзя было разобрать. Кто-то этажом выше передвинул стул. По стеклу окна прошёл свет очередной машины.

Сесилия отпила вина.

Она давно научилась различать его состояния по вещам, которые со стороны состояниями вообще не казались.

Сегодня он был спокоен.

Не в хорошем настроении — это было бы слишком приблизительно. Просто ничего не требовало от него внутреннего усилия. Телефон оставался в кармане. Он не топилась допить виски, не смотрел на часы. Стоял рядом с

ней, а не где-то ещё внутри собственной головы.

С Максимилианом отсутствие напряжения было заметнее веселья. Сесилия отставила бокал.

— В пятницу я, возможно, не смогу.

— Перенесём.

Она сорвала ещё несколько листиков с веточки, растёрла между пальцами.

— Возможно, дело не в работе.

Внимание изменилось мгновенно.

Не лицо. Не поза.

Просто секунду назад он смотрел на её пальцы.

Теперь — ей в глаза.

Сесилия знала и это.

— Есть один человек. Познакомились по работе. Потом несколько раз виделись уже без неё.

Максимилиан не спросил имени.

На кухне щёлкнул термостат духовки.

— Ты с ним спала?

— Нет.

Она ответила сразу.

Максимилиан кивнул и сделал глоток.

Сесилия подождала.

Он поставил стакан на стол.

— Даже не спросишь, кто он?

— Зачем?

Она посмотрела на него и медленно улыбнулась.

Не из-за отсутствия ревности. И не потому, что ей польстило доверие.

Ей нравилась точность.

Имя другого мужчины, его возраст, работа, внешность — всё это

194 / 1064

сейчас действительно не имело к Максимилиану никакого отношения.

Имело только одно.

— Если это изменится, я скажу.

— Знаю.

Он произнёс это так просто, что продолжать было нечего. Пока они спят друг с другом, других нет. Если однажды одному из них понадобится другой человек, сначала закончится это.

До.

Не после.

Сесилия никогда не просила у Максимилиана обещаний сверх тех, которые он действительно давал. Возможно, поэтому ей никогда не приходилось сомневаться в тех, что были.

Она посмотрела на часы духовки.

— Прошло десять.

— Я знаю.

Сесилия открыла дверцу.

Максимилиан ничего не сказал.

Она проверила мясо, закрыла духовку и повернулась к нему. — Ни слова.

Он взял стакан.

— Я ничего не сказал.

— Именно это я и имела в виду.

Ещё через несколько минут они сели за стол.

Сесилия выключила вытяжку, и кухня сразу стала тише. Остался только приглушённый город за окном и телевизор в дальней комнате. Она сходила выключить его совсем.

Когда вернулась, Максимилиан уже разрезал мясо.

Сесилия села напротив.

— Ну?

Он прожевал.

— Хорошо.

Она приподняла брови.

— Даже так?

— Хорошо приготовлено.

Сесилия улыбнулась и занялась своей тарелкой.

Несколько минут они ели молча.

Молчание между ними никогда не требовало заполнения. Сесилия могла читать рядом с ним, работать, отвечать на сообщения. Максимилиан мог долго не говорить, а потом продолжить разговор с того места, где тот закончился.

195 / 1064

Телефон Сесилии завибрировал на столе.

Она мельком посмотрела на экран и перевернула его.

Максимилиан заметил.

Ничего не спросил.

Сесилия взяла бокал.

— Это он.

— Понял.

Она посмотрела на него поверх стекла.

Ни одного лишнего вопроса.

Это было не безразличие. Безразличного Максимилиана она тоже знала. Там внимание просто исчезало.

Сейчас оно никуда не исчезло.

Просто полученной информации ему было достаточно. Сесилия отпила вина и сменила тему.

После ужина они перешли в гостиную.

Тарелки остались в мойке до утра. Сесилия убрала еду, вытерла столешницу и принесла с собой бутылку вина. Максимилиан уже сидел в кресле.

Она выключила новости и поставила музыку.

Негромко.

Комната изменилась почти сразу. Голоса исчезли, осталась гитара, мягкий свет двух ламп и город в длинных окнах. В стекле поверх движущихся внизу машин отражались диван, край книжного шкафа и Сесилия, когда она прошла к столику.

Она села на диван боком, поджав одну ногу, потом передумала и вытянула обе. Ступни легли на край его кресла.

Максимилиан взял её за лодыжку и немного сдвинул,

освобождая себе место.

Его ладонь ещё секунду оставалась на её коже.

Сесилия пошевелила пальцами ног.

— Мешаю?

— Уже нет.

Она усмехнулась и оставила ноги там.

Разговор перешёл на ресторан, куда Сесилия собиралась на следующей неделе.

Максимилиан уже был там.

— Переоценён, — сказал он.

Сесилия покачала в бокале вино.

— Там хорошая кухня.

— Хорошая.

— И винная карта.

196 / 1064

— Тоже.

Она подождала.

Максимилиан посмотрел на неё.

— Что?

— Ничего. Просто наслаждаюсь тем, как ты сейчас объяснишь мне, почему два хороших качества в сумме дают плохой ресторан. Он усмехнулся.

— Он не плохой. Он переоценён. Это разные вещи.

— Конечно.

— За те же деньги есть как минимум три места лучше. — Я иду туда не проводить сравнительный анализ.

— Тогда зачем ты спросила моё мнение?

Сесилия чуть прищурилась.

— Я не спрашивала.

Максимилиан остановился.

Она рассмеялась.

— Вот теперь мне хорошо.

Он покачал головой и взял стакан.

Несколько секунд Сесилия ещё улыбалась.

Потом посмотрела в окно.

Внизу загорелся зелёный. Поток машин двинулся сразу, красные огни растянулись вдоль улицы и снова остановились дальше, у следующего перекрёстка.

Она знала Максимилиана слишком хорошо, чтобы искать в нём загадку.

Большинство вещей в нём вообще не были загадочными. Он говорил то, что имел в виду. Хотел того, чего хотел. Не изображал чувств, которых не испытывал, и не смягчал неприятное только потому, что другому человеку так будет удобнее услышать.

Иногда это делало его невыносимым.

Иногда — удивительно простым.

Сесилия повернула бокал за ножку.

— Ты когда-нибудь был влюблён?

Максимилиан посмотрел на неё.

Вопрос появился посреди разговора без всякой связи с рестораном.

— Нет.

Сесилия кивнула и отпила вина.

— Интересно.

— Что?

197 / 1064

— Каким ты будешь.

— В каком смысле?

Она чуть улыбнулась.

— Влюблённым.

Максимилиан пожал плечом.

— Таким же.

Сесилия задержала на нём взгляд.

— В этом я почти уверена.

За окном сменился свет светофора. По потолку медленно прошли отражения фар и исчезли. Музыка на несколько секунд стихла между композициями.

Сесилия покрутила бокал за ножку.

— Хорошо. Допустим, ты любишь женщину. Она хочет одного. Ты считаешь правильным другое.

— Кто из нас прав?

Сесилия посмотрела на него.

Максимилиан ждал.

— Не знаю.

— Тогда в чём вопрос?

Угол её губ дрогнул.

— Ни в чём.

Он нахмурился.

— Ты только что задала вопрос.

— Уже получила ответ.

— Я не ответил.

— Знаю.

Сесилия отпила вина.

Максимилиан ещё несколько секунд смотрел на неё, явно пытаясь понять, что именно она считает ответом.

— Если речь о выборе ресторана, мне всё равно, — сказал он наконец. — Если о чём-то, где решение имеет последствия, нужно понимать, какое решение лучше.

Сесилия медленно кивнула.

— Понятно.

— Что понятно?

Она улыбнулась.

— Теперь — всё.

Максимилиан посмотрел на неё с явным сомнением.

— Станный разговор.

— Немного.

— Ты собиралась что-то выяснить?

198 / 1064

— Да.

— Выяснила?

Сесилия взяла бокал со своего колена.

— Вполне.

Он подождал.

Она больше ничего не добавила.

Максимилиан взял стакан.

— Ресторан всё равно переоценён.

Сесилия рассмеялась.

— Я поняла.

Музыка продолжала играть.

Некоторое время они больше не разговаривали.

Сесилия снова вытянула ноги к его креслу. На этот раз Максимилиан сам взял её за лодыжку и устроил ступни так, чтобы они не мешали ему.

Она прикрыла глаза.

Его большой палец лениво прошёл по внутренней стороне её щиколотки.

Сесилия не думала, что Максимилиан неспособен влюбиться. Это было бы слишком просто.

Она могла представить его женатым. Отцом — даже легче. Могла представить, как он помнит, что женщина пьёт утром, когда у неё самолёт, кому нужно позвонить из-за её крыши и что именно следует исправить до того, как она сама успеет решить, что проблема достаточно серьёзная.

Всё это он умел и без любви.

Поэтому ей было интересно другое.

Не изменится ли Максимилиан.

Он, вероятно, был прав: не изменится.

Сесилия открыла глаза и посмотрела на него.

Он слушал музыку, глядя на отражение комнаты в тёмном

стекле. Телефон на столике коротко завибрировал.

Максимилиан перевёл взгляд.

— Не бери, — сказала Сесилия.

Он посмотрел на неё.

Потом снова на телефон.

И не взял.

Она улыбнулась, устроилась глубже в диване и снова закрыла глаза.

199 / 1064

ЭПИЗОД 25

В половине десятого Тара уже второй раз объясняла Линде, что цифра не может одновременно быть правильной и взята из ниоткуда.

В офисе уже несколько часов работали кондиционеры. Из открытой переговорной доносились голоса, где-то рядом звонил телефон.

— Она не из ниоткуда.

— Отлично. Откуда?

Линда придвинула к ней распечатку.

Тара посмотрела.

Потом на вторую.

Потом снова на первую.

— Это другая цифра.

— Я знаю.

— Тогда зачем ты показываешь её мне?

— Потому что они связаны.

— Линда.

— Что?

— Я работаю с деревом.

Линда откинулась на спинку стула.

— Ты работала бухгалтером.

— Очень давно.

— Восемь лет — не очень давно.

— За восемь лет люди успевают получить медицинское образование.

— Ты его не получала.

— Откуда ты знаешь?

Линда посмотрела на её джинсы, футболку и собранные кое-как волосы.

— Ты бы всем рассказала.

— Справедливо.

Тара снова придвинула к себе бумаги.

В офис она приехала на час.

По крайней мере, именно так Линда сформулировала вчера вечером:

«У нас аудит. Я, кажется, сейчас кого-нибудь убью. Ты можешь посмотреть одну вещь свежими глазами? На час».

Тара согласилась прежде, чем вспомнила, что у людей в состоянии «сейчас кого-нибудь убью» час редко состоит из шестидесяти

минут.

Прошло уже почти два.

На соседнем столе стояла её вторая чашка кофе. Первая закончилась ещё до того, как Тара поняла, что проблема действительно существует.

За окнами было уже ярко, и свет ложился на край стола, бумаги и экран.

Теперь ей самой стало интересно.

Это было хуже всего.

— Покажи первичку за этот месяц.

Линда молча протянула папку.

Тара подняла глаза.

— Она у тебя уже была готова?

— Я надеялась, что ты попросишь.

— Манипулятор.

— Да.

Тара раскрыла папку.

Через несколько минут перестала замечать офис.

Некоторые вещи возвращались слишком легко.

Не конкретные формы — половина успела измениться. Не программа, которую обновляли столько раз, что Тара дважды спросила, куда исчезла нужная кнопка.

Логика.

Вот она никуда не делась.

Если число стояло здесь, оно должно было прийти откуда-то отсюда. Если не пришло — либо его внесли руками,

либо оно подтянулось из места, которое никто не проверил.

Тара нашла его через двадцать три минуты.

— Вот.

Линда придвинулась.

— Где?

— Здесь.

— Я это проверяла.

— Нет.

— Проверяла.

— Тогда плохо.

— Спасибо.

— Обращайся.

Тара ткнула пальцем в строку.

— У вас сумма попала сюда дважды. Один раз нормально, второй — после корректировки. Поэтому у тебя итог правильный в одном

201 / 1064

отчёте и неправильный в другом.

Линда смотрела на экран.

— Сука.

— Это уже бухгалтерский термин?

— Во время аудита — официальный.

Тара рассмеялась и потянулась за кофе.

Он остыл.

Она всё равно выпила.

— И что теперь?

— Теперь исправляешь.

— Очень полезно.

— Ты просила найти, а не прожить за тебя жизнь.

Линда уже что-то печатала.

— Подожди. А последствия?

Тара посмотрела на экран ещё раз.

— Вот это я бы уточнила.

— У кого?

Тара подумала.

— У Адама.

Линда перестала печатать.

— Твоего Адама?

— Он давно не мой.

— Ты поняла, что я имею в виду.

— Поняла.

Она достала телефон.

— Это как раз ближе к его работе, чем к моей. Я могу найти ошибку. Что вам теперь с ней правильно делать перед аудитом — пусть говорит человек, которому за это всё ещё платят. — Позвонишь?

— Напишу. У него тоже существует работа.

Она быстро набрала сообщение.

Ответ пришёл не сразу.

Тара успела допить холодный кофе, закрыть три окна на компьютере и обнаружить под папкой печенье.

— Это моё, — сказала Линда.

Тара уже откусила.

— Докажи.

Телефон завибрировал.

Адам попросил прислать две страницы и написал, что перезвонит через десять минут.

Через двенадцать позвонил.

202 / 1064

Тара включила громкую связь.

— Привет.

— Привет. Что вы там сломали?

Линда наклонилась к телефону.

— Ничего мы не сломали.

— Тогда зачем мне прислали документы?

— Адам, — сказала Тара.

— Молчу.

Он не молчал.

Но через пять минут Линда уже записывала, что именно нужно поднять до разговора с аудитором, а Тара ела второе печенье. Ещё через три Адам сказал:

— Всё. Дальше без меня.

— Спасибо.

— С тебя кофе.

— Почему с меня?

— Ты позвонила.

— Линда позвала меня.

— Тогда с Линды.

— Согласна, — быстро сказала Линда.

— Вот. Нормальный человек.

Тара отключилась.

— Вы после развода всегда такие? — спросила Линда.

— Какие?

— Ненормальные.

Тара встала и потянулась за сумкой.

— Нет. В браке были хуже.

На улицу она вышла почти в полдень.

После кондиционированного офиса тепло сразу почувствовалось сильнее. На тротуаре было многолюдно, машины двигались по улице плотным потоком, а из открытых дверей магазинов тянуло прохладным воздухом.

Тара посмотрела на список в телефоне.

Банк можно было перенести.

Химчистку — тоже.

Заехать за кофе — нет. Кофе закончился дома, а утро без него Тара считала нарушением базовых прав человека.

Ещё ей нужны были шампунь, крем, новые носки и подарок Майе, который она собиралась купить уже две недели.

Через сорок минут у неё были кофе, шампунь, крем, носки и не было подарка Майе.

203 / 1064

Зато было платье.

Тара стояла перед зеркалом в примерочной и пыталась понять, как именно это произошло.

Платье ей было не нужно.

Совсем.

Она пришла сюда потому, что увидела в витрине сумку, которая могла понравиться Майе.

Сумка вблизи оказалась ужасной.

Платье — нет.

В примерочной было светло, сверху ровно падал белый свет. Тара повернулась боком.

— Чёрт.

Продавщица за шторой спросила:

— Всё хорошо?

— К сожалению.

— Принести другой размер?

— Нет. Этот сидит.

— Тогда почему к сожалению?

Тара посмотрела на ценник.

— Потому что этот тоже сидит.

Продавщица рассмеялась.

Платье Тара купила.

Через пятнадцать минут она купила ещё и бюстгальтер. Вот это уже вообще не имело никакого отношения к Майе. Магазин белья находился напротив.

Тара собиралась пройти мимо.

Потом увидела комплект в витрине.

Потом решила только посмотреть.

Потом продавщица сказала:

— У нас есть ваш размер.

И вот теперь Тара стояла в примерочной почти голая и рассматривала себя в зеркале.

Бельё было тёмным, очень красивым и совершенно непрактичным. Тара поправила бретель.

Повернулась.

Посмотрела через плечо.

— Ну надо же.

Она давно не покупала бельё просто потому, что в нём нравилась себе.

Не для свидания.

Не потому, что старое пора выбросить.

204 / 1064

Не потому, что нужен гладкий бюстгальтер под конкретную одежду.

Просто это было красиво.

И грудь в нём выглядела отлично.

Последнее было достаточным аргументом.

— Оставляем? — спросила продавщица.

Тара ещё раз посмотрела в зеркало.

— Однозначно.

Она вышла из магазина с двумя пакетами вместо одного подарка, которого по-прежнему не существовало.

И почти сразу увидела Саймона.

Он сидел за столиком небольшого кафе через галерею и смотрел в телефон.

Вот и всё.

Чашка кофе перед ним. Телефон в руке. Рукава рубашки закатаны до локтей.

Тара узнала его профиль.

И остановилась.

Кольнуло неожиданно сильно для человека, который всего лишь пил кофе.

Быстро.

Неприятно.

Настолько знакомо, что тело успело отреагировать раньше головы. Саймон поднял глаза.

Увидел её.

На его лице сначала появилось удивление, потом улыбка. Тара выдохнула и пошла к нему.

— Привет.

— Привет.

Он встал.

Они на секунду оба не поняли, обниматься или нет.

В итоге обнялись.

Коротко.

И вот это оказалось хуже, чем увидеть его издалека.

Знакомый запах.

Знакомая ладонь между лопаток.

Память тела вообще отличалась отвратительными манерами. Саймон отступил первым.

— Хорошо выглядишь.

— Спасибо. Ты тоже.

Это тоже было правдой.

205 / 1064

Она посмотрела на чашку.

— Один?

— Пока да. Жду человека.

Что-то внутри снова дёрнулось.

Тара кивнула.

— Ясно.

Саймон посмотрел на пакеты у неё в руках.

— Успешная охота?

Тара опустила глаза.

На одном из пакетов название магазина белья было напечатано буквами такого размера, будто компания боялась, что прохожие не узнают о её покупке.

— Чрезвычайно.

Саймон тоже увидел.

Угол его рта дрогнул.

— Я ничего не сказал.

— И правильно.

— Даже не собирался.

— Врёшь.

— Немного.

Тара рассмеялась.

И внезапно стало проще.

Не совсем легко.

Но проще.

Она знала эту улыбку. Знала, как он морщит нос, когда смеётся. Знала, что он пьёт кофе без сахара и всегда сначала съедает то, что ему меньше нравится.

Всё это по-прежнему было при ней.

Просто больше ничего от неё не требовало.

— Как ты? — спросил Саймон.

Тара чуть подумала.

— Хорошо.

На этот раз не автоматически.

— Правда хорошо.

Он кивнул.

— Рад.

— А ты?

— Тоже.

За его спиной к кафе подошла женщина.

Тара заметила её только потому, что Саймон посмотрел туда. Женщина подняла руку.

206 / 1064

Саймон ответил тем же.

И снова посмотрел на Тару.

— Мне пора.

— Конечно.

Она улыбнулась.

Кольнуло ещё раз.

Совсем чуть-чуть.

И прошло быстрее первого.

— Рада была тебя увидеть.

— Я тоже.

На этот раз они не обнимались.

Тара пошла дальше.

У следующей витрины остановилась.

Посмотрела на своё отражение: светлые волосы, два пакета в одной руке, ещё два в другой.

Потом на пакет с бельём.

— Ну и отлично.

И пошла искать подарок Майе.

Подарок она всё-таки нашла.

Через полчаса пакеты лежали в багажнике, а Тара выезжала с парковки.

Водитель маленького серого хэтчбека остановился и решил подождать.

Тара показала ему рукой спасибо.

Он на всякий случай отъехал ещё немного.

— Разумно.

На дорогу она выехала с включённым поворотником. Через два квартала заметила, что он всё ещё мигает.

— Всё, всё.

Выключила.

За окнами тянулись магазины, кафе и невысокие дома. Между ними попадались небольшие полосы зелени: деревья вдоль тротуаров, кусты у парковок, сухая трава между бор-

дзором и оградой.

Через несколько минут ей понадобилось налево.

Тара заняла левую полосу сильно заранее.

Настолько, что поворот пока существовал преимущественно в навигаторе.

Сзади почти сразу замигали фарами.

Тара посмотрела в зеркало.

Потом на спидометр.

207 / 1064

Потом снова в зеркало.

— Я понимаю твою позицию.

Фары мигнули ещё раз.

— Но у меня через полтора километра налево.

Машина обошла её справа.

Тара проводила её взглядом.

— Вот. Компромисс.

Через несколько секунд она включила музыку.

На следующем светофоре остановилась.

Саймон ждал другую женщину.

Тара посмотрела на красный сигнал впереди. Слева от перекрёстка за стеклом мелькнули листья небольшого дерева, шевельнувшиеся от ветра. На соседней полосе остановился автобус, на его окне на секунду отразилось её лицо.

И вдруг она очень ясно увидела его ванную.

Свою зубную щётку в стакане возле зеркала.

Она простояла там несколько месяцев.

Сначала Тара каждый раз забирала её с собой. Потом однажды оставила.

У Саймона дома ещё лежал её бритвенный станок. В нижнем ящике, справа. Он однажды спросил, почему она каждый раз таскает его туда-сюда, и Тара купила второй.

Она даже не помнила, забрала ли его потом.

Светофор переключился.

Тара тронулась.

Впереди блестела после мойки дорога, на капоте соседней машины дрожали отражения рекламных вывесок. Музыка играла что-то бодрое, совершенно не подходящее к её настроению. И это было даже хорошо.

Через квартал она перестроилась левее.

Саймон был хорошим мужчиной.

С ним было хорошо.

Наверное, поэтому сейчас было немного печально.

Не больно.

Именно печально.

Ей хотелось большего. Не другого человека. Не другой жизни. Просто большего.

А ему было хорошо там, где они находились.

Тара посмотрела вперёд.

Иногда дело было не в том, что один человек не подходит другому. Иногда они просто хотели разного в один и тот же момент.

Машина впереди затормозила, и Тара чуть нажала на педаль. Справа за стеклом промелькнули деревья, потом открылась длинная полоса газона между дорогой и домами. Ветер пригибал верхушки травы, и свет от солнца то появлялся на дороге, то снова уходил в тень.

Тара моргнула.

Посмотрела в зеркало.

Сзади машина мигнула фарами.

— Нет.

Мигнула ещё раз.

— Мне налево.

До поворота оставалось больше километра.

Тара знала.

Водитель сзади этого знать не обязан.

Он обошёл её справа.

— Вот и молодец.

Она прибавила музыку.

До дома оставалось минут двадцать.

За это время успели смениться ещё три песни. Одну Тара знала и обычно подпевала.

Сегодня не стала.

Дорога постепенно освободилась. Машин стало меньше, дома разошлись дальше друг от друга. Потом между ними появились длинные участки деревьев.

Музыка продолжала играть.

Тара вела Hummer, положив обе руки на руль.

На Берч-Лейн свернула со второго раза.

Проехала поворот, увидела его в зеркале, остановилась и сдала назад.

— Прекрасно.

Во дворе тоже получилось не сразу.

Hummer встал криво.

Тара поправила.

Стало криво в другую сторону.

Она посидела, глядя через лобовое стекло.

Потом заглушила двигатель.

Музыка оборвалась.

Несколько секунд она ещё сидела, не двигаясь.

Потом открыла дверь.

На улице было тихо.

Ветер шевелил верхние ветки деревьев. Где-то дальше по дороге

209 / 1064

коротко хлопнула автомобильная дверь. Из-за соседнего дома донёлся приглушённый собачий лай и сразу стих.

Тара открыла багажник.

Пакеты стояли тесно, один привалился к другому. Она взяла два, потом третий, подумала и оставила остальные.

До дома дошла не спеша.

Поставила пакеты у двери.

Вернулась.

Забрала остальные.

Красный Hummer остался стоять перед домом чуть наискосок. На кухне Тара поставила пакеты на стол.

Сначала подарок.

Потом платье.

Ещё один пакет она подняла, посмотрела на него и отнесла наверх. Коробка с бельём осталась на кровати.

Тара не стала её открывать.

Спустилась.

На лестнице было слышно, как работает холодильник. На кухне она взяла стакан и открыла воду.

Струя пошла нормально.

Потом стала слабее.

Тара подождала.

Ещё слабее.

— Нет.

Она открыла кран сильнее.

— Даже не начинай.

Вода продолжала течь тонкой струёй.

За насос, бак, автоматику, работу и ещё что-то очень важное, название чего она забыла сразу после того, как подписала счёт, она заплатила достаточно, чтобы вода в этом доме как минимум не нуждалась в моральной поддержке.

Мастер тогда объяснял долго.

Тара слушала.

Задавала вопросы.

Ей показали старую деталь, новую деталь, какие-то пока-

затели и в конце торжественно открыли кран.

Вода шла прекрасно.

Недели три.

Потом давление снова начало временами падать.

Они приезжали ещё раз.

Что-то настроили.

210 / 1064

Потом ещё раз.

Последний раз мужчина минут десять смотрел на работающий кран и сказал, что сейчас всё в норме.

Сейчас всё тоже было в норме.

Если нормой считать возможность наполнить стакан за время, достаточное для переосмысления жизненных приоритетов. Тара открыла кран ещё сильнее.

Струя неожиданно ожила и ударила в стакан так, что вода плеснула на столешницу и футболку.

Тара замерла.

Посмотрела на пятно.

Потом на кран.

Закрыла его.

— Спасибо.

Она взяла полотенце.

Вытерла столешницу.

Потом футболку.

Пятно осталось.

Тара допила воду, стоя у окна.

За стеклом был двор. Дальше — мастерская. За ней поднимались деревья.

Ветер проходил по верхушкам, и они двигались почти одновременно.

Тара смотрела на них, пока не допила.

Поставила стакан в мойку.

На кухонном полу медленно двигалась полоса света. Она уже дошла до ножек стола.

Тара посмотрела на часы.

Потом ещё раз.

Мастерская была видна из окна почти целиком.

Она не двигалась.

На улице ничего не происходило.

Ветка у забора опустилась под ветром и снова поднялась.

По дороге проехала машина.

Её было слышно ещё несколько секунд после того, как она исчезла за деревьями.

Тара провела большим пальцем по краю столешницы. После завтра столик должны были забрать.

Сегодня нужно было масло.

Она знала это.

Посмотрела на часы ещё раз.

211 / 1064

Потом отвернулась от окна.

В прихожей надела рабочую обувь.

Ключ лежал там же, где она его оставила утром.

Тара взяла его.

Вышла.

Дверь за ней закрылась.

Несколько секунд она стояла на крыльце.

Дом остался за спиной. Мастерская была впереди.

Между ними — двор, который она обычно пересекала, даже не замечая расстояния.

Тара спустилась со ступенек.

В мастерской было тихо.

Она включила свет, оставила ключ на полке у двери и пошла к верстаку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.